

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

3

2018

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3/2018 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Д.В. Андриянова, Е.А. Крестьянников** — Модели служебного мотивирования чиновников администрации и юстиции Сибири в конце XIX — начале XX в. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Г.А. Гребенщикова** — Андрей Яковлевич Италинский 20

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- В.Э. Багдасарян, С.И. Реснянский** — Версия о «ритуальном убийстве» царской семьи в исторической литературе и общественном дискурсе 35

СООБЩЕНИЯ

- Г.Б. Избасарова** — Модели управления казахской степью в XIX в. на примере размышлений Ф.М. Лазаревского 49

- Ю.И. Дин, К. Мин** — Освещение сухопутной операции советских войск в северной Корее в августе 1945 г. ... 61

- В.В. Гафаров** — Политика Османской империи по организации восстания мусульман против России в годы первой мировой войны 70

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

С.В. Холяев — Двудесятилетняя революция 83

В.В. Аникин — О понятии «способ производства» 99

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

В.С. Мирзеханов, М.В. Ковалёв — Интеллектуальные миграции XX века: к вопросу о моделях изучения 108

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Ю.Н. Тимкин — «Дело» о разложении партийного руководства Вятского горрайкома ВКП(б) в 1933 г. 124

Р.И. Сефербеков, О.Б. Халидова — Влияние Октябрьской революции 1917 г. на хозяйство, быт и культуру народов Дагестана 137

Д.А. Ахременко, И.Н. Новикова — Судебные преследования православного населения в Австро-Венгрии накануне первой мировой войны 143

Д.В. Васильев, С.В. Любичанковский — Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. 151

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

Ш.М. Хапизов, М.Г. Шехмагомедов — Распространение ислама в Анкратле и Цунте в XV—XVIII вв. 166

Модели служебного мотивирования чиновников администрации и юстиции Сибири в конце XIX — начале XX в.

Д.В. Андриянова, Е.А. Крестьянников

Аннотация. В статье рассматриваются правительственные меры периода поздней империи по привлечению чиновников на работу в Сибирь. Сравнительный анализ позволяет прийти к заключению о принципиальных различиях в способах, которыми поощрялась служба в администрации и юстиции. Доказывается, что такая разница определялась особенностями функций и задач этих учреждений, зависела от их положения в государственной системе и обществе, а также отношения к ним самодержавия.

Ключевые слова: Сибирь, чиновники, судьи, государственная служба.

Abstract. In article government measures of the period of the late empire for involvement of officials to Siberia and to stimulation of their work in the region are considered. The comparative analysis allows to conclude about fundamental differences in methods which encouraged service in administration and justice. It is proved that such difference was defined by features of functions and tasks of these institutions, depended on their situation in the state system and society and also the autocracy attitude towards them.

Key words: Siberia, officials, judges, civil service.

Эффективностью поощрения чиновного старания обусловлены качество человеческих ресурсов органов власти, их общий потенциал, результативность деятельности и, в конечном счете, способность решать возложенные государством задачи. Дореволюционная Сибирь традиционно испытывала острый дефицит в квалифицированных и добросовестных сотрудниках администрации и судов, а царизм, иногда

Андриянова Дина Владимировна — инженер-исследователь лаборатории исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета. E-mail: andrijanowa@gmail.com; *Крестьянников Евгений Адольфович* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru.

Andriyanova Dina V. — research engineer of Laboratory of Historical and Ecological Anthropology of the Tyumen State University. E-mail: andrijanowa@gmail.com; *Krestyannikov Evgeniy A.* — doctor of historical sciences, leading researcher of the Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, head of Laboratory of Historical and Ecological Anthropology of the Tyumen State University. E-mail: krest_e_a@mail.ru.

спорадически, предпринимая меры по совершенствованию управления краем, обращал внимание на улучшение состава служащих государственного аппарата к востоку от Урала. Хотя в изучении реформирования штата и функционирования сибирских администраций и юстиции незадолго до падения монархии современная историография продвинулась далеко ¹, она лишь обозначила вопросы стимулирования труда местных чиновников, а попытки сравнить режимы мотивирования работников из указанных ведомств вообще пока не известны.

На основе законов 1 июня 1895 г. ² и 13 мая 1896 г. ³ в Сибири проводились масштабные административные и судебные преобразования, подготовленные еще мероприятиями 1880-х гг. (например, в 1882 г. ликвидировалось Западносибирское генерал-губернаторство ⁴, а при его закрытии правительственные чиновники указывали на настоятельную необходимость усовершенствовать правосудие края ⁵, что воплотилось в весьма половинчатом преобразовании 1885 г. ⁶). Смысл реорганизации управления объяснялся так: «Органы губернской администрации в Сибири должны быть преобразованы однообразно и на началах, кои соответствовали бы общему административному строю внутренних губерний» ⁷. Реформирование юстиции базировалось на Судебных уставах 1864 г., а, значит, сибиряки наконец-то получили «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех».

Чтобы органы власти, установленные по подобию остальной России, действовали успешно, их надлежало укомплектовать умелыми и трудолюбивыми работниками. Найти таких в регионе или за его пределами — чрезвычайно сложная задача, в решении которой средствам поощрения труда отводилась важная роль. Причем, юстицию требовалось наполнить квалифицированными кадрами сразу, поскольку иного не допускало законодательство ⁸. Статистика Министерства юстиции свидетельствовала, что в момент введения уставов 47% всех назначений выпало на долю людей, так или иначе знакомых с Сибирью, а 53% лиц, занявших должности в сибирских судебных учреждениях, увидели эту имперскую окраину впервые. Отмеченная мера позволила поднять на небывалую высоту общий образовательный уровень местных судей. Из всего числа лиц, назначенных в новые суды региона, 81,5% получили высшее юридическое образование, 10,3% — высшее неюридическое и лишь 8,2% не имели аттестата о высшем образовании, но обладали достаточным опытом ⁹.

Наряду с мероприятиями по осуществлению реформ важным условием дальнейшего благополучного функционирования организаций было поддержание у их сотрудников желания трудиться. Перед министерствами внутренних дел и юстиции стояли единые задачи: сделать привлекательной службу в суровом крае и для решившихся на переезд, и для уже находившихся здесь чиновников, создав условия для качественного исполнения ими своих обязанностей. Однако сценарии решения этих вопросов были разными не только из-за функциональной ведомственной специфики. К концу XIX в. существенно нарушилось равновесие между административной и судебной властями, установленное в эпоху Александра II. Курс самодержавия на «бдительное и строгое» правительственное «воздействие на суд» ¹⁰ и крайняя противоречивость судебной политики ¹¹ нанесли сокруши-

тельный удар по судейской самостоятельности, обеспеченной когда-то реформой 1864 г. и базировавшейся на несменяемости и высокой квалификации судей, их достойном жаловании и безусловном авторитете в глазах населения¹². Таким образом, в государстве изменился баланс в распределении ресурсов между этими ведомствами не в пользу носителей правосудия.

С целью мотивирования сибирских управленцев широко использовалась практика льгот, с помощью которых самодержавие стремилось сохранить приемлемый кадровый потенциал и обеспечить терпимую, с точки зрения государственной власти, результативность управления регионом. Притягательными службу делали привилегии, установленные еще в 1886 г. «Правилами об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского»¹³, применявшиеся теперь в Сибири. Тут четыре рабочих дня считались за три, что существенно сокращало срок получения следующего чина. Среди льгот было добавочное жалование за годы службы: пятилетнее исполнение должности сулило прибавку в 20%; после второго пятилетнего срока службы назначалось вместо первой прибавки две новых из оклада, который зарабатывал чиновник при выслуге в десять лет. Такие надбавки были весомыми. К примеру, в администрации Тобольской губернии вице-губернатор Н.В. Протасьев за выслугу в пять лет получал 450 руб. дополнительно при зарплате 2250 рублей¹⁴. Непременный член по крестьянским делам Тобольского губернского управления А.П. Нарышкин за два пятилетия службы имел прибавку в 500 руб. (40%) при зарплате в 1250 рублей¹⁵.

В судебном ведомстве подобные механизмы находили незначительное применение¹⁶. Между тем они, по мнению юристов края, могли значительно улучшить материальное положение чиновников, что доказывалось даже научными способами. На рубеже первого и второго десятилетий XX в. Юридическое общество при Императорском Томском университете, представлявшее собой содружество правоведов-теоретиков (профессора университета) и правоведов-практиков (члены окружных судов, прокуроры, адвокаты, мировые судьи), провело анкетирование судебных деятелей региона и по результатам опроса признало безусловно необходимым установить систему повышения им зарплаты за выслугу. Юристы полагали справедливым и разумным, если после первого пятилетия службы вознаграждение за труд увеличивалось бы на 300 руб., после второго — на 400 руб., а после третьего — на 500 рублей¹⁷.

К льготам сотрудников администрации в Сибири относились, в частности, пособия семьям чиновников, умерших на службе. Вдова начальника одного из отделений канцелярии Е.А. Заборовского единовременно получила 250 руб. после смерти мужа и пенсионное обеспечение, но средств все равно не хватало. «В настоящее время живу на маленькую пенсию, из которой должна уделять младшему сыну еще несовершеннолетнему и требующему мою поддержку» — жаловалась она¹⁸. После смерти младшего чиновника особых поручений М.Г. Фидюкова на его погребение выделили 150 руб.; также губернатором был выписан кредит на сумму 1717 руб. 78 коп. для единовременной выдачи вдове, ей по потере кормильца назначалась пенсия

250 рублей¹⁹. Судя по всему, родственникам скончавшихся судей ничего не гарантировалось, и вспомоществования зависели от доброй воли начальства усопших, которое по мере возможностей старалось изыскать средства для помощи в трудную минуту. Например, когда в 1905 г. скончался мировой судья 1-го участка Ачинского уезда Енисейской губернии В.И. Янишевский, его вдове сам министр юстиции назначил 150 руб. «в пособие на возмещение издержек по погребению мужа», а также ей и дочери покойного предусматривалась единовременная выплата 600 рублей²⁰.

Существенным для работников администрации являлось пособие «на обзаведение детей», предусматривавшее возможность получения казенных стипендий в учебных заведениях. В 1898 г. по этой статье на чиновников губернского управления в Тобольске была выделена немалая сумма в 2800 рублей²¹. Сибирские управленцы имели преимущества в пенсионном снабжении. Во-первых, их обеспечивал тот самый льготный режим, когда три дня службы считались за четыре, во-вторых, выслуга сокращенных пенсионных сроков сохранялась при переводе на службу в Европейскую Россию²². Судебные чиновники в указанном отношении были явно ущемлены. Одним из результатов наступления на судебскую независимость в России стало то, что в Сибири законом 13 мая 1896 г. мировым судьям присваивался 6-й класс по чинопроизводству, а не 5-й, как предусматривалось Судебными уставами Александра II. Соответственно понижался размер их пенсий.

Хотя, как отмечает Т.Г. Карчаева, к концу XIX — началу XX в. из-за общей либерализации основ государственной службы роль привилегий в крае падала²³, преимущества для чиновников оставались «главной специфической чертой кадровой политики в Сибири»²⁴. Они по-прежнему признавались действенным средством привлечения квалифицированных работников в сибирскую администрацию. Недаром инициативы пересмотра преимуществ служащих в далеких местностях не находили поддержки ни в Санкт-Петербурге, ни в сибирском крае. В 1908 г. по почину министра финансов создавалась комиссия, рассматривавшая вопрос о сокращении льгот для служащих в отдаленных районах. Члены комиссии высказались за сохранение прежнего покровительственного режима, особенно на севере Тобольской и Енисейской губерний, а также в более восточных сибирских областях. Они заключили, что преимущества, данные там служащим, являлись одновременно вполне справедливым вознаграждением и способом привлечения в край чиновников²⁵.

Когда в 1912 г. министром внутренних дел был поднят вопрос об упразднении привилегий для приезжающих чиновников, тобольский губернатор Д.Ф. фон Гагман созвал совещание, на котором практику льгот признали нужным сохранить и даже намекали на необходимость ее расширения. Губернский ветеринарный инспектор А.Я. Лемперт заметил, что на 1909 г. в его ведомстве из одиннадцати должностей, представлявших преимущества по службе, были заняты только семь, и «все усилия в течение ряда лет вызвать на эти должности кандидатов не увенчались успехом». Сам губернатор отмечал, что в последнее время жизнь в губернии стала развиваться, но жизненные условия почти не изменились, за исключением городов, стоящих на

железной дороге. Участники совещания также делали акцент на том, что льготный распорядок лишь в слабой степени восполнял те лишения, которые были вызваны местной обстановкой. Тем не менее, привилегии имели важное значение для привлечения на службу «пусть временно, но все же достойных». Поэтому резюмировалось: «Отмена или сокращение в чем-либо особых преимуществ службы в Тобольской губернии является преждевременной»²⁶. Особенно важно было сохранить режим разного рода «бенефиций» в условиях незначительного материального обеспечения служащих и их дефицита. Гагман отмечал: «Комплектование учреждений губернии интеллигентными, соответствующими делу работниками, вследствие тяжелых условий жизни и службы крайне затруднительно, в особенности на средние и низшие должности с крайне ограниченным содержанием, не покрывающим даже самых скромных требований жизни»²⁷.

С точки зрения привлечения на работу местных жителей, историки оценивают результативность применения льгот в отношении служащих сибирского управленческого аппарата скорее положительно. По крайней мере, отмечается, что к началу XX в. количество сотрудников из уроженцев Сибири в составе местных административных учреждений постепенно возрастало²⁸. В 1908 г. сибиряков среди всего местного чиновничества насчитывалось: в Тобольской губернии — 46%, Томской — 30, Енисейской — 41, Иркутской — 34%²⁹. Правда, ближе к Тихому океану подобные цифры значительно уменьшались. По сведениям В.Е. Зубова, чиновников с сибирским происхождением в Амурской области тогда же было лишь 15%, а в Приморской области — только 5%³⁰.

Юстиция находилась в ином положении, поскольку среди местного чиновничества ее служащие являлись изгоями относительно всяческих вспомоществований кроме положенных штатных жалования, столовых и квартирных. «Все остальные ведомства в Сибири получают усиленное, сравнительно с Европейской Россией, содержание (в особенности по Министерству финансов и путей сообщения) или пользуются какими-то остатками, наградными, прибавками, только судебное лишено всего этого», — жаловался персонал системы правосудия края³¹. Притом, проводя здесь судебную реформу, столичное руководство изначально делало ставку на экономию государственных средств, о чем не смущался заявлять министр юстиции Н.В. Муравьев³². Определяя содержание сибирским судьям, чиновники, причастные к подготовке преобразования, доказывали, что судебское жалование должно равняться ставкам окладов Судебных уставов тридцатилетней давности, несмотря даже на признание последних «ныне совершенно недостаточными». Бюрократы в Санкт-Петербурге рассуждали приблизительно так: можно в крае установить «несколько высшие оклады», но несвоевременно «во избежание, по возможности, всякого неравенства в служебном положении соответствующим по должностям судебных чинов», а, самое главное, «в случае установления для должностных лиц новых судебных мест в Сибири более высоких, чем в других местностях России, окладов содержания, затраты Государственного казначейства, вызываемые проектированным распространением на упомянутый край судебной реформы, увеличились бы в весьма значительной степени, что могло бы повести к не-

которому замедлению в приведении в исполнение предположенного преобразования»³³. В результате судьи края получали незначительное жалование и обрекались на служебную и личную «нищету».

Ощутимые стимулы материального характера предусматривались лишь в момент введения Судебных уставов, когда стояла задача привлечь одновременно большое количество квалифицированных работников из Европейской России. Тогда желающие переехать могли рассчитывать на получение специальных пособий «на подъем и обустройство», выдаваемых в размере годового жалования семейным чиновникам и его трети — холостым³⁴. Но эта мера, как выяснилось очень быстро, не была последовательной и подкрепленной финансированием. Чуть позднее, через полтора года, во время проведения судебного преобразования в среднеазиатских владениях это признал и Муравьев: «При определении размера кредита, необходимого на объясненный предмет для указанных местностей, едва ли возможно руководствоваться нормой, принятой для Сибири, так как сумма, ассигнованная в распоряжение Министерства юстиции на единовременные издержки по введению в сем крае судебной реформы, представлялась недостаточной для покрытия всех подлежащих отнесению на нее расходов». Также выяснилось, что тогда приезжающим в сибирский край чиновникам «были выданы, в виду недостатка средств, суммы, которыми не могли быть покрыты все расходы, вызываемые поездками на новое место службы»³⁵. Потому обыкновенным стало опоздание судей на служебное место. Так, Красноярский окружной суд через несколько недель после фактического открытия реформированных учреждений заслушивал представление мирового судьи Г.А. Петровского, который не смог вовремя прибыть «за неполучением прогонных и подъемных денег»³⁶.

Оказавшись в Сибири, судьи сразу обнаруживали, что в здешней работе нет ничего заманчивого. В частности, отмечалось: «Студент-юриста, уроженца внутренней России, мог бы привлечь сюда на службу какой-нибудь плюс к тому, что есть во внутренней России, плюса же этого он не найдет, а минусы встречает на каждом шагу»³⁷. Сначала легко прогнозируемые, а затем, на практике, чудовищные перегрузки, ничтожное финансирование, необходимость выполнять несвойственную для служащих российской юстиции работу (мировые судьи были за Уралом следователями и иногда нотариусами, съездами мировых судей здесь являлись окружные суды, судебные палаты выполняли функции Сената) уменьшали привлекательность судейской службы в Сибири, препятствуя должному укомплектованию местной юстиции. Сразу после реформирования пресса распространяла известия об уже назначенных в край мировых судьях, которые, узнав о нужности расследовать преступления, отказывались от должностей³⁸; в «бегство» со своих постов обращались многие успевшие вступить в должность чиновники³⁹. «К сожалению, эти ряды реденеют, лучшие из этих деятелей не выдерживают непосильной задачи и бегут из Сибири», — рассказывал о положении дел в юстиции края известный томский адвокат П.В. Вологодский⁴⁰.

Именно так поступил выпускник юридического факультета Московского университета мировой судья Нижнеудинска Н.Н. Большаков. 29 октября 1897 г. он подал на имя председателя Иркутского

окружного суда И.И. Гафферберга прошение об отставке, мотивируя ее окончательно и бесповоротно оформившимся убеждением, «что созданный для губерний и областей Сибири тип мирового судьи, исполняющего обязанности судьи, судебного следователя и нотариуса, не по его характеру». Несмотря на все попытки удержать весьма многообещающего молодого сотрудника на службе (по оценке начальства, он обладал «безупречными нравственными качествами» и был «способным»), тот не изменил своего решения и уехал ⁴¹. Еще не прошло и месяца после реализации преобразования, а «Восточное обозрение» уже сообщало, что мировой судья крупного села Тулун подал в отставку, не довольный размером получаемого жалования ⁴².

Вообще, один из основных поводов уйти с должности мирового судьи заключался как раз в слабой материальной обеспеченности, чем, вероятно, объяснялись многие увольнения по собственному желанию. Томский мировой судья П. Покровский, вынужденный сменить профессию в 1898 г., писал: «Работать в должности мирового судьи мне пришлось при таком огромном числе дел и при столь незначительных окладах квартирных и канцелярских денег, что в первый же год этой службы я и здоровье свое расстроил, и личного денежного долга для поддержания необходимого порядка в своей канцелярии сделал больше 1200 руб., каковой долг и уплатил впоследствии из своих средств» ⁴³. Подобные практики имели самые негативные последствия: высококвалифицированные специалисты не спешили идти на службу в систему правосудия. Так, например, томский адвокат В.Н. Анучин рассказывал об устоявшемся порядке пополнения штата мировых судов крестьянскими начальниками, врачами, судебными секретарями ⁴⁴. Указанный поверенный, кстати, сам предпочел адвокату работу чиновника. До ухода в нее в 1906 г. он трудился мировым судьей 6-го участка Минусинского уезда Енисейской губернии ⁴⁵.

«Бедность» сибирского судебного ведомства доводила ситуацию с мотивированием труда судей до абсурда. На рубеже первого и второго десятилетий XX в. мировые судьи Алтая, «задавленные и заваленные работой» (слова начальника алтайского округа В.П. Михайлова), не могли справиться с делами о похищении леса, что имело серьезные последствия: «население привыкло к мысли о безнаказанности самовольных порубок». Не желавшее мириться с таким порядком вещей руководство Кабинета его императорского величества по собственному почину приняло решение выдавать судьям с целью стимулирования их работы денежное пособие, что, однако, вызвало недовольство министра юстиции И.Г. Щегловитова ⁴⁶.

Уже из первых заявлений Муравьева касательно сибирского преобразования следовало, что возглавляемое им ведомство делало ставку на моральное стимулирование труда сотрудников, перспективах их карьерного роста и вытекавшего из этого возможного повышения жалования в будущем. Министр перечислил несколько причин, способных побудить чиновников вступить на сибирскую судебную службу: будущность, «быть может, периодических прибавок к содержанию»; «повышение при назначении в Сибирь с низших должностей во внутренних губерниях»; «старательно поддерживаемая надежда, по особо усердном и полезном прослужении известного срока, получить новое

повышение или перемещение в лучшую местность»; «идеальное стремление посылить поработать на симпатичной, вновь пролагаемой дороге к правде и законности, желание побороться, во имя света и добра, против зла и мрака»⁴⁷. Потенции энтузиазма, однако, оказывались скудными. Вместе с обнаруживавшимся штатным дефицитом, мотивирование за счет душевного подъема приводило к потере тех фундаментальных качеств правосудия, которыми оно наделялось в эпоху Великих реформ Александра II. Так, в декабре 1899 г. старший председатель Иркутской судебной палаты Г.В. Кастриото-Скандербек-Дрекалович советовал министерству из-за недостатка лиц с необходимой подготовкой понижать требования к образовательному уровню кандидатов на вакантные места мировых судей в дальних северных участках⁴⁸.

Позже, подобно Муравьеву, расставлял приоритеты Министерства юстиции Щегловитов. 2 декабря 1911 г. этот руководитель заверял старшего председателя Иркутской судебной палаты Н.П. Еракова: «Молодые судебные деятели, пожелавшие принять назначения... в отдаленных от культурных центров пункты и зарекомендовавшие себя усердным и добросовестным исполнением своих обязанностей, по прослужении трех лет, в сих должностях, могут рассчитывать на дальнейшее служебное движение, причем занятие ими должностей в местностях, находящихся в исключительно неблагоприятных условиях в смысле работы и жизненной обстановки, будет принимаемо мною в особое уважение при обсуждении вопроса о предоставлении им повышения по службе». Такие обещания, однако, уже ложились на почву судейского недоверия: привыкшие к обману слуги Фемиды не желали стать жертвой сомнительных посулов еще раз. В данном случае председатель Красноярского окружного суда Б.И. Кгаевский весьма доходчиво довел до Еракова красноречивый отказ судей-кандидатов на призыв министра послужить в тяжелой обстановке: «На предложение принять постоянную командировку в один из отдаленных, упомянутых в вашем письме, судебно-мировых участков никто из состоящих при вверенном мне суде кандидатов на судебные должности не выразил согласия, причем одни из них как на причину отказа от этой командировки сослались на невозможность для них, по состоянию здоровья, перенести суровые климатические условия тех местностей, а другие на то, что, при совершенной неопределенности размера того денежного пособия, которое может быть выдано министерством, они, не располагая собственными средствами, не будут в состоянии на кандидатский оклад заpastись всем необходимым как для совершения такой отдаленной поездки, так равно и для поддержания своего существования в этой совершенно некультурной и дикой местности»⁴⁹. То есть охотников из-за идеи рискнуть пройти «суровую, но полезную школу окраинной службы правосудию» (апрельские 1896 г. слова Муравьева в Государственном совете на обсуждении проекта судебного преобразования в Сибири)⁵⁰ уже не оставалось.

Вообще, в России к рубежу XIX—XX вв. материальное положение судей становилось малоудовлетворительным. Потому иногда дело помощи членам судейского сообщества пыталась взять в свои руки сама корпорация судебных деятелей. Делалось это и по инициативе

начальства юстиции страны. Так, 20 ноября 1895 г. было учреждено Благотворительное общество судебного ведомства, сразу распространившее свою деятельность на сибирскую юстицию⁵¹. Численность организации⁵² и размеры материального вспомоществования, которое получали работники судов от этого филантропического учреждения, не впечатляли даже в масштабах всей страны. Например, в 1899 г. оно выдало пособий на сумму в 42 285 руб. 30 коп., а количество пожизненных членов достигло 417 чел., действительных — 5358⁵³.

Аналогичный альтруизм в Сибири также выражался в скромных цифрах⁵⁴. В томское правление общества (по сути, филиал общероссийского) в 1900 г. входило 48 членов. Выделенные им тогда в общей сумме 515 руб. пособия направлялись (всего в девяти случаях) «на лечение, на воспитание детей, на обзаведение домашним имуществом вместо уничтоженного пожаром, на выкуп швейной машины и пр.». Корреспонденту «Сибирского вестника» объемы такого вспомоществования представлялись «довольно существенными», но он же выражал сожаление относительно незначительного числа участников этого содружества⁵⁵. В 1904 г. Тобольская губерния располагала 86 членами аналогичного общества, а его капитал составлял 1655 руб., из которых 855 руб. пошли на помощь тридцати шести нуждавшимся лицам или их неимущим семьям⁵⁶. В отчетах правления Красноярского окружного правления общества за 1907—1911 гг. указывались такие данные: число членов колебалось от 14 до 54, а сумма капитала — от 500 до 1081 рубля. Денежная же помощь оказывалась в большинстве случаев вспомогательному персоналу — секретарям, канцеляристам, тогда как собственно судьям или их родственникам всего трижды и всегда по крайне неприятному поводу (25 руб. выделялось «на погребение отставного мирового судьи», 50 руб. — мировому судье «на погребение дочери», 150 руб. — «вдове товарища председателя на похороны мужа») ⁵⁷. Масштаб и причина такой поддержки словно подтверждали слова молодого, только окончившего Томский университет мирового судьи из с. Карасук Томской губернии С.В. Дианина о том, что для таких, как он, судебных чинов в сибирском захолустье было уготовано «медленное и постепенное умирание»⁵⁸; разумеется, подобное вспомоществование не подталкивало лучше и больше трудиться. Трудно считать серьезным стимулом и другие человеколюбивые начинания руководителей регионального правосудия как, например, решение Омской судебной палаты о строительстве санатория (1914 г.), предназначавшегося для помощи «переутомившимся или временно потерявшим здоровье на тяжелом прище служения государю и отчизне в рядах судебных деятелей»⁵⁹.

Таким образом, имелись две модели служебного мотивирования, основаниями которых являлись разные положения администрации и юстиции в государстве и социуме, наглядно продемонстрированные хотя бы самой обстановкой открытия реформированных учреждений в Сибири. Начало работы губернских управлений 1 ноября 1895 г. являлось скучным и неинтересным для общества бюрократическим мероприятием, когда собирались местные чиновники во главе с губернаторами (в Тобольске — с присутствием министра внутренних дел И.Л. Горемыкина) и отслуживались процедурно необходимые торжественные молебствия⁶⁰. Напротив, 2 июля 1897 г. — открытие но-

вых судов — местная пресса окрестила «одним из самых радостных и светлых в истории Сибири» днем ⁶¹, «великим праздником» ⁶². «Русские ведомости» писали, что «ни один из провинциальных судебных округов не открывался с такой торжественностью, как сибирский» ⁶³. В Томске даже, ожидая наплыв горожан на празднество, полицмейстер А.А. Зеленский распорядился назначить к зданию суда усиленный наряд, приказав не пускать в судебные помещения неприглашенных лиц, расположив такую публику на противоположной от суда стороне улицы ⁶⁴. Думы городов, мещанские и купеческие общества выделяли средства на проведение торжеств, улицы городов украшались флагами, здания «роскошно убирались зеленью» и транспарантами, декорировались, устраивались праздничные обеды, организовывались народные гуляния ⁶⁵. Население края, уставшее от дореформенных порядков, ликовало, оно, по словам тобольского губернатора Л.М. Князева, «восторженно приветствовало» судебную реформу ⁶⁶.

Дело в том, что обслуживая государственную машину, бюрократический аппарат на завершающих стадиях жизненного цикла царизма, неуклонно выдавливавшего из себя либеральную начинку, все больше обособлялся ⁶⁷. «Будучи столь многочисленна и пользуясь властью и деньгами, русская бюрократия жила в особом, ею же созданном мире», у нее были «свои интересы, свои идеи и даже свой язык», и уже «непроходимая пропасть отделяла чиновных от нечиновных» ⁶⁸. Преимущества по службе являлись гармоничной частью того имперского менеджмента, которым обеспечивались устойчивость и выживание самодержавия, для чего, естественно, требовались материальные ресурсы. По поводу таких механизмов в известной книге «Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни» говорилось: «Класс чиновников явился у нас не сам собою, а создан правительством... Раз же люди оставили полезные профессии и привлечены к бюрократии, они не могут быть пущены на “подножный корм”. Правительство вынуждено озаботиться их участью... Как чужеродное растение, администрация разрастается, а вместе с нею увеличивается число лиц, неудовлетворительно кормящихся на счет государственного бюджета и затем получающих пенсии от государства не только для себя, но и для своего семейства» ⁶⁹. Наделенные льготами, местные управленцы нередко представлялись и по отдельности, и в организационной совокупности противниками народа. В Сибири к ним исторически относились неприязненно ⁷⁰, а «Сибирские вопросы» следующим образом передавали, конечно, несколько упрощенный и тенденциозный взгляд обывателя на их деятельность в Томске: «Если вы заглянете в летописи работ губернской администрации за эти годы, то найдете непрерывные кары, штрафы, наложенные и налагаемые на отдельных лиц, на учреждения и на целые сельские общества» ⁷¹.

Как отмечал В. Тотомианц, русская бюрократия к общественному мнению «относилась с презрительным равнодушием, и вместе с тем не выносила критики» ⁷². Глубинный смысл независимого суда с гласным, состязательным судопроизводством и защитой прав подсудимых состоял как раз в выработке общественного мнения и уравнивании государственной политики с потребностями социума. Ре-

форма юстиции 1864 г., «создавшая современную судебную систему, а с нею и необходимые условия для внедрения законности в систему управления»⁷³, способствовала организации правосудия в соответствии с «требованиями, которые предъявляются к суду в правовом государстве»⁷⁴, и дала России шанс на собственной почве создать гражданское общество. Его формирование находилось в прямой зависимости от того места, какое определялось юстиции в государственной системе реализацией принципа разделения властей, и надежности/авторитета работы в ней, какие обеспечивала зарплата — солидная для тех времен⁷⁵. По-другому в либеральную эпоху просто не могло быть: ведь самой престижности службы судьи, даже подкрепленной независимостью и несменяемостью, признавалось недостаточно — «для значения его в обществе нужно, чтобы материальная его жизнь была обеспечена... Только при хорошем жаловании можем мы иметь хороших судей; а даровые судьи, как это доказал нам полуторавековой опыт, никуда не годятся». Потому, в частности, признавалось, что «мировые судьи (участковые) должны получать такое вознаграждение, которое дало бы им возможность отдать всю свою деятельность общественному делу»⁷⁶.

Дополнительные вспомоществования судьям со стороны государства, вполне нормальные для чинов администрации, были чужды природе автономного правосудия и могли ему навредить. О такой опасности рассуждал в начале XX в. знаменитый правовед В.М. Гессен: «Не подлежит никакому сомнению, что судебная независимость парализуется не только карательным воздействием на судей за деятельность, негодную правительству, но также поощрительным воздействием на них за деятельность, угодную ему. Обеспечьте судье несменяемость, но вместе с тем раскройте пред ним широкие перспективы движения вверх по лестнице служебных отличий, поставьте это движение в зависимость от свободного усмотрения начальства, — и судья окажется послушным орудием в руках, если не карающей, то награждающей власти. По справедливому указанию составителей Судебных уставов, для правильной организации суда необходимо, чтобы значение судьи и в собственных его глазах и в мнении общества зависело единственно от его звания, а не от какого-либо иного почета»⁷⁷.

Безусловно важная материальная составляющая судейской службы тесно соседствовала с нравственной: действия судьи, выносившего после 1864 г. приговор в соответствии с собственным внутренним убеждением⁷⁸, определялись этическими императивами, повелевавшими отвечать за свои действия, поскольку теперь в его распоряжении находились судьбы соотечественников. Пожалуй, не было в пореформенной России другой такой сферы, где бы настолько широко применялась неоплачиваемая деятельность, как в судебной. Не потреблявшие казенных финансов присяжный заседатель и почетный мировой судья, вызванные к участию в правосудии лишь возвышенным чувством долга, создавали может быть наиболее яркий образ общественной эмансипации. Благодаря той реформе в Российской империи развился особый этос юриста и судебного деятеля, внушавший «сознание своей ответственности, целей и значимости», формировавший приподнятое ощущение призвания. Правоведы-практики

смотрели на отправление правосудия как на свою личную обязанность, что устанавливало между ними особенную духовную связь, но это же имело для них печальные последствия: «Именно чувство солидарности и профессионального предназначения внушало тем, кто управлял Россией, ненависть к бурно развивавшемуся новому суду»⁷⁹.

Во время судебной реформы в Сибири правительство, по сути, попыталось вживить правосудие в бюрократический аппарат: здесь мировые судьи лишались независимости и несменяемости⁸⁰, не было суда присяжных⁸¹, почетными мировыми судьями могли стать чиновники, и это на практике получило широчайшее применение⁸². Но и в далекую окраину просочилась судебская корпоративная культура, подразумевавшая заботу о чести и достоинстве не только отдельного служащего, но и всей независимой юстиции. Следование духу свободы, разумеется, приводило к столкновениям с администрацией, привыкшей за Уралом чувствовать себя хозяйкой положения. В 1898 г. исполняющий обязанности прокурора Иркутской судебной палаты А.В. Витте⁸³, по словам иркутского губернатора И.П. Молле-риуса, «признал за собою право преподать губернатору наставление» относительно одного вопроса. Оскорбленный начальник губернии пожаловался иркутскому генерал-губернатору Горемыкину, а тот, присоединив к жалобе другие известные ему факты слишком самостоятельного поведения судебных деятелей по отношению к чиновникам администрации, в свою очередь, обратился к Муравьеву, чтобы тот разобрался со своими подчиненными⁸⁴. В том же году глава администрации Енисейской губернии, возмущенный, как ему казалось, дерзким отношением мирового судьи 2-го участка Красноярска Е.Г. Шольпа к чиновникам ведомства Министерства внутренних дел, также обратился за поддержкой к генерал-губернатору. Однако здесь, как было установлено, судебный деятель на самом деле пресек произвол чиновников администрации и полиции⁸⁵. Неизвестен отклик министра юстиции на скандальную ситуацию в Иркутске, но, судя по дальнейшей карьере прокурорского работника⁸⁶, начальство судебного ведомства империи не имело к его поведению существенных претензий.

По поводу героев данного сюжета можно с уверенностью сказать, что в таких поступках ими двигали не карьерные соображения (возражать губернаторам в Сибири, наоборот, могло означать навсегда поставить крест на своем росте), не расчет на какое-то вознаграждение — это были те случаи, когда высоконравственные чиновники служили обществу и честно выполняли свой долг. В возвышенности их моральных качеств никто не сомневался. Имя Витте имело всероссийскую славу в связи с созданием по его почину Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов с филантропической направленностью⁸⁷, а сибирская пресса называла чиновника «гуманным администратором»⁸⁸. В 1898 г. Шольп стал инициатором создания Красноярского общества трезвости (устав утвержден Министерством внутренних дел в 1899 г.)⁸⁹, которым руководил до 1903 года⁹⁰. О его интересе к общественным проблемам, например, сами за себя говорили названия докладов, с какими он выступал в Томском юридическом обществе, — «О правах и нуждах крестьян Енисейской губернии» и «О введении земства в Сибири»⁹¹.

Разным пониманием достоинства и неодинаковыми принципами функционирования ведомств диктовались отличия между порядками стимулирования труда чиновников администрации и юстиции. В случае с последней, огромное значение имели механизмы гласности, позволявшие в процессе осуществления судебской практики отчетливо сознавать, насколько общество нуждается в помощи правосудия. Даже в Сибири поначалу открытые для публики заседания имели такой резонанс, который подчинял ответственность судьи не выслуге или поощрениям, а служению народной пользе. В связи с преобразованием конца XIX в. тут наступило короткое время мечтаний о справедливости, когда, по впечатлениям одного из сибирских мировых судей, местные жители «стекались толпами», только чтобы «посмотреть новый суд»⁹². Например, на первой выездной сессии Красноярского окружного суда в Енисейске горожане «положительно осаждали залу суда». «Повседневные житейские интересы, заботы, работишки, разные мелочи, которыми так полна жизнь провинции, все это стусевалось, отступило на второй план»; пятьдесят счастливых, сумевших стать зрителями заседаний (помещение больше не смогло вместить), «до того поражались, до того очаровывались невиданным у нас гласным судопроизводством, что делались способными просидеть, не сходя с места, целый день», а прохожие на улице то и дело спрашивали друг друга: «“Были ли в суде? Как понравилась защита?” “Не находите ли жестоким такой приговор?”»⁹³

При этом судебная служба равно наполнялась добродетелями на всех уровнях, независимо от поста в этажах структуры организации, и на это имелись отнюдь не какие-то отвлеченные ментальные основания. Представитель или учреждение судебной власти безотносительно ступени/инстанции могли нести обществу одинаковую или вполне сравнимую дозу справедливости. Выслуживаться перед вышестоящим начальством, как требовалось в исполнительной власти, в таком случае просто не было нужды. Примечательно, что сибирские губернаторы, вице-губернаторы и другие чины администраций Сибири, в подтверждение сказанному, считали для себя за честь быть почетными мировыми судьями⁹⁴, да и сам Муравьев, как он заявлял в Томске на открытии новых судов, с гордостью носил это же уважаемое звание⁹⁵. «Судейство», не связывавшее человека ни с происхождением (одним из принципов суда, как известно, была бессословность), ни с чем-то материальным, плохо конвертировалось в систему бюрократических субординаций и канцелярской закрытости процедур, порой совершенно непонятных поданным и воспринимаемых как придирки сытого начальства к бедному люду. Когда Министерство юстиции, чтобы компенсировать дефицит казенных средств, за Уралом стало практиковать в качестве чуть ли не главного инструмента мотивирования продвижение по службе, оно подменяло ценностями бюрократизма сложившуюся в судебской среде традицию служения общественному благу и закону, а не государству.

К моменту реформирования сибирских юстиции и администраций в 1890-х гг. самодержавие уже давно вело «войну» с собственной судебной системой (трактовка развертывания событий в пореформенной России современного американского историка Ричарда Уортмана)⁹⁶. Ресурсы страны находились в безраздельном распоряжении

царского режима, которыми он в эпоху либеральных иллюзий — «до финансовой политики экономить за счет насущных потребностей населения» (слова Анучина)⁹⁷ — не скупился снабжать правосудие. Но в обстановке наступившего противоборства достаточное денежное обеспечение судебной системы оказывалось ничем иным, как предоставлением недругу дополнительных сил. Одним из итогов стало пренебрежение к финансированию суда: это демонстрировалось скудным вознаграждением в Сибири, где имелся перекося в сторону морального стимулирования труда и где энтузиазм судей власть пробовала использовать, чтобы сберечь финансы страны. Вряд ли достаточными являлись ресурсы административного ведомства края, но его работники, в отличие от судейских, могли рассчитывать на устойчивое покровительство государства в виде, хотя далеко несовершенной, системы льгот и привилегий.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0024 «Взаимодействие человека, общества и власти в локальных практиках (на примере Западной Сибири XIX — первой половине XX вв.)».

1. Первой можно считать книгу А.В. Ремнёва (РЕМНЁВ А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX веков. Омск. 1997), обозначившую главные вопросы в изучении сибирских администрации и системы правосудия последних десятилетий царского режима и указавшую направления перспективных исследований. На настоящий момент историография в рамках данной тематики насчитывает десятки монографий и диссертаций, сотни статей. В изучении юстиции ближе всех к затрагиваемым в настоящей статье аспектам подошла, пожалуй, О.Г. Бузмакова, обратившая внимание на отдельные меры стимулирования труда судебных чиновников. См.: БУЗМАКОВА О.Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX — начале XX века. Новосибирск. 2012, с. 85—96. Наибольший интерес к служащим в губернских управлениях проявили В.В. Гермизеева, Т.Г. Карчаева и А.В. Палин. См.: ГЕРМИЗЕЕВА В.В. Губернская администрация Западной Сибири (1895 — февраль 1917). Омск. 2015; КАРЧАЕВА Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822—1917 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Иркутск. 2013; ПАЛИН А.В. Томское губернское управление (1895—1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово. 2004.
2. Речь шла о введении в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях губернских управлений, состоявших из губернатора, общего присутствия и канцелярии. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), собр. III, т. 15, № 11 757, ст. II. «Несмотря на некоторые недостатки (нечеткая формулировка отдельных статей закона, отсутствие канцелярии губернатора, неопределенность порядка проведения заседаний общего присутствия, процедуры голосования и др.), новая организация губернских учреждений содержала ряд положительных моментов: во-первых, была упрощена их внутренняя структура, ликвидированы некоторые учреждения; во-вторых, установлено более четкое разделение функций в отделениях канцелярии. Несколько увеличился размер вознаграждения чиновникам», — так характеризует преобразование 1895 г. В.Е. Зубов. См.: ЗУБОВ В.Е. Государственный аппарат и управление Сибири (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск. 2009, с. 226—227.
3. Устанавливались мировой суд, окружные суды и Иркутская судебная палата (ей подчинялись семь округов сибирских окружных судов из восьми сибирских; Тобольский окружной суд первоначально включался в округ Казанской судебной палаты). ПСЗ, собр. III, т. 16, № 12 932. В 1898 г. в связи с преобразованием юстиции в Центральной Азии учреждалась Омская судебная палата с подчинением ей сибирских Тобольского и Томского окружных судов (ПСЗ, собр. III, т. 18, № 15 493, ст. VIII); окружные суды далее на восток оставались в округе палаты Иркутска.

4. ПСЗ, собр. III, т. 2, № 886.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1405, оп. 69, д. 7107в, л. 2.
6. ПСЗ, собр. III, т. 5, № 2770.
7. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1894—1895 гг. СПб. 1895, с. 173.
8. Имеется в виду, прежде всего, высокий образовательный ценз, установленный для судей.
9. Замещение должностей в новых судебных учреждениях Сибири. — Журнал Министерства юстиции. 1897, № 4, с. 117—118.
10. Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. СПб. 1901, с. 32—33.
11. WAGNER W.G. Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century: A Study in Inconsistencies. — Slavonic and East European Review. 1976, vol. 54, no. 3, p. 371—394.
12. PLANK T.E. The Essential Elements of Judicial Independence and the Experience of Pre-Soviet Russia. — William and Mary Bill of Rights Journal. 1996, vol. 5, no. 1, p. 1—74.
13. ПСЗ, собр. III, т. 6, № 3817.
14. Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ), ф. 152, оп. 34, д. 674, л. 79.
15. Там же, оп. 36, д. 61, л. 209.
16. О.Г. Бuzмакова указывает на некоторые прибавки к жалованию, которые получали за службу в отдаленных местностях судьи в Сибири. БУЗМАКОВА О.Г. Ук. соч., с. 90—92.
17. Реформа местного суда в Сибири. — Труды Юридического общества при Императорском Томском университете. Вып. 2. Томск. 1911, л. 2—3, 17—18.
18. ГАТ, ф. 479, оп. 6, д. 5, л. 9.
19. Там же, ф. 152, оп. 34, д. 1026, л. 56, 63.
20. Государственный архив Красноярского края (ГА КК), ф. 42, оп. 1, д. 48, л. 87, 104.
21. ГАТ, ф. 152, оп. 47, д. 164, л. 26.
22. ПСЗ, собр. III, т. 6, № 3817, ст. 14, 36.
23. КАРЧАЕВА Т.Г. Привилегии государственной службы в Енисейской губернии: исторический аспект (1822—1917 гг.). — Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012, № 4, с. 235.
24. Сибирь в составе Российской империи. М. 2007, с. 149.
25. ЗУБОВ В.Е. Реформа гражданской службы в России (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск. 2005, с. 195—196.
26. ГАТ, ф. 152, оп. 36, д. 326, л. 3—5, 15, 31—34, 71—73.
27. Там же, оп. 34, д. 479, л. 56.
28. ГЕРМИЗЕЕВА В.В. Ук. соч., с. 72.
29. РЕМНЁВ А.В. Ук. соч., с. 230.
30. ЗУБОВ В.Е. Реформа гражданской службы..., с. 196.
31. Сибирский судья. Сибирские впечатления. — Судебная газета. 5.VIII.1901.
32. Об удешевлении сибирской юстиции министр заявлял в Государственном совете. МУРАВЬЁВ Н.В. Объяснения в Государственном совете 6 апреля 1896 г. В кн.: МУРАВЬЁВ Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. СПб. 1900, с. 400. Действительно, государству «сибирский судебный округ» должен был обходиться в сумму меньше любого другого более чем на четверть. РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 250, л. 10.
33. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 171об.—172.
34. Там же, л. 49.
35. РГИА, ф. 1149, оп. 12, д. 38, л. 66об., 68—68об.
36. ГА КК, ф. 42, оп. 1, д. 23, л. 19об.—20.
37. Сибирский судья. Сибирские впечатления.
38. Сибирская хроника. — Восточное обозрение. 23.VII.1897.
39. ПЛОТНИКОВ М. Хроника внутренней жизни. — Русское богатство. 1898, № 8, с. 170.
40. В-й П. [П.В. ВОЛОГОДСКИЙ]. Годовщина судебной реформы в Сибири. — Сибирская жизнь. 2.VII.1898.
41. Государственный архив Иркутской области (ГА ИО), ф. 243, оп. 1, д. 14, л. 46—46об.
42. Восточное обозрение. 27.VII.1897.
43. Государственный архив Томской области (ГА ТО), ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 11—12об. В истории П. Покровского примечательно, что при назначении на судейский пост

он, вероятно, стал жертвой хитроумной бюрократической игры. Этот выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета с немалым уже стажем сибирской службы в момент судебного реформирования в крае претендовал на должность члена Томского окружного суда. Но старший председатель Иркутской судебной палаты Г.В. Кастриото-Скандербек-Дрекалович уговорил стать мировым судьей (в таких случаях больше нуждались), поскольку якобы считал его «судейскую опытность и работоспособность особенно ценною в интересах нового для Сибири мирового суда».

44. АНУЧИН В.Н. Пасынки Фемиды. — Сибирские вопросы. 1909, № 51—52, с. 61.
45. ГА КК, ф. 42, оп. 1, д. 149, л. 28об., 41.
46. РГИА, ф. 468, оп. 24, д. 1507, л. 1—3об., 6, 12—13об.
47. МУРАВЬЁВ Н.В. Ук. соч., с. 405.
48. ГА ИО, ф. 246, оп. 6, д. 15, л. 130об.
49. Там же, ф. 243, оп. 1, д. 325, л. 2—2об.; ГА КК, ф. 42, оп. 1, д. 238, л. 3—3об., 29—29об.
50. МУРАВЬЁВ Н.В. Ук. соч., с. 404.
51. Сведения о деятельности Благотворительного общества судебного ведомства. — Журнал Министерства юстиции. 1897, № 1, с. 44—45.
52. Величина капиталов этих организаций зависела от количества участников, поскольку они складывались преимущественно из членских взносов.
53. Благотворительное общество судебного ведомства. — Право. 21.V.1900.
54. О.Г. Бузмакова предоставляет отдельные сведения о работе Благотворительного общества судебного ведомства в Сибири. БУЗМАКОВА О.Г. Ук. соч., с. 94—95.
55. Сибирский вестник. 27.III.1902.
56. Сибирский листок. 7.IV.1905.
57. ГА КК, ф. 42, оп. 1, д. 156, л. 1—22.
58. ГА ТО, ф. 10, оп. 1, д. 183, л. 13—14об.
59. Государственный исторический архив Омской области (ГИА ОО), ф. 25, оп. 1, д. 279, л. 2—3.
60. См., напр.: Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень. 2000, с. 382—383; Сибирский вестник. 2.XI.1895.
61. Томский листок. 1.VII.1897.
62. Енисей. 2.VII.1897.
63. Восточное обозрение. 24.VIII.1897.
64. Томский листок. 2.VII.1897.
65. Иркутские губернские ведомости. 9.VII.1897; Сибирский вестник. 3.I.1898; Сибирский листок. 29.VI.1897; Тобольские губернские ведомости. 12.VII.1897; Томский листок. 1.VII.1897.
66. РГИА. Коллекция печатных записок, № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1897 г., с. 13.
67. В.В. Ивановский в начале XX в. констатировал: «С социологической точки зрения бюрократия является самостоятельным общественным классом, возникающим и развивающимся согласно со всей совокупностью условий социальной жизни». ИВАНОВСКИЙ В.В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс. — Русская мысль. 1903, № 8, с. 10.
68. ТОТОМИАНЦ В. Бюрократическая опасность. — Мир божий. 1905, № 5, с. 183—184.
69. Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. СПб. 1889, с. 151.
70. Про давние противоречия между населением и бюрократией в Сибири встречались такие суждения современников: «Старожилы не знали крепостного права, угнетавшего на Руси наших дедов, убивавшего в них гордость и человеческое достоинство. Благодаря таким счастливым обстоятельствам сибиряк не так забит и унижен, как наш российский мужик. Он не привык ломать шапку перед баринном, горд и чувствует себя таким же человеком, божьим созданием, как и всякий другой. Зато сибирякам пришлось иметь дело с местным начальством и чиновничеством, которое имело еще больше власти, чем у нас на родине, и как мы видели выше, всячески насильничало над сибирским населением, отданным в его полную, бесконтрольную власть. Нравы под влиянием административного произвола ожесточались». ПЕТРОВ М. Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская. М. 1908, с. 83—84.
71. А.Б.В. Удивительная губерния или удивительные губернаторы? — Сибирские вопросы. 1912, № 3—4, с. 41.

72. ТОТОМИАНЦ В. Ук. соч., с. 184.
73. УОРТМАН Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М. 2004, с. 454.
74. КИСТЯКОВСКИЙ Б.А. В защиту права (интеллигенция и правосознание). — Вехи. Интеллигенция в России: Сборник статей. 1909—1910. М. 1991, с. 130.
75. По убеждению тогдашнего министра юстиции Д.Н. Замятина, значительное повышение содержания судебного аппарата представлялось столь насущным, что без него реформа получила бы «ложное направление» и была бы несостоятельной. См.: КОНИ А.Ф. Новые меха и новое вино. В кн.: КОНИ А.Ф. Собрание сочинений. Т. 4. М. 1967, с. 243; Министерство юстиции за сто лет. 1802—1902: Исторический очерк. СПб. 1902, с. 94.
76. ФИЛИППОВ М. О мировом суде. — Русское слово. 1863, № 5, с. 8—9.
77. ГЕССЕН В.М. О судебной власти. — Судебная реформа. М. 1915, с. 10—11.
78. До реформы в уголовном процессе применялось правило формальной оценки свидетельств.
79. УОРТМАН Р.С. Ук. соч., с. 445, 455.
80. В соответствии с законом 13 мая 1896 г., сибирские мировые судьи назначались, перемещались и увольнялись властью министра юстиции, а не выбирались и утверждались высочайшей властью, как предусматривали Судебные уставы 1864 года.
81. Введен лишь в 1909 г. только в двух сибирских губерниях — Тобольской и Томской. ПСЗ, собр. III, т. 29, № 31 862.
82. См., напр.: ГЛАЗУНОВ Д.А. Почетные мировые судьи Сибири: государство и общество в конце XIX — начале XX в. — Местное самоуправление в истории Сибири XIX—XX вв. Сб. материалов региональной научной конференции. Новосибирск. 2004, с. 108—112; МИЦКЕВИЧ Э.В. Институт почетных мировых судей округа Иркутской судебной палаты (конец XIX — начало XX вв.). — Сибирская ссылка: Сб. научных статей. Вып. 5 (17). Иркутск. 2009, с. 183—191; ЧЕЧЕЛЕВ С.В. Институт почетных мировых судей округа Омской судебной палаты. — Вестник Омского университета. 1998, № 4, с. 107—110.
83. Сотрудники прокуратуры — «полуадминистративного» учреждения, представлявшего собой «как бы враждебный суду орган» — из имевшихся в Российской империи отрядов судебных деятелей находились ближе всех к администрации и нередко замечались в недружелюбии к юстиции. В приводимом случае, однако, прокурорский работник явно считал свою должность независимой от исполнительной власти. См.: МУРАВЬЁВ Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Т. 1. М. 1889, с. 27—28.
84. ГА ИО, ф. 25, оп. 6, д. 190, л. 1—13.
85. Там же, оп. 28, д. 199, л. 6—7, 28—28об., 35—37об.
86. 29 января 1899 г. С.Ю. Витте назначался инспектором 5-го класса Главного тюремного управления (ГА ИО, ф. 245, оп. 5, д. 67, л. 7об.—8), в 1902 г. — председателем Томского окружного суда. См.: Заметки о судопроизводстве и судостроительстве. — Сибирский наблюдатель. 1902, № 3, с. 160.
87. ИВАНЮКОВ И.И. Очерки провинциальной жизни. — Русская мысль. 1896, № 6, с. 162; Хроника. — Журнал Министерства юстиции. 1897, № 6, с. 231—232.
88. Енисей. 7.XII.1897.
89. ГА КК, ф. 595, оп. 8, д. 2938, л. 1, 19.
90. Енисей. 28.III.1903.
91. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1903 г. Томск. 1904, с. 164.
92. ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 43, л. 124об.
93. Енисей. 10.XII.1897.
94. В сознании россиянина это также ни в коем случае не подразумевало понижения статуса, а совсем наоборот. Отношение же сотрудников администраций к такой престижной должности характеризует казус, имевший место в 1899 году. Вице-губернатор Н.В. Протасьев, когда его по какой-то оплошности не включили в список почетных мировых судей, сильно расстроился. По словам председателя Тобольского окружного суда С.В. Сукачёва, второй человек в губернской администрации, посчитал себя «обиженным тем, что был обойден при представлении кандидатов», и настоятельно просил исправить данное недоразумение. ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 41, л. 79—79об.
95. Томский листок. 13.VII.1897.
96. УОРТМАН Р.С. Ук. соч., с. 475.
97. АНУЧИН В.Н. Мировой судья на Кавказе. — Утро Сибири. 10.XII.1911.

Андрей Яковлевич Италинский

Г.А. Гребенщикова

Аннотация. Публикация, основанная на архивных документах, посвящена российскому дипломату конца XVIII — первой трети XIX в. А.Я. Италинскому, его напряженному труду на благо Отечества и вкладу отстаивание интересов России в Европе и Турции. Он находился на ответственных постах в сложные предвоенные и послевоенные годы, когда продолжалось военно-политическое противостояние двух великих держав — Российской и Османской империй. Часть донесений А.Я. Италинского своему руководству, хранящаяся в Архиве внешней политики Российской империи Историко-документального Департамента МИД РФ, впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: путь в дипломатию, работа в Италии, Россия и Турция, посланник в Стамбуле, напряженный труд, интересы России.

Abstract. Publication based on archives documents is dedicated to Russian diplomat at the end of XVIII — the first of third XIX century, Andrey Italinskiy, to his hard work on the boon of Fatherland and his struggle for Russian's interests in Europe and in Turkey. He was on complicated service posts in that years when two Great Empires, Russian and Osmanish, were in military and political confrontation.

Key words: way to diplomacy, activity in Italy, Russia and Turkey, ambassador in Istanbul, hard work, Russian's interests.

Вторая половина XVIII в. ознаменовалась нахождением на российском государственном поприще блестящей когорты дипломатов — чрезвычайных посланников и полномочных министров. Высокообразованные, эрудированные, в совершенстве владевшие несколькими иностранными языками, они неустанно отстаивали интересы и достоинство своей державы, много и напряженно трудились на благо Отечества. При Екатерине II замечательную плеяду дипломатов, представлявших Россию при монархических Дворах Европы, пополнили С.Р. Воронцов, Н.В. Репнин, Д.М. Голицын, И.М. Симолин, Я.И.

Гребенщикова Галина Александровна — доктор исторических наук, профессор, заведующая лабораторией Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. E-mail: inversiya@bk.ru.

Grebenshchikova Galina A. — doctor of historical sciences, professor, head of Laboratory at the Saint-Petersburg's State Marine University. E-mail: inversiya@bk.ru.

Булгаков. Но, пожалуй, более значимым и ответственным как в царствование Екатерины II, так и ее наследников — императоров Павла и Александра I — являлся пост на Востоке. В столице Турции Константинополе пересекались военно-стратегические и геополитические интересы ведущих морских держав, туда вели нити их большой политики. Константинополь представлял собой важный коммуникационный узел и ключевое связующее звено между Востоком и Западом, где дипломаты состязались в искусстве влиять на султана и его окружение с целью получения политических выгод для своих держав. От грамотных, продуманных и правильно рассчитанных действий российских представителей зависели многие факторы, но, прежде всего, — сохранение дружественных отношений с государством, в котором они служили, и предотвращение войны.

Одним из талантливых представителей русской школы дипломатии являлся Андрей Яковлевич Италинский — фигура до сих пор малоизвестная среди историков. Между тем, этот человек достоин более подробного знакомства с ним, так как за годы службы в посольстве в Константинополе (Стамбуле) он стяжал себе уважение и признательность в равной степени и императора Александра I, и турецкого султана Селима III. Высокую оценку А.Я. Италинскому дал сын переводчика российской миссии в Константинополе П. Фонтон — Ф.П. Фонтон. «Италинский, — вспоминал он, — человек обширного образования, полиглот, геолог, химик, антикварий, историолог. С этими познаниями он соединял тонкий политический взгляд и истинную бескорыстную любовь к России и непоколебимую стойкость в своих убеждениях». А в целом, подытожил он, «уже сами факты доказывали искусство и ловкость наших посланников» в столице Османской империи ¹. Только человек такого редкого ума, трудолюбия и способностей как Италинский, мог оставить о себе столь лестное воспоминание, а проявленные им дипломатическое искусство и ловкость свидетельствовали о его высоком профессиональном уровне. Биографические сведения об Италинском довольно скудны, но в одном из архивных делопроизводств Историко-документального Департамента МИД РФ обнаружены важные дополнительные факты из жизни дипломата и его служебная переписка.

Андрей Яковлевич Италинский, выходец «из малороссийского дворянства Черниговской губернии», родился в 1743 году. В юном возрасте, не будучи связан семейной традицией, он, тем не менее, осознанно избрал духовную стезю и пожелал учиться в Киевской духовной академии. После ее успешного окончания 18-летний Андрей также самостоятельно, без чьей-либо подсказки, принял неординарное решение — отказаться от духовного поприща и посвятить жизнь медицине, изучать которую он стремился глубоко и основательно, чувствуя к этой науке свое истинное призвание. Как указано в его послужном списке, «в службу вступил медицинскую с 1761 года и проходя обыкновенными в сей должности чинами, был, наконец, лекарем в Морской Санкт Петербургской гошпитали и в Пермском Нахабинском полку» ². Опыт, полученный в названных местах, безусловно, пригодился Италинскому, но ему, пытливому и талантливому лекарю, остро не хватало теоретических знаний, причем не отрывочных, из различных областей естественных наук, а системных и

глубоких. Он рвался за границу, чтобы продолжить обучение, но осенью 1768 г. разразилась Русско-турецкая война, и из столичного Санкт-Петербургского морского госпиталя Италинский выехал в действующую армию. «С 1768 по 1770 год он пребывал в турецких походах в должности полкового лекаря»³.

Именно тогда, в царствование Екатерины II, Италинский впервые стал свидетелем важных событий российской военной истории, когда одновременно с командующим 1-й армией графом Петром Александровичем Румянцевым находился на театре военных действий во время крупных сражений россиян с турками. Так, в решающем 1770 г. для операций на Дунае Турция выставила против России почти 200-тысячную армию: великий визирь Халил-паша намеревался вернуть потерянные города и развернуть наступление на Дунайские княжества Молдавию и Валахию. Однако блестящие успехи армии П.А. Румянцева сорвали планы превосходящего в силах противника. В сражении 7 июля 1770 г. при реке Ларге малочисленные российские войска наголову разбили турецкие, россияне заняли весь турецкий лагерь с трофеями и ставки трех пашей. Остатки турецкой армии отступили к реке Кагул, где с помощью татар великий визирь увеличил свою армию до 100 тыс. человек. В честь победы при Ларге Екатерина II назначила торжественное богослужение и благодарственный молебен в церкви Рождества Богородицы на Невском проспекте. В той церкви хранилась особо чтимая на Руси икона Казанской Божьей Матери, к которой припадали и которой молились о даровании победы над врагами. После завершения богослужения при большом стечении народа был произведен пушечный салют.

21 июля того же 1770 г. на реке Кагул произошло генеральное сражение, завершившееся полным разгромом противника. Во время панического бегства с поля боя турки оставили все свои позиции и укрепления, побросали артиллерию и обозы. Напрасно великий визирь Халил-паша с саблей в руках метался среди бегущих янычар и пытался их остановить. Как потом рассказывали спасшиеся турки, «второй паша рубил отступавшим носы и уши», однако и это не помогало.

Победителям достались богатые трофеи: весь турецкий лагерь, обозы, палатки, верблюды, множество ценной утвари, дорогие ковры и посуда. Потери турок в живой силе составили до 20 тыс. чел.; россияне потеряли убитыми 353 чел., ранеными — 550. Румянец не скрывал перед императрицей своей гордости, когда докладывал ей об итогах битвы при Кагуле: «Ни столь жестокой, ни так в малых силах не вела еще армия Вашего Императорского Величества битвы с турками, какова в сей день происходила. Действием своей артиллерии и ружейным огнем, а наипаче дружным приемом храбрых наших солдат в штыки ударяли мы во всю мочь на меч и огонь турецкий, и одержали над оным верх»⁴.

Сухопутные победы России сыграли важную роль в коренном переломе в войне, и полковой лекарь Андрей Италинский, оказывавший помощь больным и раненым в подвижных лазаретах и в полковых госпитальных палатках, был непосредственным очевидцем и участником того героического прошлого.

После крупных успехов армии Румянцева Италинский подал прошение об увольнении от службы, чтобы выехать за границу и продол-

жить обучение. Получив разрешение, он отправился изучать медицину в Голландию, в Лейденский университет, по окончании которого в 1774 г. получил диплом доктора медицины. Достигнутые успехи, однако, не стали для Италинского окончательными: далее его путь лежал в Лондон, где он надеялся получить практику и одновременно продолжить освоение медицины. В Лондоне Андрей Яковлевич познакомился с главой российского посольства Иваном Матвеевичем Симолиным, и эта встреча стала для Италинского судьбоносной, вновь изменившей его жизнь.

И.М. Симолин, много трудившейся на ниве дипломатии, увидел в солидном и целеустремленном докторе вовсе не будущее медицинское светило, а умного, перспективного дипломата, способного отстаивать державное достоинство России при монархических дворах Европы. Тогда, после завершения Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. и подписания Кючук-Кайнарджийского мира, империя Екатерины II вступала в новый этап исторического развития, и сфера ее геополитических и стратегических интересов значительно расширилась. Внешняя политика Петербурга с каждым годом становилась более активной и целенаправленной⁵, и Екатерина II крайне нуждалась в талантливых, эрудированных сотрудниках, обладавших аналитическим складом ума, которых она без тени сомнения могла бы направлять своими представителями за границу. При встречах и беседах с Италинским Симолин лишней раз убеждался в том, что этот врач как нельзя лучше подходит для дипломатической службы, но Симолин понимал и другое — Италинского надо морально подготовить для столь резкой перемены сферы его деятельности и дать ему время, чтобы завершить в Лондоне выполнение намеченных им целей.

Андрей Яковлевич прожил в Лондоне девять лет и, судя по столь приличному сроку, дела его как практикующего врача шли неплохо, но, тем не менее, под большим влиянием главы российской миссии он окончательно сделал выбор в пользу карьеры дипломата. После получения на это согласия посольский курьер повез в Петербург ходатайство и рекомендацию Симолина, и в 1783 г. в Лондон пришел ответ: именным указом императрицы Екатерины II Андрей Италинский был «пожалован в коллежские асессоры и определен к службе» при дворе короля Неаполя и Обеих Сицилий. В справке Коллегии иностранных дел (МИД) об Италинском записано: «После тринадцатилетнего увольнения от службы (медицинской. — Г.Г.) и пребытия во все оное время в иностранных государствах на собственном его иждивении для приобретения знаний в разных науках и между прочим, в таких, которые настоящему его званию приличны», Италинский получил назначение в Италию. А 20 февраля 1785 г. он был «пожалован в советники посольства»⁶.

Так в судьбе Италинского трижды совершились кардинальные перемены: от духовной карьеры — к медицинской, затем — к дипломатической. Избрав последний вид деятельности, он оставался верен ему до конца своей жизни и с честью служил России свыше сорока пяти лет.

Спустя четыре года после того, как Италинский приступил к исполнению своих обязанностей в Неаполе, в русско-турецких отношениях вновь возникли серьезные осложнения, вызванные присое-

динением к Российской державе Крыма и укреплением Россией своих южных границ. Приобретение стратегически важных крепостей Керчи, Еникале и Кинбурна, а затем Ахтиара (будущего Севастополя) позволило кабинету Екатерины II обустроить на Чёрном море порты базирования и развернуть строительство флота. Однако Турция не смирилась с потерями названных пунктов и крепостей, равно как и с вхождением Крыма в состав России и лишением верховенства над крымскими татарами, и приступила к наращиванию военного потенциала, чтобы взять реванш.

Наступил 1787 год. В январе Екатерина II предприняла поездку в Крым, чтобы посмотреть на «дорогое сердцу заведение» — молодой Черноморский флот. Выезжала она открыто и в сопровождении иностранных дипломатов, перед которыми не скрывала цели столь важной поездки, считая это своим правом как главы государства. В намерении посетить Крым императрица не видела ничего предосудительного — во всяком случае, того, что могло бы дать повод державам объявить ее «крымский вояж» неким вызовом Оттоманской Порте и выставить Россию инициатором войны. Однако именно так и произошло.

Турция, подогреваемая западными миссиями в Константинополе, расценила поездку русской государыни на юг как прямую подготовку к нападению, и приняла меры. Английский, французский и прусский дипломаты наставляли Диван (турецкое правительство): «Порта должна оказаться твердою, дабы заставить себя почитать». Для этого нужно было укрепить крепости первостепенного значения — Очаков и Измаил — и собрать на Дунае не менее 100-тысячной армии. Главную задачу по организации обороны столицы и Проливов султан Абдул-Гамид сформулировал коротко и по-военному четко: «Запереть Чёрное море, умножить гарнизоны в Бендерах и Очакове, вооружить 22 корабля». Французский посол Шуазель-Гуфье рекомендовал туркам «не оказывать слабости и лишней податливости на учреждение требований российских»⁷.

В поездке по Крыму, с остановками в городах и портах Херсоне, Бахчисарае, Севастополе Екатерину II в числе прочих государственных и военных деятелей сопровождал посланник в Неаполе Павел Мартынович Скавронский. Соответственно, на время его отсутствия всеми делами миссии заведовал советник посольства Андрей Яковлевич Италинский, и именно в тот важный для России период началась его самостоятельная работа как дипломата: он выполнял обязанности посланника и курировал всю работу миссии, включая составление донесений руководству. Италинский со всей ответственностью подошел к выполнению посольских обязанностей, а его депеши вице-канцлеру России Ивану Андреевичу Остерману были чрезвычайно информативны, насыщены аналитическими выкладками и прогнозами относительно европейских дел. Сообщал Италинский об увеличении масштабов антитурецкого восстания албанцев, о приходе в Адриатику турецкой эскадры для блокирования побережья, о подготовке Турцией сухопутных войск для высадки в албанских провинциях и отправления их для подавления мятежа⁸. Донесения Италинского кабинет Екатерины II учитывал при разработках стратегических планов в отношении своего потенциального противника и намеревался воспользоваться нестабильной обстановкой в Османских владениях.

Пока продолжался «крымский вояж» императрицы, заседания турецкого руководства следовали почти непрерывно с неизменной повесткой дня — остановить Россию на Чёрном море, вернуть Крым, а в случае отказа русских от добровольного возвращения полуострова объявить им войну. Осенью 1787 г. война стала неизбежной, а на начальном ее этапе сотрудники Екатерины II делали ставку на Вторую экспедицию Балтийского флота в Средиземное и Эгейское моря. После прихода флота в Греческий Архипелаг предполагалось поднять мятеж среди христианских подданных султана и с их помощью сокрушать Османскую империю изнутри. Со стороны Дарданелл балтийские эскадры будут отвлекать силы турок от Чёрного моря, где будет действовать Черноморский флот. Но Вторая экспедиция в Греческий Архипелаг не состоялась: шведский король Густав III (двоюродный брат Екатерины II) без объявления войны совершил нападение на Россию.

В тот период военно-политические цели короля совпали с замыслами турецкого султана: Густав III стремился вернуть потерянные со времен Петра Великого земли в Прибалтике и захватить Петербург, а Абдул Гамид — сорвать поход Балтийского флота в недра Османских владений, для чего воспользоваться воинственными устремлениями шведского короля. Получив из Константинополя крупную финансовую поддержку, Густав III в июне 1788 г. начал кампанию. В честь этого события в загородной резиденции турецкого султана Пере состоялся прием шведского посла, который прибыл во дворец при полном параде и в сопровождении пышной свиты. Абдул Гамид встречал дорогого гостя вместе с высшими сановниками, улемами и пашами и в церемониальном зале произнес торжественную речь, в которой поблагодарил Густава III «за объявление войны Российской империи и за усердие Швеции в пользу империи Оттоманской». Затем султан вручил королевскому послу роскошную табакерку с бриллиантами стоимостью 12 тысяч пиастров⁹. Таким образом, Густав III вынудил Екатерину II вести войну одновременно на двух театрах — на северо-западе и на юге.

Италинский регулярно информировал руководство о поведении шведов в Италии. В одной из зашифрованных депеш он доложил, что в середине июля 1788 г. из Неаполя выехал швед по фамилии Фриденсгейм, который тайно, под видом путешественника прожил там около месяца. Как точно выяснил Италинский, швед «проник ко двору» неаполитанского короля Фердинанда с целью «прельстить его и склонить к поступкам, противным состоящим

ныне дружбе» между Неаполем и Россией. Но «проникнуть» к самому королю предприимчивому шведу не удалось — фактически, всеми делами при дворе заведовал военный министр генерал Джон Актон, который лично контролировал посетителей и назначал время приема.

Д. Актон поинтересовался целью визита, и Фриденсгейм, без лишних предисловий, принялся уговаривать его не оказывать помощи русской каперской флотилии, которая будет вести в Эгейском море боевые действия против Турции. Также Фриденсгейм призвал Актона заключить дружественный союз со Швецией, который, по его словам, имел довольно заманчивые перспективы. Если король Фердинанд согласится подписать договор, говорил Фриденсгейм, то шведы будут поставлять в Неаполь и на Сицилию железо отличных сортов, качественную артиллерию, ядра, стратегическое сырье и многое другое — то, что издавна привозили стокгольмские купцы и продавали по баснословным ценам. Но после заключения союза, уверял швед, Густав III распорядится привозить все перечисленные товары и предметы в Неаполь напрямую, минуя посредников-купцов, и за меньшие деньги ¹⁰.

Внимательно выслушав шведа, генерал Актон сказал: «Разговор столь странного содержания не может быть принят в уважение их Неаполитанскими Величествами», а что касается поставок из Швеции железа и прочего, то «Двор сей» вполне «доволен чинимую поставкою купцами». Однако самое главное то, что, король и королева не хотят огорчать Данию, с которой уже ведутся переговоры по заключению торгового договора ¹¹.

В конце июля 1788 г. Италинский доложил вице-канцлеру И.А. Остерману о прибытии в Неаполь контр-адмирала российской службы (ранга генерал-майора) С.С. Гиббса, которого Екатерина II назначила председателем Призовой Комиссии в Сиракузах. Гиббс передал Италинскому письма и высочайшие распоряжения касательно флотилии и объяснил, что образование Комиссии вызвано необходимостью контролировать российских арматоров (каперов) и «воздерживать их от угнетения нейтральных подданных», направляя действия капитанов судов в законное и цивилизованное русло. По поручению главы посольства П.М. Скавронского Италинский передал контр-адмиралу Гиббсу желание короля Неаполя сохранять дружественные отношения с Екатериной II и не допускать со стороны российских арматоров грабежей неаполитанских купцов ¹². В течение всей Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Италинский координировал взаимодействие и обмен информацией между Неаполем, Сиракузами, островами Зант, Цериго, Цефалония, городами Триест, Ливорно и Петербургом, поскольку сам посланник Скавронский в те годы часто болел и не мог выполнять служебные обязанности.

В 1802 г., уже при Александре I, последовало назначение Андрея Яковлевича на новый и ответственный пост — чрезвычайным посланником и полномочным министром России в Турции. Однако судьба распорядилась так, что до начала очередной войны с Турцией Италинский пробыл в Константинополе (Стамбуле) недолго — всего четыре года. В декабре 1791 г. в Яссах российская и турецкая стороны скрепили подписями мирный договор, по которому Российская им-

перия получила новые земли и окончательно закрепила за собой Крым. Однако не смирившись с условиями Ясского договора, султан Селим III помышлял о реванше и занялся военными приготовлениями. Во все провинции Османской империи курьеры везли его строжайшие фирманы (указы): доставлять в столицу продовольствие, зерно, строевой лес, железо, порох, селитру и другие «жизненные припасы и материалы». Султан приказал укреплять и оснащать крепости на западном побережье Чёрного моря с главными портами базирования своего флота — Варну и Сизополь, а на восточном побережье — Анапу. В Константинопольском Адмиралтействе и на верфях Синопа на благо Османской империи усердно трудились французские корабельные мастера, пополняя турецкий флот добротными кораблями.

При поддержке Франции Турция активно готовилась к войне и наращивала военную мощь, о чем Италинский регулярно докладывал руководству, предупреждая «о худом расположении Порты и ее недоброжелательстве» к России. Положение усугубляла нестабильная обстановка в бывших польских землях. По третьему разделу Польши к России отошли польские территории, где проживало преимущественно татарское население. Татары постоянно жаловались туркам на то, что Россия будто бы «чинит им притеснения в исполнении Магометанского закона», и по этому поводу турецкий министр иностранных дел (Рейс-Эфенди) требовал от Италинского разъяснений. Андрей Яковлевич твердо заверял Порту в абсурдности и несправедливости подобных обвинений: «Магометанам, как и другим народам в России обитающим, предоставлена совершенная и полная свобода в последовании догматам веры их»¹³.

В 1804 г. в Константинополе с новой силой разгорелась борьба между Россией и бонапартистской Францией за влияние на Турцию. Профранцузская партия, пытаясь расширить подконтрольные области в Османских владениях с целью создания там будущего плацдарма против России, усиленно добивалась от султана разрешения на учреждение должности французского комиссара в Варне, но благодаря стараниям Италинского Селим III отказал Первому консулу в его настойчивой просьбе, и назначения не состоялось. Император Александр I одобрил действия своего представителя в Турции, а канцлер Воронцов в письме Андрею Яковлевичу прямо обвинил французов в нечистоплотности: Франция, «республика сия, всех агентов своих в Турецких областях содержит в едином намерении, чтоб развращать нравы жителей, удалять их от повиновения законной власти и обращать в свои интересы», направленные во вред России.

Воронцов высказал дипломату похвалу за предпринятые им «предосторожности, дабы поставить преграды покушениям Франции на Турецкие области, да и Порты час от часу более удостоверяется о хищных против ея намерениях Франции». В Петербурге надеялись, что Турция ясно осознает важность «тесной связи Двора нашего с нею к ограждению ея безопасности», поскольку завоевательные планы Бонапарта не иссякли, а в конце письма Воронцов выразил полное согласие с намерением Италинского вручить подарки Рейс-Эфенди «и другим знаменитейшим турецким чиновникам», и просил «не оставить стараний своих употребить к снисканию дружбы нового капитана паши». Воронцов добавил: «Прошу уведомлять о качествах чинов-

ника сего, о доверии, каким он пользуется у султана, о влиянии его в дела, о связях его с чиновниками Порты и о сношениях его с находящимися в Царе Граде министрами чужестранных держав, особливо с французским послом»¹⁴.

В январе 1804 г., докладывая о ситуации в Египте, Италинский подчеркивал: «Французы непрерывно упражнены старанием о расположении беев в пользу Франции, прельщают албанцов всеми возможными средствами, дабы сделать из них орудие, полезное видам Франции на Египет», устраивают политические провокации в крупном турецком городе и порте Синопе. В частности, находившийся в Синопе представитель Французской Республики (комиссар) Фуркад распространил заведомо ложный слух о том, что русские якобы хотят захватить Синоп, который «в скорости будет принадлежать России», а потому он, Фуркад, «будет иметь удовольствие быть комиссаром в России»¹⁵. Российский консул в Синопе сообщал: «Здесь начальник Киозу Бусок Оглу, узнав сие и видя, что собралось здесь зимовать 6 судов под российским флагом и полагая, что они собрались нарочито для взятия Синопа», приказал всем местным священникам во время службы в церквях призывать прихожан не вступать с россиянами ни в какие отношения, вплоть до частных разговоров. Турецкие власти подвигли местных жителей прийти к дому российского консула и выкрикивать протесты, капитанам российских торговых судов запретили стрелять из пушек, а греческим пригрозили, что повесят их за малейшее ослушание османским властям¹⁶.

Предвоенные годы стали для Италинского временем тяжелых испытаний. На нем как на главе посольства лежала огромная ответственность за предотвращение войны, за проведение многочисленных встреч и переговоров с турецким министерством. В апреле 1804 г. он докладывал главе МИД князю Адаму Чарторыйскому: «Клеветы, беспрестанно чинимые Порте на Россию от французского здесь посла, и ныне от самого Первого Консула слагаемые и доставляемые, могут иногда возбуждать в ней некоторое ощущение беспокойства и поколебать доверенность» к нам. Чтобы нарушить дружественные отношения между Россией и Турцией, Бонапарт пустил в ход все возможные способы — подкуп, «хитрость и обман, внушения и ласки», и сотрудникам российской миссии в Константинополе выпала сложная задача противодействовать таким методам¹⁷. В течение нескольких месяцев им удавалось сохранять доверие турецкого руководства, а Рейс-Эфенди даже передал Италинскому копию письма Бонапарта к султану на турецком языке. После перевода текста выяснилось, что «Первый Консул изъясняется к Султану словами высокомерного наставника и учителя, яко повелитель, имеющий право учреждать в пользу свою действия Его Султанского Величества, и имеющий власть и силу наказывать за ослушание». Из письма было видно намерение французов расторгнуть существовавшие дружественные русско-турецкий и русско-английский союзы и «довести Порту до нещастия коварными внушениями против России». По словам Италинского, «пускающая в ход ласкательство, Первый Консул продолжает клеветать на Россию, приводит деятельных, усердных нам членов Министерства здешнего в подозрение у Султана», в результате чего «Порта нахо-

дится в замешательстве» и растерянности, и Селим III теперь не знает, какой ответ отсылать в Париж ¹⁸.

Противодействовать «коварным внушениям французов» в Стамбуле становилось все труднее, но Италинский не терял надежды и прибегал к давнему способу воздействия на турок — одаривал их подарками и подношениями. Письмом от 1 (13) декабря 1804 г. он благодарил А.А. Чарторыйского за «всемиловитейшее Его Императорского Величества назначение подарков Юсуфу Аге и Реис Эфендию», и за присланный вексель на сумму 15 тыс. турецких пиастров ¹⁹. На протяжении 1804 и первой половины 1805 г. усилиями дипломата удавалось сохранять дружественные отношения с Высокой Портой, а султан без лишних проволочек выдавал фирманы на беспрепятственный пропуск российских войск, военных и купеческих судов через Босфор и Дарданеллы, поскольку оставалось присутствие российского флота и войск в Ионическом море, с базированием на острове Корфу.

Судя по всему, Андрей Яковлевич действительно надеялся на мирное развитие событий, поскольку в феврале 1805 г. он начал активно ходатайствовать об учреждении при посольстве в Константинополе (Стамбуле) студенческого училища на 10 мест. При поддержке и одобрении князя Чарторыйского Италинский приступил к делу, подготовил годовую смету расходов в размере 30 тыс. пиастров и занялся поисками преподавателей. Отчитываясь перед главой МИД, Италинский писал: «Из христиан и турков можно приискать людей, которые в состоянии учить арапскому, персидскому, турецкому и греческому языкам. Но учителей, имеющих просвещение для приведения учеников в некоторые познания словесных наук и для подавания им начальных политических сведений, не обретается ни в Пере, ни в Константинополе», а это, как полагал Италинский, очень важная составляющая воспитательного процесса. Поэтому он решил пока ограничиться четырьмя студентами, которых собирался вызвать из Киевской духовной семинарии и из Астраханской (или Казанской, причем из этих семинарий обязательно татарской национальности), «возрастом не менее 20 лет, и таких, которые уже находились в философическом классе. «Жалования для них довольно по 1000 пиастров в год — столько получают венские и английские студенты, и сверх того по 50 пиастров в год на покупку книг и пишущих материалов». Кроме основного курса и осваивания иностранных языков студенты должны были изучать грамматику и лексику и заниматься со священниками, а столь высокое жалование обучающимся обуславливалось дороговизной жилья в Константинополе, которое ученики будут снимать ²⁰.

И все же, пагубное влияние французов в турецкой столице возобладало. Посол в Константинополе Себастиани исправно выполнял поручения своего патрона Наполеона, возложившего на себя титул императора. Себастиани внушал Порте мысль о том, что только под покровительством такого непревзойденного гения военного искусства как Наполеон, турки могут находиться в безопасности, а никакая Россия их уже не защитит. Франция посылала своих эмиссаров в турецкие провинции и не жалела золота, чтобы настроить легко поддающееся внушению население против русских. А когда Себастиани пообещал туркам помочь вернуть Крым, то этот прием сильно склонил чашу турецких весов в пользу Франции. После катастрофы под Аустерлицем

и сокрушительного поражения русско-австрийских войск, для Селима III стал окончательно ясен военный феномен Наполеона, и султан принял решение в пользу Франции. Для самого же императора главной целью являлось подвигнуть турок на войну с Россией, чтобы ослабить ее и отвлечь армию от европейских театров военных действий.

Из донесений Италинского следовало, что в турецкой столице кроме профранцузской партии во вред интересам России действовали некие «доктор Тиболд и банкир Папаригопуло», которые имели прямой доступ к руководству Турции и внушали министрам султана недоброжелательные мысли. Дипломат сообщал, что «старается о изобретении наилучших мер для приведения сих интриганов в невозможность действовать по недоброхотству своему к России», разъяснял турецкому министерству «дружественно усердные Его Императорского Величества расположения к Султану», но отношения с Турцией резко ухудшились ²¹. В 1806 г. положение дел коренным образом изменилось, и кабинет Александра I уже не сомневался в подготовке турками войны с Россией. В мае Италинский отправил в Петербург важные новости: по настоянию французского посла Селим III аннулировал русско-турецкий договор от 1798 г., оперативно закрыл Проливы и запретил пропуск русских военных судов в Средиземное море и обратно — в Чёрное. Это сразу затруднило снабжение эскадры вице-адмирала Д.Н. Сенявина, базировавшейся на Корфу, из Севастополя и Херсона и отрезало ее от черноморских портов. Дипломат доложил и о сосредоточении на рейде Константинополя в полной готовности десяти военных судов, а всего боеспособных кораблей и фрегатов в турецком флоте вместе с бомбардирскими и мелкими судами насчитывалось 60 единиц, что во много крат превосходило морские силы России на Чёрном море ²².

15 октября 1806 г. Турция объявила российского посланника и полномочного министра Италинского персоной *non grata*, а 18 (30) декабря последовало объявление войны России. Из посольского особняка российский дипломат с семьей и сотрудниками посольства успел перебраться на английский фрегат «Active», который доставил всех на Мальту. Там Италинский активно сотрудничал с англичанами как с представителями дружественной державы. В то время король Англии Георг III оказал императору Александру I важную услугу — поддержал его, когда правитель Туниса, солидаризируясь с турецким султаном, объявил России войну. В это время тунисский бей приказал арестовать четыре российских купеческих судна, а экипажи сослал на каторжные работы. Италинский, будучи на Мальте, первым узнал эту новость. Успокаивая его, англичане напомнили, что для того и существует флот, чтобы оперативно решить этот вопрос: «Зная Тунис, можно достоверно сказать, что отделение двух кораблей и нескольких фрегатов для блокады Туниса достаточно будет, чтоб заставить Бея отпустить суда и освободить экипаж» ²³. В апреле 1807 г. тунисский бей освободил российский экипаж и вернул суда, правда, разграбленные до последней такелажной веревки.

В 1808 г. началась война России с Англией, поэтому Италинский вынужденно покинув Мальту, выехал в действующую Молдавскую армию, где пригодился его прошлый врачебный опыт и где он начал оказывать помощь больным и раненым. На театре военных действий

Италинский находился до окончания войны с Турцией, а 6 мая 1812 г. в Бухаресте он скрепил своей подписью мирный договор с Турцией. Тогда император Александр I, желая предоставить политические выгоды многострадальной Сербии и сербскому народу, пожертвовал завоеванными крепостями Анапой и Потти и вернул их Турции, но Италинский добился для России приобретения плодородных земель в Бессарабии, бывших турецких крепостей Измаила, Хотина и Бендер, а также левого берега Дуная от Ренни до Килии. Это дало возможность развернуть на Дунае флотилию как вспомогательную Черноморскому флоту. В целом, дипломат Италинский внес весомый вклад в подписание мира в Бухаресте.

Из Бухареста Андрей Яковлевич по указу Александра I выехал прямо в Стамбул — вновь в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра. В его деятельности начался напряженный период, связанный с тем, что турки периодически нарушали статьи договоров с Россией, особенно касавшиеся пропуска торговых судов через Проливы. Российскому посольству часто приходилось регулировать такого рода дела, вплоть до подачи нот протестов Высокой Порте. Наиболее характерной стала нота от 24 ноября (6 декабря) 1812 г., поданная Италинским по поводу задержания турецкими властями в Дарданеллах четырех русских судов с зерном. Турция требовала от русского купечества продавать зерно по рыночным ценам в самом Константинополе, а не везти его в порты Средиземного моря. В ноте Италинский прямо указал на то, что турецкие власти в Дарданеллах нарушают статьи ранее заключенных двусторонних торговых договоров, нанося тем самым ущерб экономике России. А русские купцы и судовладельцы имеют юридическое право провозить свои товары и зерно в любой средиземноморский порт, заплатив Порте пошлины в установленном размере ²⁴.

В реляции императору от 1 (13) февраля 1813 г. Андрей Яковлевич упомянул о трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться в турецкой столице и которые требовали от него «все более тонкого поведения и определенной податливости», но при неизменном соблюдении достоинства державы. «Мне удалось использовать кое-какие тайные связи, установленные мною как для получения различных сведений, так и для того, чтобы быть в состоянии сорвать интриги наших неприятелей против только что заключенного мира», — подытожил он ²⁵.

В апреле 1813 г. Италинский вплотную занялся сербскими делами. По Бухарестскому трактату, турки пошли на ряд уступок Сербии, и в переговорах с Рейс-Эфенди Италинский добивался выполнения следующих пунктов:

1. Пребывание в крепости в Белграде турецкого гарнизона численностью не более 50 человек.
2. Приграничные укрепления должны остаться в ведении сербов.
3. Оставить сербам территории, приобретенные в ходе военных действий.
4. Предоставить сербам право избирать собственного князя по примеру Молдавии и Валахии.
5. Предоставить сербам право держать вооруженные отряды для защиты своей территории.

Однако длительные и напряженные переговоры по Сербии не давали желаемого результата: турки проявляли упрямство и не соглашались идти на компромиссы, а 16 (28) мая 1813 г. Рейс-Эфенди официально уведомил главу российского посольства о том, что «Порта намерена силою оружия покорить Сербию». Это заявление было подкреплено выдвиганием армии к Адрианополю, сосредоточением значительных сил в Софии и усилением турецких гарнизонов в крепостях, расположенных на территории Сербии²⁶. Но путем сложных переговоров российскому дипломату удавалось удерживать султана от развязывания большой войны против сербского народа, от «пускания в ход силы оружия».

16 (28) апреля 1813 г. министр иностранных дел России граф Н.П. Румянцев направил в Стамбул Италинскому письмо такого содержания: «Я полагаю, что Оттоманское министерство уже получило от своих собственных представителей уведомление о передаче им крепостей Поты и Ахалкалак». Возвращение таких важных крепостей, подчеркивал Румянцев, «это, скорее, подарок, великодушие нашего государя. Но нашим врагам, вовлекающим Порту в свои интриги, возможно, удастся заставить ее потребовать у вас возвращения крепости Сухум-Кале, которая является резиденцией абхазского шаха. Передача этой крепости имела бы следствием подчинения Порте этого князя и его владений. Вам надлежит решительно отвергнуть подобное предложение. Допустить такую передачу и счесть, что она вытекает из наших обязательств и подразумевается в договоре, значило бы признать за Портой право вновь потребовать от нас Грузию, Мингрелию, Имеретию и Гурию. Владетель Абхазии, как и владетели перечисленных княжеств, добровольно перешел под скипетр его величества. Он, также как и эти князья, исповедует общую с нами религию, он отправил в Петербург для обучения своего сына, наследника его княжества»²⁷.

Таким образом, в дополнение к сербским делам геополитические интересы России и Турции непосредственно столкнулись на восточном побережье Чёрного моря, у берегов Кавказа, где в борьбе с русскими турки рассчитывали на горские народы и на их лидеров. Италинский неоднократно предупреждал руководство об оказываемой Турцией военной помощи кавказским вождям, «о производимых Портою Оттоманскою военных всякого рода приготовлениях против России, и в особенности против Мингрелии, по поводу притязаний на наши побережные владения со стороны Чёрного моря»²⁸. Большой отдачи турки ожидали от паши крепости Анапа, который начал «неприятные предприятия против российской границы, занимаемой Войском Черноморским по реке Кубани».

Италинский вступил в переписку с командованием Черноморского флота и, сообщая эти сведения, просил отправить военные суда флота «с морским десантом для крейсирования у берегов Абхазии, Мингрелии и Гурии» с целью не допустить турок со стороны моря совершить нападение на российские форпосты и погранзаставы. Главнокомандующему войсками на Кавказской линии и в Грузии генерал-лейтенанту Н.Ф. Ртищеву Италинский настоятельно рекомендовал усилить гарнизон крепости Святого Николая артиллерией и личным составом и на случай нападения турок и горцев доставить в

крепость шесть орудий большого калибра, поскольку имевшихся там «нескольких азиатских фальконетов» не хватало для целей обороны.

На основании донесений Италинского генерал от инфантерии военный губернатор города Херсона граф А.Ф. Ланжерон, генерал-лейтенант Н.Ф. Ртищев и Севастопольский флотский начальник вице-адмирал Р.Р. Галл приняли зависевшие от каждого из них меры. Войсковому атаману Черноморского войска генерал-майору Бурсаку ушло предписание «о недремленном и бдительнейшем наблюдении за черкесами», а вице-адмирал Р.Р. Галл без промедления вооружил в Севастополе «для крейсирования у берегов Абхазии, Мингрелии и Гурии» военные фрегаты и бриги. На двух фрегатах в форт Св. Николая отправили шесть крепостных орудий: четыре 24-фунтовые пушки и две 18-фунтовые «при офицере тамошнего гарнизона, с положенным числом нижних чинов и двойным количеством зарядов против Штатного положения»²⁹.

Секретным письмом от 17 (29) апреля 1816 г. Италинский уведомил Ланжерона об отправлении турками лезгинским вождям большой партии (несколько десятков тысяч) ружей для нападения на пограничные с Россией территории, которое планировалось совершить со стороны Анапы. Из данных агентурной разведки и из показаний пленных кизлярских татар, взятых на Кавказской линии, российское командование узнало, что в Анапу приходило турецкое судно, на котором привезли порох, свинец, свыше 50 орудий и до 60 янычар. В Анапе, говорили пленные, «укрепляют входы батареями» на случай подхода российских войск, и идут военные приготовления. Анапский паша Назыр «возбудил ногайские и другие закубанские народы к завоеванию Таманского полуострова, сим народам секретно отправляет пушки, ружья и вооружает их, отправил с бумагами в Царь Град военное судно. Скоро будет произведено нападение водою и сухим путем»³⁰.

Италинский неоднократно заявлял турецкому министерству протесты по поводу действий паши крепости Анапа. Более того, дипломат напомнил Порте о великодушном поступке императора Александра I, приказавшего (по личной просьбе султана) в январе 1816 г. вернуть туркам в Анапу 61 орудие, вывезенное в годы войны из крепости. Уважив просьбу султана, Александр I надеялся на добрые отношения с ним, хотя понимал, что таким подарком он способствовал усилению крепости. Например, военный губернатор Херсона граф Ланжерон прямо высказался по этому вопросу: «Турецкий паша, находящийся в Анапе, делает большой вред для нас. Он из числа тех чиновников, которые перевели за Кубань 27 тысяч ногайцев, поддерживает наших дезертиров и поощряет черкес к нападению на нашу границу. Да и сама Порта на основании трактата не выполняет требований посланника нашего в Константинополе. Возвращением орудий мы Анапскую крепость вооружили собственно против себя». Орудия доставили в Анапу из крымских крепостей, «но от Порты Оттоманской и Анапского паши кроме неблагонамеренных и дерзких предприятий ничего соответствовавшего Монаршему ожиданию не видно», — считал Ланжерон. В заключение он пришел к выводу: «На случай, если Анапский паша будет оправдываться своим бессилием против черкесс, кои против его воли продолжают делать набеги,

то такое оправдание его служит предлогом, а он сам как хитрый человек подстрекает их к сему. Для восстановления по границе должного порядка и обеспечение жителей необходимо... сменить помянутого пашу»³¹.

Совместными усилиями черноморских начальников и дипломатии в лице главы российского посольства в Стамбуле тайного советника Италинского удалось предотвратить враждебные России акции и нападение на форт Св. Николая. В том же 1816 г. дипломат получил новое назначение в Рим, где он возглавлял посольство до конца своей жизни. Умер Андрей Яковлевич в 1827 г. в возрасте 84 лет. Хорошо знакомые с Италинским люди считали его не только выдающимся дипломатом, но и блестящим знатоком Италии, ее достопримечательностей, архитектуры, живописи, истории и археологии. Он оказывал помощь и покровительство своим соотечественникам, приезжавшим в Италию учиться живописи, архитектуре и ваянию, и сам являлся почетным членом Российской Академии наук и Российской Академии художеств. Его труд отмечен несколькими орденами, в том числе орденом Св. Владимира и орденом Св. Александра Невского, с алмазными знаками.

Примечания

1. ФОНТОН Ф.П. Воспоминания. Т. 1. Лейпциг. 1862, с. 17, 19—20.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Историко-документальный департамент МИД РФ, ф. 70, оп. 70/5, д. 206, л. 6об.
3. Там же, л. 6об.—7.
4. ПЕТРОВ А.Н. Первая русско-турецкая война в царствование Екатерины II. ЕГО ЖЕ. Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства. Т. 1. СПб. 1893.
5. Подробнее об этом см.: Россия в системе международных отношений во второй половине XVIII в. В кн.: От царства к империи. М.-СПб. 2015, с. 209—259.
6. АВП РИ, ф. 70, оп. 70/5, д. 206, л. 6 об.—7.
7. Там же, ф. 89, оп. 89/8, д. 686, л. 72—73.
8. Там же, ф. 70, оп. 70/2, д. 188, л. 33, 37—37об.
9. Там же, д. 201, л. 77об.; ф. 89, оп.89/8, д. 2036, л. 95об.
10. Там же, ф. 70, оп. 70/2, д. 201, л. 1—1 об.
11. Там же, л. 2—3.
12. Там же, л. 11об.—12.
13. Там же, ф. 180, оп. 517/1, д. 40, л. 1—1об. От 17 февраля 1803 г.
14. Там же, л. 6—9об., 22—24об.
15. Там же, д. 35, л. 13—13об., 54—60. Документы от 12 декабря 1803 г. и от 4 (16) января 1804 г.
16. Там же, л. 54—60.
17. Там же, д. 36, л. 96. От 17 (29) апреля 1804 г.
18. Там же, л. 119—120. От 2 (14) мая 1804 г.
19. Там же, д. 38, л. 167.
20. Там же, д. 41, л. 96—99.
21. Там же, л. 22.
22. Там же, д. 3214, л. 73об.; д. 46, л. 6—7.
23. Там же, л. 83—84, 101.
24. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 7. М. 1970, с. 51—52.
25. Там же, с. 52.
26. Там же.
27. Там же, с. 181—183, 219.
28. АВПРИ, ф. 180, оп. 517/1, д. 2907, л. 8.
29. Там же, л. 9—11.
30. Там же, л. 12—14.
31. Там же, л. 15—17.

Версия о «ритуальном убийстве» царской семьи в исторической литературе и общественном дискурсе

В.Э. Багдасарян, С.И. Реснянский

Аннотация. Представленная работа является откликом на широкий общественный резонанс, вызванный информацией о проработке специальной церковной комиссией, работающей с привлечением научно-экспертных кругов, гипотезы о ритуальном характере убийства императора и членов императорской семьи в июле 1918 года. Авторы проводят систематизацию взглядов, соотносящихся с версией ритуального убийства. Приводится наиболее широкий на настоящее время перечень аргументов, приводимых сторонниками этой версии в обосновании своей позиции. Представлены различные возможные интерпретации функций убийств политических персоналий в рамках символической политики. Предложена классификация версий, соотносимых со взглядом на ритуальную природу цареубийства, показана их широкая вариативность.

Ключевые слова: цареубийство, Николай II, ритуальное убийство, конспирология, символическая политика.

Abstract. The submitted work is a reply to the wide public response caused by information on study by the special church commission working with attraction of scientific and expert circles, hypotheses of the ritual nature of murder of the emperor and members of imperial family in July 1918. Authors carry out systematization of the views corresponding to the version of the ritual murder. The widest list on the present of the arguments adduced by supporters of the version about ritual murder in justification of the position is provided. Various possible interpretations of the functions of murders of political personalities within symbolical policy are presented. A classification of the versions correlated with the view on the ritual nature of the regicide is offered, their wide variability is shown.

Key words: regicide, Nicholas II, ritual murder, conspirology, symbolical policy.

Столетие Российской революции предельно обострило в общественном сознании и так достаточно остро стоящий вопрос о расстреле царской семьи, постоянно сталкивающий приверженцев и противни-

Багдасарян Вардан Эрнестович — доктор исторических наук, профессор, декан факультета Московского государственного областного университета. E-mail: vardanb@mail.ru; *Реснянский Сергей Иванович* — доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета. E-mail: s-r44@yandex.ru.

Bagdasaryan Vardan E. — doctor of historical sciences, professor, dean of the faculty at the Moscow Region State University. E-mail: vardanb@mail.ru; *Resnianskiy Sergey I.* — doctor of historical sciences, professor at the Moscow State Regional University. E-mail: s-r44@yandex.ru.

ков последнего российского императора. Резонансно, с претензией на политическую консолидацию, заявило о себе в 2017 г. движение «царебожников», опирающееся на учение об искупительной миссии Николая II ¹. Очевидно, что к столетию расстрела царской семьи градус общественного конфликта может достичь апогея с непредсказуемыми по степени радикальности последствиями.

Важнейшим вопросом общественной полемики фактически на протяжении столетия является проблема возможности определения уничтожения царской семьи в качестве «ритуального убийства». Подобное утверждение выводит на переосмысление революции как некоего религиозного проекта, что объективно подрывает устоявшиеся подходы. Жесткая полемика по ряду деталей убийства царской семьи — отсечение голов, сожжение тел — аккумулярована столкновением версий следователя Н.А. Соколова ² о погребении в районе Ганиной ямы и группы А.Н. Авдониной — Г.Т. Рябова о захоронении в Поросенковом логу ³. Вариант Ганиной ямы, связанный с принятием гипотезы о разрушении и сожжении останков, повышает вероятность ритуального характера убийства, тогда как версия Поросенкова лога ее понижает, хотя и не исключает полностью. В исторической публицистике эта дискуссия получила наименование «Соколов против Юровского», поскольку расследование группы Авдониной — Рябова опиралось первоначально на указания так называемой «записки Юровского». В современной историографии доминирует третья позиция, заключающаяся в предположении, что в районе Ганиной ямы была, действительно, предпринята попытка погребения останков, но в итоге захоронение состоялось все-таки в Поросенковом логу ⁴. В общественном дискурсивном пространстве эта версия была принята достаточно враждебно.

Академическая наука, как правило, игнорировала предположение о возможности ритуального характера убийства царской семьи как «ненаучное». Достаточным считался вердикт, вынесенный старшим следователем Следственного комитета В.Н. Соловьёвым о том, что мотивы расстрела царской семьи были исключительно политические и религиозных признаков какого-либо ритуала не содержали ⁵. Однако само по себе игнорирование ритуальной версии подрывало доверие к исторической науке и воспринималось в качестве «сокрытия правды».

Вместе с тем, тема ритуальности цареубийства активно прорабатывалась в исторической публицистике и исследованиях, которые возможно квалифицировать как «альтернативная история».

Альтернативная позиция в восприятии истории убийства царской семьи, судя по контенту сети интернет, приобретает все больший круг сторонников.

Отказ РПЦ признавать «екатеринбургские останки» в качестве святых мощей убиенных представителей царской фамилии усилил сомнения общества в отношении официальной версии расследования дела о цареубийстве. Сохранение и далее позиции отстраненности от волнующей общество темы имело для исторической науки самые негативные репутационные последствия.

Препятствия для публичной научной полемики были фактически сняты на состоявшейся 27 ноября 2017 г. конференции «Дело об убийстве Царской семьи: новые экспертизы и материалы. Дискуссия» ⁶. Инициированная РПЦ конференция носила научный харак-

тер, представляя собой по формату доклады известных ученых, представлявших различные отрасли науки, по результатам работы в рамках Церковной комиссии по исследованию «екатеринбургских останков». Ближе к завершению конференции секретарь патриаршей комиссии епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов), отвечая на вопросы из зала, сделал вызвавшее широкий общественный резонанс заявление: «У нас самое серьезное отношение к версии ритуального убийства. Более того, у значительной части церковной комиссии нет сомнений в том, что это так и было»⁷. Ведущая расследование следователь по особо важным делам М.В. Молодцова сообщила о намерении провести специальную психолого-историческую судебную экспертизу с участием представителей Академии наук, ведущих университетов, работников архивных служб и священников⁸. Важно, что и секретарь патриаршей комиссии, и старший следователь апеллировали к научному сообществу, побуждая подойти к проблеме ритуального характера убийства царской семьи именно с научных позиций.

Озвученные на конференции намерения вызвали резкую критику тех, кто видел в версии о ритуальном характере цареубийства признаки антисемитизма⁹. Епископ Тихон выступил с разъяснением, что ни к какому конкретно национальному контексту проводимое расследование не обращено, а само стремление обвинить Церковь в антисемитизме является провокацией, становящейся фактором дестабилизации общества.

Ритуальные составляющие имеет фактически любая культурная общность. В оказавшей значимое влияние на развитие современной российской историографии книге американского историка Р.С. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии» было показано огромное значение ритуала в репрезентации императорской власти в России¹⁰. Ряд работ постсоветской историографии был посвящен генезису советского ритуала¹¹. Ритуальное значение в контексте разных культур может иметь и политическое убийство. Так, ритуальные составляющие в рамках нового создаваемого революционного культа Великой Французской революции содержала, в частности, казнь короля Людовика XVI¹². Тема политических ритуальных убийств не сводится, таким образом, исключительно к сюжетной линии «кровавого навета», хотя угроза такого рода отождествления не исключена. Существует и опасность иного рода — конструирования новой символической апологетики цареубийства, ярким примером которого служит посвящение книги А.Г. Купцова «Миф о красном терроре»: «Посвящается Святому Юровскому, который освободил народ России от правления представителя оккупационного правления германской династии Готторп»¹³. В разгорающейся дискуссии важно показать реальные проекции революционной семиотики и провоцирующие фобии мифы. Этим соображением и мотивируется, прежде всего, замысел данного исследования, что предполагает систематизирующий обзор существующих точек зрения в рамках позиции о ритуальном характере убийства царя и царской семьи.

Гипотеза о ритуальном характере убийства царской семьи основывается на определенном ряде аргументов, одни из которых вымышлены, другие — опровергнуты при экспертном анализе, третьи выглядят на настоящее время достоверными и требующими концепту-

ального объяснения. Наиболее распространенными и находящимися в фокусе общественной дискуссии являются следующие аргументы:

1) обнаруженная в Ипатьевском доме следователем Сергеевым надпись из стихотворения Г. Гейне на немецком языке с небольшим отличием от оригинала — «Валтасар был в эту ночь убит своими подданными» (образ смерти Валтасара использовался как в религиозной, так и в революционной традиции для раскрытия идеи неизбежного возмездия несправедливому правителю, часы жизни которого сочтены — «исчислен», судьба взвешена — «взвешен», а царство разделено — «разделен») ¹⁴;

2) обнаруженные следователем Соколовым и интерпретированные как каббалистические четыре знака (дешифровка этих знаков в качестве конспирологической записи «Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесен в жертву для разрушения Государства — о сем извещаются все народы» была впервые предложена в 1925 г. бывшим полковником императорской армии М.В. Скарятиним, писавшим под псевдонимом Энель, позиционируемого в качестве исследователя Каббалы, оккультиста и египтолога, чей научный авторитет является предметом спора между сторонниками и противниками ритуальной версии) ¹⁵;

3) обнаруженная также Соколовым цифровая запись «24678 ру. года», «1918 года», «148467878 р», «87888» и трактуемая как криптограмма ¹⁶;

4) выбор места расстрела царской семьи в Ипатьевском доме, что ассоциировалось с Ипатьевским монастырем — колыбелью династии Романовых ¹⁷;

5) циркулирующие на уровне слухов инсайдерские свидетельства ответственных советских работников об отсечении головы императора и членов царской семьи, дополняемые сообщениями об их вывозе из Екатеринбурга в Москву (аргументируется в том числе отсутствием в районе Ганиной ямы находок зубов, которые не могли быть уничтожены огнем) ¹⁸;

6) свидетельства о расчленении тел членов царской семьи (аргументируется нахождением в районе Ганиной ямы разрубленных драгоценностей, а также обнаружением отрубленного человеческого пальца) ¹⁹;

7) свидетельства о сожжении царственных останков или о попытках их сожжения, что могло быть интерпретировано и как тривиальное сокрытие следов убийства, и как ритуал ²⁰ (проводятся параллели с посмертным сожжением извлеченных из захоронения останков Г. Распутина) ²¹;

8) использование во время убиения штыковых ударов, посредством которых, по версии следствия, добивали оставшихся в живых после расстрела, а по версии ритуального убийства осуществлялся жертвенный ритуал (используется ссылка на ясновидящую из Дивеевской обители Марию Ивановну, узревшую в ночь царевубийства умертвление царевен штыками);

9) выпуск в США и Франции еще в период первой российской революции провокаторских открыток, изображавших Николая II в качестве ритуальной жертвы ²²;

10) обнаружение в Ипатьевском доме нанесенного Александрой Фёдоровной, по описанию Соколова, «индийского знака» — свастики ²³ — рассматриваемого как свидетельство ее принадлежности к

закрытой оккультной организации, что дает основание для развития версии об эзотерическом подтексте екатеринбургской драмы ²⁴;

11) обнаружение в перечне книг, принадлежавших царской семье, труда С.А. Нилуса «Великое в малом и Антихрист», содержащего текст «Протоколов сионских мудрецов», что показывало царя, по версии сторонников ритуального убийства, сознательным противником заговора «темных сил» ²⁵;

12) убийство царской семьи в канун почитания Церковью памяти Андрея Боголюбского, прославленного распространением христианства и убиенного в результате заговора ²⁶;

13) умерщвление принадлежавшей княжне Анастасии собаки породы кинг-чарльз спаниель Джемми (Джимми), вывезенной вместе с телами убитых людей на Ганину яму (интерпретируется как намек на древний антихристианский ритуал умертвлять вместе с казненными христианами пса) ²⁷;

14) в могильниках не обнаружено остатков человеческих волос, что позволяет допустить мысль о пострижении убиенных в соответствии с ритуальной практикой ²⁸;

15) стремление участников расстрела царской семьи принять на себя славу цареубийцы (последующие споры), что свидетельствовало о восприятии ими происходившего в качестве акта символического значения ²⁹;

16) наличие сложившейся революционной традиции убийства монарших особ, воспринимаемых не только как правителей, но и как помазанников Божьих (цареубийство как манифестация богоборчества) ³⁰;

17) дискурс о цареубийстве в российской революционной семиосфере как идеологема тираномахии (продолжение в том числе народной линии в развитии темы моральности казни императора) ³¹;

18) предположение об авторстве «записки Я.М. Юровского» историка М.Н. Покровского, противоречия свидетельских показаний Юровского, что дает основания для версии о фальсификации сведений об убийстве царской семьи с целью сокрытия его ритуального характера ³²;

19) изъятие группой Рябова — Авдонины черепов из захоронения на Поросенковом логу и возвращение их по истечении года в могильник, что позволяет предположить наличие некой манипуляции с костными останками для сокрытия ритуального характера убийства и подготовки эмпирической базы для фальсифицированной версии ³³;

20) недопущение к расследованию 1990-х гг. представителей от РПЦ, закрытость следственного дела, что усилило недоверие к официальной версии о «екатеринбургских останках» и дало основание предположить преднамеренное сокрытие ритуальной стороны цареубийства ³⁴;

21) странные обстоятельства смерти следователя Соколова в возрасте 42-х лет за несколько месяцев до его предполагаемого участия в судебном процессе в качестве свидетеля на стороне Г. Форда по обвинению того в антисемитизме ³⁵;

22) предположения о купировании в книге Соколова, изданной после смерти автора, подробностей, связанных с ритуальными сторонами цареубийства, акцентированными в трудах знакомых с материалами дела руководителя комиссии по расследованию генерала М.К. Детерихса и английского журналиста Р. Вильтона ³⁶;

23) утверждение Вильтона о прибытие в Ипатьевский дом из Москвы в канун царевубийства некой неидентифицируемой фигуры «еврея, с черной, как смоль, бородой», интерпретируемой в конспирологических публикациях в качестве раввина или слугителя какого-то иного культа ³⁷;

24) выводы Детерихса и Вильтона, непосредственно причастных к следствию Соколова, придерживавшихся ритуальной версии в объяснении екатеринбургских событий ³⁸;

25) наличие альтернативных биогенетических экспертиз — японской и американской, не подтверждающих принадлежность «екатеринбургских останков» членам императорской фамилии, что дает основание говорить о наличии повторного, после самого царевубийства, кошунственного акта, выражавшегося в попытке выдать за святые мощи останки неких посторонних людей ³⁹;

26) подозрительное исчезновение вывезенных за рубеж Соколовым вещественных доказательств, связанных с расследованием гибели царской семьи ⁴⁰;

27) обнаружение церковной комиссией в 2017 г. на предполагаемом черепе императора (объект № 4) двух костных мозолей — следов от удара сабли японского самурая, при том, что при обследовании в 1990-х гг. этих следов парадоксальным образом следствие не увидело ⁴¹;

28) отсутствие при обследовании зубов предполагаемых останков императора следов врачебного вмешательства при известности факта обращения Николая II к стоматологу, что вызывает подозрение о подмене останков ритуально убиенного царя (выдвигаемый опровергающий аргумент о возможной боязни императора стоматологического лечения, ввиду несовершенства зубной техники, отвергается указанием на наличие распространенной практики использования местного наркоза при лечении зубов еще в девятнадцатом столетии) ⁴²;

29) рост княжны Анны был на 13 сантиметров меньше роста человека, отождествляемого с ней из «екатеринбургских останков», что рассматривается как еще один довод в пользу принятия следствием «ложного следа», уводящего его в сторону от ритуальной версии ⁴³;

30) игнорирование официальным следствием фрагментов останков убиенных членов царской семьи, обнаруженных Соколовым в районе Ганиной ямы и замурованных в одной из стен брюссельского храма Иова Многострадального, что объясняется боязнью разоблачения официальной версии ⁴⁴.

Каждый из используемых доводов сам по себе не является неопровержимым доказательством ритуальности царевубийства. Все они предполагают определенное допущение, из которого при его принятии может следовать версия ритуального убийства царской семьи. Но допущение может и не приниматься, и тогда эта версия логически разрушается. В любом случае, каждый из выдвигаемых в рамках концепции «ритуального убийства» аргументов должен получить объяснение с позиций науки.

Убийство политической фигуры может иметь символическое значение и относиться, соответственно, к символической политике. Убийство Николая II не является в этом отношении исключением. Было бы странным отсутствие в царевубийстве символического измерения. Могут быть выделены следующие функции использования политического убийства в качестве символа:

- консолидация и воодушевление своих через использование образа поверженного противника;
- устрашение или подавление воли врагов посредством уничтожения их лидера или политически значимой фигуры;
- возмездие врагам, месть враждебной политической общности через ее лидера;
- манифестация разрыва с прошлым, перехода к новой системе общественного устройства;
- демонстрация своего неприязненного отношения к идеям и ценностям, политически связываемым с убитым;
- заявление о непримиримости борьбы, начале войны, существовании сил сопротивления;
- поражение сакральной для противника фигуры;
- десакрализация, кощунственные действия при убийстве, лишаящие политическую фигуру сакральности;
- искупительный жертвенный акт за совершенные преступления и иные несправедливые действия;
- жертва, требуемая религией, посвящаемая высшим силам;
- дезавуирование высших сил религии противника, поражение бога врагов через поражение связываемой с ним и легитимизируемой им политической фигуры;
- имитация уничтожения всей общности противников через убийство представляющего их политика;
- магические действия, связываемые с особой сверхъестественной природой убиваемого противника (например, сакральностью его крови);
- составляющая ритуальных торжеств, праздников, воспроизводство религиозных или исторических сюжетов о поверженном враге;
- принятие через соучастие в убийстве особой посвятителем клятвы («клятва на крови»);
- выражение человеческими руками высшей воли, божественной кары в отношении несправедливого властителя.

Одни из этих функций связаны с конспирологической интерпретацией, другие объяснимы и вне обращения к «теории заговора». Каждая из этих функций потенциально может быть соотнесена и соотносится в различных версиях с историческим нарративом убийства Николая II. Интерпретация убийства последнего императора в качестве акта символической политики имеет, соответственно, как конспирологическую, так и неконспирологическую линию объяснения. Признания этого убийства символическим и даже ритуальным не означает априори принятия «теории заговора». Соответственно, была бы некорректна и исходная маркировка самой темы о ритуальном убийстве как ненаучной. Другое дело, что риски перехода грани между наукой и мифотворчеством в тематике такого рода достаточно велики. Апелляция к тайному заговору или эзотерике означает фактически возможность любого бездоказательного конструирования под «благовидным» предлогом обращения к тайной стороне истории, в отношении которой достоверные источники отсутствуют, а имеющиеся объявляются фальсифицированными. Спекуляции на «тайном знании», впрочем, не означают, что заговоров, эзотерических учений или закрытых организаций не существует.

В применении к теме ритуального убийства, естественно, наиболее широкое дискуссионное пространство было сформировано вокруг версии религиозного заговора. Цареубийство интерпретировалось, прежде всего, как акт антихристианский. «Убивая Русского Православного Царя — символически убивали законную, христианскую, национальную власть. Убивая Наследника — убивали и будущее России. Убивая вместе с Августейшей Семей их верных слуг — убивали всеобщее общенародное единение, к которому так стремилась всегда русская жизнь», — объяснял суть екатеринбургских событий митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычёв) ⁴⁵. В том, какая религиозная или квазирелигиозная доктрина противостояла христианству в символике убийства «помазанника Божия» взгляды расходились. Одни утверждали о существовании за ширмой большевизма некой оккультной неорелигиозной организации ⁴⁶. Учение этой организации могло соотноситься с направлением, связанным с революционным богостроительством, перекликающимся с увлечениями части большевистских и околобольшевистских интеллектуалов теософией и иными эзотерическими учениями. Утверждали о принадлежности к группе оккультистов главного, на уровне руководства государством, инициатора царевубийства Я.М. Свердлова ⁴⁷. Другие видели конфликт в противостоянии христианства и иудаизма. Вариацией подобного подхода являлся взгляд о заговоре некой, сложившейся будто бы на иудейской основе секты каббалистов ⁴⁸. Третьи утверждали, что за царевубийством стояла доктрина сатанизма, и царь приносился в жертву культу Люцифера. Генезис сатанинского проекта выводился из древних гностико-еретических практик. Были и те, кто развивал тему заговора секуляристов-богоборцев ⁴⁹. По аналогии с Великой Французской революцией, в которой казнь короля соотносилась с формированием особой светской религии, выстраиваемой вокруг культа Высшего Разума, нечто подобное пытались обнаружить и в российской революционной семиотике ⁵⁰. В информационном пространстве циркулирует, наконец, и тезис о причастности к царевубийству некой раскольнической секты, соотносимой с набирающим популярность концептом о раскольническо-сектантском факторе в Русской революции ⁵¹.

Геополитический заговор применительно к теме царевубийства раскрывается через тематику закулисной игры внешних противников России. Расстрел императора прочитывается как победа над Российской империей в большой геополитической игре. Среди государств, причастных прямо или косвенно к царевубийству, указываются чаще всего Великобритания и США, реже — Франция и Германия ⁵². Развивается тема двойной игры иностранных миссий в России, поддерживающих публично белых и тайно сотрудничавших с красными. Акцентируется внимание на сюжете отказа английского короля Георга V от настаивания на выезде Николая II в Великобританию ⁵³. Известен распространенный в конспирологической литературе миф о демонстрации отсеченной заспиртованной головы царя на закрытых собраниях за границей ⁵⁴.

Версия этнического заговора в соединении с версией о ритуальном убийстве не могла не соединиться в идеологии ультра-правых с «еврейским вопросом» ⁵⁵. Обвинения в царевубийстве евреев возникли еще задолго до екатеринбургского расстрела, и тот был включен в уже

сложившуюся фактически конспирологическую канву⁵⁶. Именно через призму версии еврейского заговора были написаны первые книги с обоснованием ритуального характера цареубийства М.Н. Детерихса и Р. Вильтона⁵⁷. Нельзя при этом не обратить внимания на то, что из восьми человек, непосредственно участвовавших в расстреле, евреем, и то принявшим в Германии лютеранство, был только один — Юровский. Расстрел царской семьи увязывается в этой версии с погромами в Российской империи и рассматривается в качестве возмездия за проводимую будто бы политику государственного антисемитизма. Иногда тема этнического заговора против царя расширяется в конспирологической литературе до консолидированного соучастия в цареубийстве помимо евреев других нерусских народов — латышей, венгров. Резонанс вызвало появившееся некоторое время назад сообщение об участии в расстреле царской семьи будущего лидера венгерского государства Имре Надя, что в дальнейшем было разоблачено как фальсификация⁵⁸.

Теория заговора мировой финансовой олигархии представляет убийство Николая II в ракурсе конфликта между традиционалистской христианской империей и транснациональной империей нового типа. Популярной в рамках современного общественного дискурса является тема борьбы против Российской империей клана Ротшильдов, логически завершившейся низвержением монархии и убийством императора. В качестве главного заказчика цареубийства преподносится фигура американского банкира Джейкоба Шиффа⁵⁹. Относительно новым аспектом раскрытия темы заговора финансовой олигархии в преломлении к истории расстрела царской семьи является утверждение о том, будто бы Николаю II принадлежал контрольный пакет акций в учрежденной в 1913 г. Федеральной резервной системе, что будто бы и послужило истинным мотивом убийства императора в борьбе за финансовые ресурсы⁶⁰.

Версия заговора клановых структур в теме цареубийства выстраивается на доказательстве наличия в большевистском руководстве определенной группы — клана, который и инициировал расстрел царской семьи в противоречии с позицией В.И. Ленина. Лидером этой группировки определяется Свердлов. Ряд видных фигурантов организации цареубийства находился с ним в лично близких отношениях. Группировка стояла на более левацких позициях, чем ленинцы, требуя, в том числе, более решительных мер по отношению к представителям императорской фамилии. В качестве одного из мотивов цареубийства в рамках этого подхода рассматривается попытка срыва мира с Германией, имея в виду немецкое происхождение Александры Фёдоровны. Ритуальная компонента, правда, в этой версии оказалась выражена слабее всего⁶¹.

Масонская версия антицарского заговора представлена в сочетании каждого из перечисленных типов конспирологической теории⁶². Прямых указаний в деле о расстреле императорской семьи на масонский след не обнаружено, если не считать членов лож в колчаковском окружении. Фактор масонства обосновывается гипотетически через единую сценарную линию от свержения императора масонами-февралистами до цареубийства. Иногда ссылаются на французского генерала-масона, главнокомандующего силами Антанты в России М. Жанена, при-

частного к расследованию обстоятельств дела по расстрелу царской семьи и вывоза вещественных доказательств за границу⁶³.

Другие типологические версии «теории заговора» в преломлении к теме цареубийства не получили в литературе акцентированного выражения. Перечисленные версии чаще всего пересекаются друг с другом, что создает общее измерение заговора «темных сил»⁶⁴.

Проведенный анализ конспирологической литературы приводит к выводу, что доминирующий квазирелигиозный подход в «теории заговора» бросает тень и на попытки обращения к проблеме ритуального содержания цареубийства. Вместе с тем, следует признать, что сама постановка вопроса о латентной стороне политических процессов в истории заслуживает самого повышенного внимания.

Тема ритуальности цареубийства получила преимущественное развитие в право-монархическом спектре русской общественной мысли. Историки и исторические публицисты, защищавшие версию о ритуальном характере екатеринбургских событий, позиционировались чаще всего как сторонники православного монархизма. Такая идеологическая связь объяснима сакрализованным восприятием фигуры императора и вытекающим из этого отношением к убийству царя не только как к политическому деянию, но и как к вызову десакрализации. Положение о ритуальном характере убийства императора явилось одним из базовых элементов исторического сознания правого крыла первой волны эмиграции. Из русской эмигрантской среды это положение переходило в национал-консервативную литературу Запада, получив там также достаточно широкое распространение. В СССР концепт ритуальности цареубийства развивался в национал-патриотическом сегменте диссидентского движения. В постсоветский период такая жесткая идеологическая привязанность размывается, хотя по-прежнему ядром генерирования дискурса о ритуальном характере убийства царской семьи выступают авторы, позиционирующие себя в качестве приверженцев православного традиционализма.

Проведенный анализ позволяет выйти с предложением по уточнению вызвавшей широкий резонанс базовой категории — «ритуальное убийство». Ритуал в строгом значении слова предполагает определенную установленную процедуру совершения убийства, некий церемониал. Была ли такого рода установленная форма осуществления убийства применена в Екатеринбурге? Где соответствующий описанный канон? Где свидетельства приверженности цареубийц определенным предписаниям? Представители церковной комиссии и епископ Тихон говорят о другом — о символическом значении убийства. Использование категории «символическое убийство» вместо «убийства ритуального» более корректно отразило бы содержание выводов нового расследования. С тем, что цареубийство имело символическую составляющую, вероятно, согласится большинство экспертов. Различие позиций может быть уже по уточняющему вопросу о смысловом содержании этой символики. Ритуальная версия оказывается при таком разграничении частным случаем принятия символической версии цареубийства.

Резюмируя, можно, таким образом, идентифицировать три возможных подхода: цареубийство носило сугубо прагматический характер, будучи определено положением дел на фронтах и другими

конъюнктурными соображениями; цареубийство имело ритуальный характер и осуществлялось по установленному некоей закрытой организацией ритуалу; цареубийство являлось символическим актом, демонстрирующим некую ценностно-смысловую повестку для его сторонников и противников. Первая версия превращает цареубийство в рядовой акт в череде убийств времен гражданской войны — «расстрел гражданина Романова». Принятие ее противоречит идущему еще с XVII семнадцатого столетия дискурсу об особой семиотике народной казни монарха. Вторая версия фактически недоказуема, и все имеющиеся аргументы могут свидетельствовать о наличии латентной стороны происходящего, но не о наличии ритуала. Символическая версия при том, что не должны отвергаться и прагматические мотивы цареубийства и допускаться потенциальные возможности ритуальных практик, представляется наиболее сбалансированной. Положение об идентификации цареубийства как акта символического значения, может послужить подсказкой для работы церковной комиссии в поиске наиболее точных формулировок при описании произошедшего в июле 1918 г. в Екатеринбурге.

Примечания

1. ГРИГОРЬЕВ А. Теология царя-искупителя. — НГ-Религии. 17.11.2010; ЗЫГМОНТ А.И. О феномене «царебожия» в современной религиозной культуре России. — Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012, № 11, с. 138—145; КУРАЕВ А.В. Испытание, которое приходит «справа». М. 2005; МАРЬЯНОВА Е. Весь народ виновен в пролитии крови своего Царя. — Русь Державная. 2000, № 5.
2. СОКЛОВ Н.А. Убийство царской семьи. Берлин. 1925; ЕГО ЖЕ. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов]. М. 1998; Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи. Август 1918 — февраль 1920. Франкфурт-на-Майне. 1987.
3. РЯБОВ Г.Т. Как это было. Романовы. Сокрытие тел, поиск, последствия. М. 1998; АВДОНИН А.Н. Тайна старой Коптяковской дороги. — Источник. 1994, № 5, с. 60—76; ЕГО ЖЕ. Дело жизни судебного следователя Николая Соколова. Екатеринбург. 2000; ЕГО ЖЕ. Обретение останков царской семьи. — Уральский музей. 2008, март, т. 41, № 3.
4. ЛЫКОВА Л.А. Следственные документы по делу об убийстве российской императорской семьи как исторический источник. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М. 2007.
5. СОЛОВЬЁВ В.Н. Справка о вопросах, связанных с исследованием гибели семьи российского Императора Николая II и лиц из его окружения, погибших 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге. <http://www.tzar-nikolai.orthodoxy.ru/ost/exp/spravka.htm>; Ответ на десять вопросов Патриархии. Письмо Святейшему Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию II от старшего прокурора-криминалиста Главного следственного управления Генеральной прокуратуры РФ, советника юстиции В.Н. Соловьёва. Там же; «Сейчас я раскрою некоторые секреты». Следователь Соловьёв в Екатеринбурге рассказал подробности дела об убийстве Николая II. https://www.znak.com/2017-10-02/sledovatel_solovev_v_ekaterinburge_rasskazal_podrobnosti_dela_ob_ubiystve_nikolaya_ii.
6. Дело об убийстве Царской семьи: новые экспертизы и материалы. Дискуссия. <http://www.pravoslavie.ru/108600.html>.
7. Епископ Тихон: часть церковной комиссии уверена в ритуальном характере убийства Романовых. <http://tass.ru/obschestvo/4763023>.
8. СК проверит версию ритуального убийства царской семьи. <https://www.rbc.ru/society/27/11/2017/5a1c495c9a7947ad6a8b716a>.

9. БАННИКОВ А. Чем опасна для России версия о ритуальном убийстве Николая II. <https://regnum.ru/news/2350581.html>; БЕРГ Е. СК проверит антисемитскую версию о «ритуальном убийстве» Николая II и его семьи. На этом настаивает РПЦ и «патриотическая общественность». <https://meduza.io/feature/2017/11/29/sk-proverit-antisemitskuju-versiyu-o-ritualnom-ubiystve-nikolaya-ii-i-ego-semi-na-etom-nastaivaet-rpts-i-patrioticheskaya-obshchestvennost>; КАРПОВ М. «Оно связано с кровавым наветом на евреев». Убийство Николая II связали с мистическим культом. Не обошлось без иудеев. <https://lenta.ru/articles/2017/12/02/ritual>.
10. Епископ Тихон: убийство царской семьи было для большевиков ритуальным. <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2961109>; ЕГО ЖЕ. Шумиха вокруг версии ритуального убийства Романовых — мерзкая провокация. <https://www.kp.ru/daily/26764/3795862>.
11. КОЛОНИЦКИЙ Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб. 2001; БРАНДЕНБЕРГЕР Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956). СПб. 2009; ГЛЕБКИН В.В. Ритуал в советской культуре. М. 1998; БАРЫШЕВА Е.В. Праздничное убранство советских городов 1920—1930-х годов. — Уральский исторический вестник. 2016, № 3 (52), с. 23—32.
12. ЯМПОЛЬСКИЙ М.Б. Жест палача, оратора, актера. — Ad Marginem'93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. М. 1994, с. 21—70.
13. КУПЦОВ А.Г. Миф о красном терроре. М. 2008, с. 3.
14. СОКОЛОВ Н.А. Убийство царской семьи. Берлин. 1925, с. 172; РАЗУВАЕВА Н.Н. Подвиг веры. Начало гонений на Русскую Православную Церковь (1917—1918). Уфа. 2014, с. 61; КОРНИЕНКО А.В. Загадки истории. Лжеправители. Харьков. 2011, с. 262; БОГОЛЮБОВ Н. Тайные общества XX века. СПб. 1997, с. 54.
15. СОКОЛОВ Н.А. Убийство царской семьи, с. 172; ЭНЕЛЬ (СКАРЯТИН М.В.). Жертва. Нови-Сад. 1925; ЕГО ЖЕ. Жертва. — Царь-Колоколь. М. 1990, № 5; БОЛОТИН Л. Шифровка на краю подоконника. — Держава. 1995, № 1(2).
16. КОРН В.И. По приказу тайных сил. Что скрывали надписи в Ипатьевском доме. Екатеринбург. 2009, с. 46—48, 56.
17. ЧЕРНЫХ Е. Ельцин разрушил Ипатьевский дом. А затем рухнул Советский Союз. <https://www.kp.ru/daily/25801.3/2781788/>; НАЗАРОВ М.В. Вождю Третьего Рима. М. 2004, с. 220.
18. ДЕТЕРИХС М.К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. М. 1991, с. 367—369; ФОМИН С.В. Екатеринбургское ритуальное убийство. В кн.: Россия перед Вторым пришествием. (Материалы к очерку Русской эсхатологии). Т. II. СПб. 1998, с. 662—673; БЕСЕДОВСКИЙ Г.З. На путях к Термидору. М. 1997, с. 111, 115—116; МЕЛЬГУНОВ С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. Париж. 1951, с. 411; БЕГУНОВ Ю.К. Участь царской головы: Статья. — За Русское дело. 1996, № 2 (34); ИВАНОВ А.М. Логика кошмара. М. 1993, с. 23; ОРЛОВ М. Екатеринбургская Голгофа. — Царь-колокол. М. 1990, № 5, с. 47, 51, 55; Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи. (Август 1918 — февраль 1920). Франкфурт-на-Майне. 1987, с. 140; ЗАЙЦЕВ Г.Б. Романовы в Екатеринбурге. 78 дней. Документальное повествование. Екатеринбург. 1998, с. 211; УШКУЙНИК В. Памятка русскому человеку. Б. м., м. г., с. 31.
19. ДЕТЕРИХС М.К. Ук. соч., с. 203, 218—219, 234, 246, 248—250, 254, 257—259; МУРЗИН А.П. О чем рассказал перед смертью царевубийца Ермаков (Открытое письмо Святейшему Патриарху). — Русский вестник. <http://www.rv.ru/content.php3?id=6402>.
20. МЕЛЬГУНОВ С.П. Ук. соч., с. 384—385, 411; ЮРКОВСКИЙ Л. Конец истребителя Династии. — Новое русское слово. Нью-Йорк. 1950.
21. ФОМИН С. Как они его жгли. <http://www.nashaeroha.ru/?page=articles&lang=1&id=639>.
22. НАЗАРОВ М.В. Вождю Третьего Рима. М. 2004, с. 214; Христофагия. Христова церковь против синагоги сатаны. Б.м., б.г., с. 37—39; Как и почему убивали Царственных мучеников. <http://www.ruskmir.ru/2012/07/rasstrel-carskoj-semi-%E2%80%93-ritualnoe-ubiystvo>.
23. СОКОЛОВ Н.А. Убийство царской семьи, с. 52, 103.

24. Таинственная свастика на предсмертном рисунке последней императрицы. <http://tainy.net/23106-tainstvennaya-svastika-na-predsmertnom-risunke-poslednej-imperatricy.html>.
25. ЖЕВАХОВ Н.Д. Сергей Александрович Нилус. В кн.: Неизвестный Нилус. Т. 2. М. 1995, с. 224; БУРЦЕВ В.Л. В погоне за провокаторами. «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. М. 1991, с. 291, 293.
26. ВОРОБЬЕВСКИЙ Ю. Путь в апокалипсис. Точка омега. М. 1999, с. 13; ЧЕРНЫХ Е. Дело об убийстве царской семьи: откуда взялась версия, что расправа большевиков носила ритуальный характер. <https://www.kp.ru/daily/26765.5/3796669>.
27. РЯБКО И., протоиерей. Сатанинский мистицизм казни Божьего Помазанника, или большевистский оккультизм цареубийства. <http://mosvedi.ru/news/society/russia/20827.html>.
28. МАНОВЦЕВ А. Ложь Юровского и не только. Беседа с кандидатом исторических наук П.В. Мультиатули. <http://www.pravoslavie.ru/107984.html>.
29. Епископ Тихон (Шевкунов): Шумиха вокруг версии ритуального убийства Романовых — мерзкая провокация. <https://www.kp.ru/daily/26764/3795862>.
30. НАЗАРОВ М.В. Тайна России. Историософия XX века. М. 1999, с. 682—719.
31. РЯЗАНОВ Д.В. Идеи тиранцида в политической и правовой культуре России XIX — начала XX века. — Правовая культура. 2006, т. 1, № 1, с. 49—58.
32. РОСС Н. «Записка Юровского» или «Записка Покровского»? — Русская мысль. 1997, № 4, 10—16 апреля; БУРАНОВ Ю.А. Краткий анализ источниковой базы по проблеме «екатеринбургских останков». — Радонеж. 5 июня 1998, № 9(74); ЕГО ЖЕ. Еще раз о так называемой «Записке Юровского». Тайны коптяковской дороги. — «Дело Веры». Информационно-аналитический сборник. М. 1998, № 2; БОЛОТИН Е.Л. О так называемой «записке Юровского». Историческая справка. Царское дело. Материалы к расследованию убийства Царской Семьи. М. 1996, с. 75; ЗЕНОВА Н.Н. Кто писал записку Юровского? — Литературная газета. 1997, № 3, 22 января 1997 года.
33. ГОЛИЦЫН А.К. Кому же верить? Правда и ложь о захоронении Царской Семьи. М. 2013; Священник Дмитрий Ненароков. Ко дню ритуальной расправы над Святой Царской семьей. <https://antieres.wordpress.com/2017/07/20/sviaschennik-dmitriy-nenarokov-ko-dniu-ritualnoy-raspravi-nad-sviatoy-carskoj-semij/>.
34. ГРИГОРЕВ Ю.В. Последний император России. Тайна гибели. М.—СПб. 2009, с. 8—9.
35. ПЛАТОНОВ О.А. Терновый венец России. История цареубийства. М. 2001, с. 293.
36. МИРОНОВА Т. Кто был автором книги «Убийство Царской Семьи» Н.А. Соколова. — Русский Вестник. 25.12.2003. <http://www.rv.ru/content.php?id=1439>; БУЛЫГИН П.П. Убийство Романовых. Достоверный отчет. М. 2000, с. 118.
37. ВИЛЬТОН Р. Последние дни Романовых. Берлин. 1923.
38. ДЕТЕРИХС М.К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. М. 1991; ВИЛЬТОН Р. Ук. соч., с. 80, 92.
39. НАЗАРОВ М.В. Ритуальное убийство Помазанника Божия. В кн.: Вождю Третьего Рима. М. 2004, с. 223.
40. ЕГО ЖЕ. Тайна царских мощей в русской эмиграции. <http://www.pravoslavie.ru/105137.html>.
41. ЕГО ЖЕ. Ритуальное убийство..., с. 223; Архимандрит Александр (Фёдоров): нет надежды на обретение полноценных останков царской семьи. <https://www.spbdnevnik.ru/news/2015-09-18/arkhimandrit-aleksandr-fedorov-veruyushchiey-ne-podkhodyat-k-bridelu-s-ekaterinburgskimi-ostankami/>; ИЗБИЦКАЯ Е. Убийство царской семьи. Вековое забвение. Ошибки и упущения Н.А. Соколова и В.Н. Соловьёва. https://bookz.ru/authors/elena-izbicka/ubiistvo_457/1-ubiistvo_457.html.
42. МАНОВЦЕВ А. Лечил ли зубы государь? <http://www.pravoslavie.ru/106202.html>.
43. Анастасия Романова: загадка великой княжны. <https://ria.ru/society/20060618/49669714.html>.
44. ПАЛАМАРЧУК П. Храм памяти в Брюсселе. — Родина. 1997, № 6.
45. Иоанн (Снычёв). Тайна беззакония. http://gosudarstvo.voskres.ru/ioann/tr1_2.htm.
46. РЯБКО К. Большевистский оккультизм цареубийства. <http://uoj.org.ua/publikatsii/govorit-istoriya/bolshevistskiy-okkultizm-tsareubiystva>.
47. ШАМБАРОВ В.Е. Свердлов. Оккультные корни Октябрьской революции. М. 2013.
48. Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. Саратов. 1995, с. 159—160.

49. Царская Семья приносилась в жертву во имя будущего властелина третьего храма — то есть антихриста. <http://avdy-san.livejournal.com/23221.html>; Аверкий (Таушев), архиепископ. Современность в свете Слова Божия. М. 2012, с. 324—329.
50. НАЗАРОВ М.В. Вождю Третьего Рима. М. 2004, с. 215.
51. Без шансов на спасение. Роль сектантов (старообрядцев) в убийстве Царской Семьи. <http://iskupitel.info/node/638>; ТРОФИМОВ О., протоиерей. Старообрядцы — убийцы России? <http://vesparevenge.ru/?p=4240>.
52. ШАМБАРОВ В.Е. За Веру, Царя и Отечество. М. 2003.
53. Николай II — жертва целой индустрии лжи. https://www.pravda.ru/society/fashion/couture/22-07-2015/1268006-tsarskaya_semya-0.
54. МЕЛЬГУНОВ С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. Париж. 1951, с. 411; БЕГУНОВ Ю.К. Участь царской головы. — За Русское дело. 1996, № 2 (34); ИВАНОВ А.М. Логика кошмара. М. 1993, с. 23; ОРЛОВ М. Екатеринбургская Голгофа. — Царь-колокол. М. 1990, № 5, с. 47, 51, 55.
55. ШВАРЦ-БОСТУНИЧ Г.В. Массонство и русская революция. Правда мистическая и правда реальная. Нови Сад. 1922; ЕГО ЖЕ. Массонство в своей сущности и проявлениях. Белград. 1928; ВЛАСОВ Ю.П. Огненный крест. М. 1991, ч. 2, с. 153.
56. ЛЮТОСТАНСКИЙ И.И. Об употреблении евреями (талмудистскими сектаторами) христианской крови для религиозных целей. СПб. 1880; СЕЛЯНИНОВ А.Ф. Тайная сила массонства. СПб. 1911; БУТКЕВИЧ Т.И. О смысле и значении правых жертвоприношений в дохристианском мире и о так называемых «ритуальных убийствах». — Вера и Разум. Журнал богословско-философский. Харьков. 1913, № 21—24; ДАЛЬ В.И. Записка о ритуальных убийствах. СПб. 1913; КУЗЬМИН И.О. Материалы к вопросу об обвинении евреев в ритуальных преступлениях. СПб. 1913; Книга монаха Неофита. Христианская кровь в обрядах современной синагоги. СПб. 1914; РОЗАНОВ В.В. Обонятельные и осознательные отношения евреев к крови. СПб. 1914; БУТМИ Н.А. Каббала, ереси и тайные общества. СПб. 1914; ШМАКОВ А.С. Международное тайное правительство. М. 1912.
57. БОЛОТИН Л. Царское дело. Материалы к расследованию убийства Царской Семьи. М. 1996.
58. КОЗЛОВ В.П. Гл. 9. Миф против мифа, или «Свидетельства очевидца» об убийстве царской семьи. В кн.: Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М. 2001; ПЛОТНИКОВ И. О команде убийц царской семьи и ее национальном составе. — Урал. 2003. № 9.
59. МУТАТУЛИ П.В. Убийство царской семьи. Мог ли приказ о расстреле прийти из Америки? http://www.aif.ru/society/history/ubiystvo_carskoj_semi_mog_li_prikaz_o_rasstrele_priyti_iz_ameriki; «По приказу тайных сил» Как сторонники версии о ритуальном убийстве представляют себе гибель Николая II. https://www.znak.com/2017-11-29/kak_storonniki_versii_o_ritualnom_ubiystve_predstavlyayut_sebe_gibel_nikolaya_ii.
60. АРХИПОВ Ю. Операция «похоронить навечно». — Stringer. М. 2002, 15 июля.
61. ИВАНОВ А.М. Логика кошмара. М. 1993, с. 18—24; ПАГАНУЦЦИ П. Правда об убийстве Царской семьи: Историко-критический очерк. Джорданвилль. 1981, с. 143; МУЛЬТАТУЛИ П.В. Черное семейство: Яков Свердлов и его братья. <http://www.pokaianie.ru/article/masons/read/64631>.
62. ШВАРЦ-БОСТУНИЧ Г.В. Массонство и русская революция. Правда мистическая и правда реальная. Нови Сад. 1922; ИВАНОВ В.Ф. Русская интеллигенция и массонство. От Петра Первого до наших дней. М. 1997, с. 421—422; ПЛАТОНОВ О.А. Терновый венец России. История Русского народа в XX веке. Т. I. М. 1997, с. 538—547; ПЛАТОНОВ О.А. Терновый венец России. История цареубийства. М. 2001.
63. КОЖИНОВ В.В. Правда сталинских репрессий. М. 2004, с. 4.
64. Три царя. http://ruskline.ru/analitika/2015/06/02/tri_carya.

Модели управления казахской степью в XIX в. на примере размышлений Ф.М. Лазаревского

Г.Б. Избасарова

Аннотация. По реформе 1844 г. Российское государство переходило в новую стадию оформления имперского административно-политического и социально-правового пространства в Казахской степи. В работе исследуется служба чиновника особых поручений при председателе Оренбургской Пограничной комиссии Фёдора Матвеевича Лазаревского и его идеи дальнейшего совершенствования управления казахами Оренбургского ведомства. На основе архивных источников анализируются предложения коллежского секретаря по реформированию судопроизводства казахов.

Ключевые слова: Казахская степь, казахи Оренбургского ведомства, реформа 1844 г., Оренбургская Пограничная комиссия, обычай, суд, Оренбургский край.

Abstract. Based on of 1844 year reform, the Russian State moves into a new stage of registration of imperial administrative-political and socio-legal space in the Kazakh steppe. The article investigates the special instructions official, Fedor Matveevich Lazarevsky service for the chairman of the Orenburg Boundary commission and his thoughts on further improvement of management of the Orenburg department Kazakhs. On the basis of archival sources the collegiate secretary arguments on further reforming of Kazakhs legal proceedings are analyzed.

Key words: Kazakh Steppe, Kazakhs of the Orenburg department, reform of 1844, Orenburg Boundary commission, custom, court, Orenburg region.

В 1844 г. было принято «Положение об управлении оренбургскими киргизами (казахами. — Г.И.)»¹, в котором одной из основных задач региональной администрации объявлялось: «привести в лучшее устройство самое управление в Орде, не делая, однако же, коренного преобразования, а оставляя тот же порядок, какой до селе был, в главных его основаниях»². Создание системы государственных политических институтов и органов власти в Казахской степи было поручено чиновникам Оренбургской Пограничной комиссии (ОПК).

Избасарова Гульбану Болатовна — кандидат исторических наук, доцент, докторант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: iz_gulbanu@mail.ru.

Izbassarova Gulbanu B. — candidate of historical sciences, associate professor, doctoral student of historical faculty of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: iz_gulbanu@mail.ru.

В период руководства ОПК М.В. Ладыженским (1844—1854) разрабатывались конкретные меры по совершенствованию организации управления казахами Оренбургского ведомства, поступали различные предложения по выработке правовой нормы управления окраиной. Представители пограничной администрации изучали социальную структуру, политическую жизнь кочевого казахского общества. Чиновник Оренбургской пограничной комиссии Ф.М. Лазаревский был одним из таких имперских чиновников.

Фёдор Матвеевич Лазаревский (1820—1890) родился в мелкопоместной дворянской семье Конотопского уезда Черниговской губернии. С окончанием университетского курса, по собственному желанию, был вызван на службу в Оренбургскую губернию и зачислен в штат Пограничной комиссии (сентябрь 1845). Три месяца спустя, в январе 1846 г., его допустили к исполнению должности столоначальника, а в мае того же года утвердили в этой должности. «Способнейший и усерднейший из столоначальников, таких чиновников желательно бы побольше привлечь в комиссию», — говорилось в данной ему характеристике ³.

Получив в июле 1848 г. чин коллежского секретаря, Лазаревский вскоре был назначен чиновником особых поручений при председателе Пограничной комиссии ⁴ и одновременно исправлял должность заведующего Временным столом по управлению Внутренней ордой ⁵.

С 1854 г. Лазаревский служил в Петербурге (чиновником особых поручений при губернаторе, а затем — в департаменте уделов); с 1859 г. управлял удельными конторами в Орле и Ставрополе.

В 1852 г., будучи в Петербурге, Фёдор Михайлович представил «Записку о состоянии Западной части Орды и Уральской линии». Данный источник представляет собой анализ «увиденного и услышанного» автором в течение полутора лет во время командировок и является результатом его службы в Казахской степи. В 1849 г. управляющему Западной частью было поручено заняться примирением адай, кете и других казахских родов между собой. Для помощи султану-правителю был отправлен в степь чиновник особых поручений при председателе Оренбургской пограничной комиссии Лазаревский ⁶. На него были, кроме того, возложены обязанности проведения следствия по делу об убийстве тазларцами в 1847 г. собиравшего с них покибиточную подать ходжи Самая Ханходжина; изучение открытого сопротивления, оказанного в 1848 г. управляющему частью и состоявшему при нем воинскому отряду, а также проведение проверок по многим другим уголовным делам ⁷.

Автор провел 11 месяцев в Западной части Орды и 7 месяцев на Уральской линии, живя среди казахов. Как пишет Лазаревский, «совместная степная жизнь моя с киргизами, ежедневные беседы с ними, всегда ровное внимание к султану и байгушу особенно сблизили меня с ними; они были доверчивы ко мне и не скрывали или не могли скрыть от меня ни своего образа мысли, ни своих убеждений, ни тех действий ордынской власти, которые почти всегда совершаются в Орде неведомо для пограничного начальства» ⁸.

Лазаревскому удалось раскрыть убийство ходжи Самая, совершенное тазларцем Тюремуратом Тайсембековым и двумя выходцами из его рода. Причиной данного преступления послужила жестокость

самого ходжи при сборе покибиточной подати. Чиновником было установлено, что сопротивление войсковому старшине Тяукину было оказано по подстрекательству убийц Самая, опасавшихся ареста.

«Вообще командирование в степь Лазаревского, кончившего по возможности большую часть порученных ему дел, на производство коих обыкновенным путем без подобной посылки чиновника требовались бы целые года, принесло не малую пользу и самой Комиссии, ознакомив ее гораздо ближе со многими местными обстоятельствами и влиятельнейшими ордынцами Западной части, через посредство систематических донесений и добросовестных и просвещенных заметок этого чиновника. Но он, к сожалению, не мог только быть между киргизами Адаевского рода за отдаленностью их кочевий и прямым с их стороны отказом, по не послушанию местному ордынскому начальству явиться к управляющему частью для миролюбного окончания вражды своей с прочими киргизскими родами»⁹.

Назначение Лазаревского в 1852 г. советником Уголовного отделения ОПК¹⁰ показывает, насколько глубоко он изучил судопроизводство коренного населения Степи. Это нашло отражение в его представлениях об изменении и искоренении некоторых обычаев казахов.

Чиновники ОПК искали ответы на вопросы, поставленные МИД, о путях совершенствования управления казахами Оренбургского ведомства, о судопроизводстве среди казахов, о сохранении казахских обычаев, имевших силу закона в Орде и т.д. Труд Лазаревского показывает реальную ситуацию, сложившуюся после введения реформы 1844 г. в Казахской степи.

Работа состоит из размышлений и предложений по следующим вопросам: о необходимости назначения в степи родоправителей и начальников отделений; об управлении киргизами (казахами. — *Г.И.*); о формальности следствия для киргизов; об их подсудности; о военном суде для киргизов Оренбургского ведомства; о кунах¹¹; о взыскании айпов¹²; о стеснении линейных киргизов казаками; о попечителях; о назначении вместо чиновников для производства следствий в степи чиновников особых поручений при Пограничной комиссии; о производстве следствий и суда над должностными ордынцами; о составлении свода постановлений, относящихся к киргизам Оренбургского ведомства, и т.д.¹³.

Указывая, что линейные казахи управляются дистанчными и местными начальниками, Лазаревский обратил внимание на руководство степных казахов биями и управляющими родов. В 1835 г., когда Западная часть Оренбургского ведомства была разделена на дистанции, султан-правитель Айшуаков назначил управляющих для степных родов поколения байулы: таз, ожырай, серкеш, ысык, есен-темир, адай. Чуть позже они были объединены в дистанции, но сохранили родовых правителей. По мнению Лазаревского, эти правители не имели никакого влияния среди сородичей, не были утверждены Пограничной комиссией, но продолжали свое правление. «Для степи необходимо внутреннее управление, необходима власть обязательная для ордынцев, поставленная пограничным начальством, от него вполне зависящая и обязанный ему отчетом в своих действиях», — рассуждал он. Лазаревский предлагал Пограничной комиссии назначать управленцев из числа биев, объясняя это следующим образом:

1. Не имея вне степи той опоры, какую по родству и связям своим имеют султаны, они могут держать себя ровно, скромно и будут жить в ладу с родом.

2. Бий в отношении к своей общине — самый попечительный отец; он знает свой род, его нужды, отношение, знает средства, как предупредить и отвратить эти нужды.

3. Он постоянно кочует со своим родом, и доступ их к нему легче, чем к султану ¹⁴.

Таким образом, управление родами через биев рассматривалось как самый верный путь. Но избрать сразу бия и назначить его руководителем нескольких родов было невозможно, так как это привело бы к сопротивлению других биев.

Для реализации своей идеи Лазаревский предлагал переходный этап, когда, во-первых, власть в степи принадлежала бы как и ранее султанам, так как казахи давно привыкли им повиноваться, особенно, если султаны были поставлены пограничным начальством, а родовых биев следовало назначить им в помощники. Во-вторых, при утверждении султана управляющим родом первым условием его назначения должен быть наказ — летом и зимой кочевать в управляемом им роде, ибо управление родом издали не может принести народу ожидаемой пользы. В-третьих, со временем бий, под руководством султана ознакомившись со своими обязанностями, будет выполнять значительную часть работы. Султаны станут только временно наведываться в роды. В таком случае, однородцы, в силу привычек и ближайших родственных отношений, признают за бием власть ¹⁵.

Биям автор выделял главенствующее место и при назначении начальников отделений, которые бы избирались в двух-трех отделениях с учетом количества кибиток. По мнению автора, «родоправитель в степи будет тем, что на линии дистаночный начальник. Начальник отделения, что на линии местный начальник. По этой параллели определяются с небольшими изменениями обязанности тех и других» ¹⁶.

По мнению чиновника ОПК, для родоправителей и начальников отделений нужно было составить инструкции и изготовить печати. Жалованье он предлагал назначать после 5—6 лет службы. Лучшим родоправителям предлагалось определить единовременные денежные награды, что помогло бы отличить усердного от неисполнительного. «Неисполнительных и слабых управляющих родами и начальников отделений вызывать в ставку султана-правителя или в Оренбург, делать им внушения, наставления, подвергать исправительным наказаниям: выговорам с опубликованием по Орде, заключению под арест, и потом уже замеченных не один раз в неспособности и равнодушии к своим обязанностям удалять от должностей. Вообще удаление от должностей должно быть самою крайнею мерою, ибо удалить легко, но найти лучшего тяжело» — утверждал чиновник ОПК ¹⁷. Уделялось внимание и награждению казахов чинами и медалями за оказанные услуги. В отчете ОПК за 1849 г. указывалось, что за преданность правительству, поимку беглых и за другие поступки были награждены: чинами хорунжего — 2 чел.; серебряными медалями с надписью «За усердие» для ношения на шее — 1; сереб-

ренными медалями для ношения в петлице с надписью «За спасение погибавших» — 2; почетными кафтанами и сукном на них — 10; единовременными денежными выдачами — 21; похвальными листами — 7 человек ¹⁸.

Одной из главных статей «Положения» 1844 г. был вопрос о судопроизводстве у казахов Оренбургского ведомства. 56-й параграф данной реформы гласил: «киргизы (казахи. — Г.И.) Оренбургского ведомства по делам в измене, убийстве, разбоях, баранте, захвате русских и в возмущении своих соплеменников против правительства судятся военным судом» ¹⁹.

Лазаревский выступал за пересмотр данной статьи, приводя в пример казахов Сибирского ведомства, где за подобные преступления судили гражданским судом. Необходимость отмены военного суда он объяснял тем, что, когда вводились эти законы, были часты нападения казахов на линию, захват русских, разбои и т.д., а теперь, когда это прекратилось, можно было и пересмотреть данную статью ²⁰.

Он отмечал, что самым лучшим управлением для казахов является управление, основанное на обычаях, при которых они выросли и к которым привыкли. Суд казахов, по его мнению, должен проходить согласно обычаям кочевников, но в то же время он выступал против оплаты куна ²¹ и айпа (айыпа).

Кун, по его мнению, был несправедлив по отношению к бедным казахам, беременным женщинам, малолетним детям, которым его не всегда платили, по крайней мере, полностью ²². Учитывая тот факт, что кун выплачивал не только убийца, а все его родные, а иногда и целый род, Лазаревский предлагал искоренить этот вид наказания. «Убийца обыкновенно платит до 50 баранов, (верблюда), лошадь, весьма редко больше и часто меньше. Ближайший родственник 25 баранов, менее близкий родственник меньше, и наконец, каждая кибитка отделения по одному, по два барана, смотря по великости отделения и значительности куна. Случается, бедняк променивает последнего теленка на 4, 5 баранов и одного из них со слезами и плачем отдает в уплату куна, в противном случае, есаулы сами распорядятся его имуществом.

В ином роде в один год взыскивают 2, 3, 4 куна, значит на кибитку придется 2, 3, 4 барана. И это должен заплатить часто бедняк, которому есть нечего, нечем детей кормить. Таких бедняков в степи и на линии очень много, и год от году становится больше. Пограничная комиссия несмотря на свою заботливость, частые предписания и подтверждения султанам-правителям не взыскивать кунов весьма мало могла еще успеть в уничтожении этого обычая», — писал с досадой чиновник ²³. Лазаревский, выступая за ликвидацию этого обычая, приводил в пример Внутреннюю Орду, где он был уничтожен, и Западную часть Орды в период правления Б. Айшуакова, когда сам султан-правитель добился его значительного ослабления.

Чиновник Оренбургской Пограничной комиссии предлагал следующие меры для искоренения куна:

1) в инструкции султанам-правителям, их помощникам, родоправителям, дистаночным начальникам, начальникам отделений и

местным начальникам особенно поставить на вид, что взыскание куна есть важное преступление, строго запретить это, неослабно следить за исполнением предписания;

2) объявить по Орде циркулярно, чтобы, несмотря на распоряжение ордынской власти, никто не платил кун и не помогал в уплате его убийце;

3) судей, присуждающих к уплате куна, родоправителей, дистаночных и местных начальников, в ведомстве которых взыскивают, и есаулов, взыскивающих кун, подвергать заключению под арестом в Оренбурге, на гауптвахте или в тюрьме. Более трех раз замеченных в этом судить как попустителей убийства, баранов же и другой скот, собранный для уплаты куна, продавать с аукционного торга и вырученную сумму причислять к суммам на расходы по Степи. Этот пункт также объявить по Орде циркулярно;

4) семейству убитого можно определять, как бы взамен куна, единовременное пособие, смотря по значению в Орде и важности для семейства потерянного члена от 25 до 200 руб. серебром из тех же сумм, предназначенных для расходов по Степи.

Определять размер куна он предлагал на основании донесений и данных ордынских чиновников или русских без производства формального следствия ²⁴.

Чиновник ОПК Лазаревский выступал также за уничтожение айыпов. По казахским обычаям, вор, уличенный в краже, должен был возратить похищенное имущество и потом быть наказанным. Преступник за свою вину платил айып в размере трех тогузов или 27 голов скота. «По силе обычая, ни истец, ни родные его не могут взять себе ничего из назначаемых тогузов: все они должны быть разделены между султанами и биями, разбиравшими дело, а иногда и родственники вора, истец, не исполнивший сего, считается человеком бесчестным», — писал Лазаревский ²⁵.

«Вор, решающийся на кражу, чаще всего вынуждается к этому бедностью. Разорить то его они действительно разорят, но чем виновато семейство вора, у которого отнимают последние средства к существованию и пускают его по миру? И будто разорением его достигается цель? Вору, у которого отняли все, терять нечего, и он нищий, конечно, решительнее пойдет уже на всякое преступление. Подобные люди вредные во всяком обществе, особенно вредны в степи: они рады пристать ко всякой воровской шайке, уходят в отдаленные дикие рода, делаютя вожаками барантовщиков, мстят, по возможности, за свое разорение, и гораздо более приносят вреда обществу, нежели сколько султаны или бии сделали ему пользы разорением преступника.

Обычай взыскания айпов выполняется преимущественно в отношении самых незащитных и бедняков, богатый вор, который в состоянии, не разоряя себя, заплатить тогузы непременно подкупит или задобрит бия, и дело поведет так, что не отдаст не только тогузов, но даже и украденного», — продолжал автор ²⁶. Он предлагал публично наказывать воров. Несмотря, на то, что бии будут против искоренения этого обычая, автор считал, что от его уничтожения выиграет общество.

Чиновник ОПК выступал также против барымты ²⁷, удивляясь тому, что «барантовщик в степи не только не считается человеком

бесчестным, как вор, но пользуется некоторого рода уважением. О нем не говорят, что он ограбил, отбарантовал, а говорят: взял барантою, разумея под этим, что на взятие баранты он имел право», — писал Лазаревский. По его мнению, «необходимо, чтобы родоправители, начальники отделений и местные бии, схватывали барантовщиков и отбарантованный скот немедленно возвращали хозяевам, а барантовщиков выдавали на линию, как бы ни законны по народным понятиям были права на баранту. Не исполнивших сего до 3-х раз подвергать взысканиям и потом судить, как участников в баранте»²⁸.

Таким образом, чиновник ОПК выступал за проведение судопроизводства у казахов на основе их обычаев, но при искоренении выплаты куна, айыпа и уничтожения барымты, которые ложились бременем на беднейшее население Степи.

Лазаревский критиковал суды, проводившиеся Оренбургской Пограничной комиссией. Он считает, что медлительность в производстве дел, которая следует из предписанного ей порядка делопроизводства, дает возможность султанам-правителям и биям не доносить обо всех делах в ОПК. По его мнению, из 50 преступлений казахов, ОПК узнает только об одном. 49 дел разбираются и решаются без предупреждения комиссии, по народным обычаям, а о пятидесятом комиссия узнает не от потерпевшего, а чаще всего из донесения лица постороннего²⁹.

Комиссия, получив информацию, предписывала султану-правителю решить вопрос в кратчайшие сроки и выдать на линию преступников. К этому времени дело было уже закончено по народным обычаям. «Правитель знает об этом, но боится сказать об этом ОПК, потому что комиссия непременно потребует объяснения: на каком основании он допустил превышения власти? Вот он и начинает известные ему извороты: то преступник откочевал к пределам Хивы, то место кочевания его неизвестно, то он бежал неизвестно куда. Переписки, таким образом, по делам уже оконченным в Орде тянутся по несколько лет в комиссии», накапливая неразрешенные дела.

Среди казахов появились выражения: «лучше ничего не получить по суду народному, чем жаловаться русскому начальству, являться несколько раз к допросам и все таки ничего не получить», «русский суд — большая дорога, откуда дело назад не приходит». Со времен хана Шергазы сохранилась пословица: «если имеешь в русском суде дело на 100 руб., дай еще 50 и откажись от дела»³⁰.

Лазаревский писал: «... нам следовало бы спуститься до киргизского обычая, примирить русский закон с обычаем страны и потом, заискавши более к себе доверия, шаг за шагом вести народ к той степени общественного устройства, на котором желаем его видеть»³¹.

Автор уделил внимание проведению следствия у казахов. По его мнению, для них неудобны и невыгодны формальные процедуры. Очень тяжелым для следствия был вызов людей и соблюдение законных форм ведения дела. Это объяснялось тем, что, во-первых, казахи, не зная русского языка, наслушавшись различных историй, боялись русского чиновника, следствия и опасались быть задержан-

ными. Во-вторых, так как разбирательство российские чиновники проводили на линии, за несколько десятков, а иногда даже и сотен верст от аулов, где проживали причастные к делу лица, как богатому, так и бедному казаху было трудно явиться к ним. «Богатому по той причине, что он пастух своих стад и при частых в степи разъездах воровских шаек, бережет их день и ночь; бедному потому, что он часто не имеет даже коня для поездки; при том, что русские чиновники, по ходу ли самого дела, или занятые другими срочными делами, держат иногда киргиза (казаха. — *Г.И.*) на линии по несколько дней и даже недель. Киргизу (казаху. — *Г.И.*) все это время нужно иметь квартиру, кормить себя и лошадь. Лошадь положим, он оставит в ближнем ауле, но сам часто по целым дням, иногда на холод пред квартирою следователя, в ожидании спросов, остается без пищи; купить ее ему не за что, да иногда и негде. Уральский казак не пожалеет бедняка. Он считает поганою ту вещь, к которой прикоснулся киргиз и не станет уже употреблять ее, а байгуши-киргизы кочующие около форпоста сами не едят иногда по целым дням, потому что нечего есть. Случается, наконец, что киргизы явятся к следователю в назначенный срок, а следователь или сам уехал куда-нибудь, или не явились еще люди, с которыми им нужно дать, например, очную ставку. Киргизы (казахи. — *Г.И.*) ждут иногда очень долго и уезжают не дождавшись. Нужно видеть нетерпение холодного и голодного киргиза (казаха. — *Г.И.*) скорее вырваться с форпоста в свой аул, чтобы иметь понятие о желании его явиться к следствию в другой раз»³².

Следствие российские чиновники вели годами, тогда как по казахским обычаям самое сложное из них заканчивалось в несколько дней. Эти факторы, по мнению автора, требовали пересмотра сложившейся ситуации. Он предлагал ввести следующие правила:

1) дела по преступлениям казахов о неповиновении властям, убийстве, барымте³³, возмущении, разбое, захвате русских, измене, изготовлении фальшивой монеты, утайке более трех раз кибиточного сбора разбирать формальным порядком, в присутствии казахского депутата со стороны обвиняемого, и виновных судить по общим законам империи;

2) все другие уголовные и исковые дела казахов со своими соплеменниками, предоставить разбирать и заканчивать по народным обычаям султану-правителю в Степи и о каждом разбирательстве доносить Пограничной комиссии с кратким изложением сущности дела и решения биев.

Если султан-правитель решал, что дело требует дальнейшего рассмотрения, то он, разобрав дело по народным обычаям, мог прислать виновных в Пограничную комиссию вместе с протоколом разбирательства и просить комиссию судить их по законам империи. К таким разбирательствам Пограничная комиссия по своему усмотрению могла командировать чиновника: а) когда того пожелают истец или ответчик; в) в делах по кибиточному сбору и в других особой важности и с) когда истец и ответчик были не довольны судом биев и просили пересмотра дела.

Командированный чиновник при разбирательстве не имел голоса, но по окончании суда был обязан донести о нем комиссии. От

султана-правителя требовали представления обстоятельств дела и решения биев со своим мнением. Если дела разбирались пристрастными и несправедливыми людьми, то султан-правитель должен был указать султанов или биев, которым мог быть доверен пересмотр дела.

После обсуждения представленных султаном-правителем и чиновником донесений о произведенных разбирательствах Пограничная комиссия, если признавала нужным, могла предписать султану-правителю подвергнуть дело новому разбирательству через биев, которых она сама укажет, опять же в присутствии русского чиновника;

3) дела по преступлениям, означенным во 2-м пункте, казахов против неказахов, смотря по желанию истца, можно было бы разбирать казахским судом при чиновнике комиссии или раскрывать через формальное следствие, и в обоих случаях виновных отдавать на суд султана-правителя. И по таким делам султан-правитель мог прислать виновных в Пограничную комиссию вместе с протоколом расследования для их разбирательства по российским законам.

Дело, отданное по желанию истца на казахский суд, в случае протеста одного из тяжущихся, могло быть подвергнуто вторичному разбирательству назначенными комиссией биями, но уже не могло быть расследовано формальным порядком.

Важнейшие из дел при желании истца или ответчика должны были разбираться при русском чиновнике, согласно народным обычаям, а виновных, в случае их определения, следовало судить в Пограничной комиссии по законам империи ³⁴.

Бия, замеченного в пристрастном или несправедливом решении дел до трех раз, Лазаревский предлагал подвергать наказаниям: выговору с сообщением о нем по Орде или содержанию под арестом, а при 3-х и более нарушениях — лишать звания бия, не давать в Орде ему никаких поручений, не допускать к должностям и разбирательствам.

Лазаревский надеялся, что с внедрением данных правил ОПК много выиграет: сократится переписка и возрастет доверие казахов как к российским чиновникам, так и к российскому законодательству.

Лазаревский предлагал вместо чиновников для производства следствий в степи назначить чиновников особых поручений при Пограничной комиссии. При ОПК на тот момент состояли пять чиновников для производства следствий в степи с ежегодным содержанием 1750 руб. серебром. Автор указывал, что эти чиновники не занимались своим делом. Со времени утверждения штата они не произвели ни одного расследования. Поэтому вместо этих пяти чиновников для производства следствий в Степи он предлагал назначить четырех чиновников особых поручений при Пограничной комиссии: одного старшего и трех младших. Старшему чиновнику он предлагал присвоить VIII класс и выделить 500 руб. содержания. Трем младшим — IX класс и 400 руб. серебром содержания, что составило бы всего 1700 руб. серебром в год ³⁵.

Учитывая, что должности чиновников особых поручений были в почете, Лазаревский предполагал, что их будут стремиться занять люди способные, знающие, обучавшиеся в высших учебных заведениях. Знание казахского языка для чиновника особых поручений при Пограничной комиссии не было обязательным. «Хороший чиновник

поймет, как это знание важно для его службы и, при частом обращении с киргизами (казахами. — Г.И.), легко может изучить язык, по крайней мере, на столько, чтобы понимать разговор и не быть обманутым толмачом», — писал чиновник ОПК ³⁶.

Таким образом, Лазаревский предстает перед нами как человек, глубоко изучивший кочевую жизнь и судопроизводство казахов. Детально описывая их обычаи, он сочувствует беднейшему населению Степи, предлагает искоренить такие обычаи как кун, айып, барымту. Назначение родоправителями биев, имевших влияние в обществе, рассматривается им как один из способов совершенствования управления регионом. Пройдя в Оренбургской Пограничной комиссии путь от простого чиновника до чиновника особых поручений, а затем и до советника Уголовного отделения, изучив Степь «изнутри», он предложил реальные пути совершенствования управления казахами Оренбургского ведомства.

Забегая вперед, стоит сказать, что с 1845 по 1865 г. шел поиск путей реформирования Казахской степи. В июне 1865 г. была создана специальная Киргизская Степная комиссия, результатом деятельности которой стала подготовка проекта новых реформ.

11 июля 1867 г. император Александр II подписал указ об утверждении проекта «О временном положении управления Сырдарьинской и Семиреченской областями». 21 октября 1868 г. был подписан проект «Временного положения» об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями. Если говорить о судебной части реформы, то следует отметить, что, наряду с введением общеимперских судов и расширением их компетенции, был сохранен суд биев как судебный орган, однако круг его деятельности был значительно ограничен.

По реформам 1867—1868 гг. были созданы три инстанции суда биев: первая — это единоличный суд биев, вторая — волостной съезд биев и третья — чрезвычайный съезд биев ³⁷.

Реформы распространили на казахов два вида уголовного законодательства Российской империи: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и уголовные нормы свода военных постановлений ³⁸. Из казахского обычного права стали исчезать такие ранее действовавшие понятия, как безнаказанное право убийства человека, застигнутого на месте преступления, защита родовой общиной своего члена, совершившего преступление, совершение кровной мести и т.д. Кун был отменен только в 1920 г. декретом СНК КазАССР.

Система управления в целом подразделялась на три звена: областные, уездные и местные управления. Был упразднен институт султанов-правителей, дистаночных и местных начальников. Казахи допускались к низшей ступени власти: аульных старшин и волостных начальников.

К размышлениям Лазаревского ОПК возвращалась не раз. Но унификация административно-территориального управления всей Казахской степи, то есть всех трех казахских жузов, привела к тому, что многие его предложения так и остались на бумаге.

Примечания

1. В русских источниках XVIII—XIX вв. казахов называли киргизами. В тексте речь идет о казахах Младшего жуза.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО), ф. 6, оп. 10, д. 5516а, л. 103об.; Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 4, оп. 1, д. 373, л. 51об.
3. БОЛЬШАКОВ Л.Н. Оренбургская Шевченковская энциклопедия. Тюрьма. Солдатчина. Ссылка. Энциклопедия одиннадцати лет. 1847—1858. Оренбург, с. 197.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1291, оп. 81, 1849 год, д. 215, л. 9.
5. ГА ОО, ф. 6, оп. 10, д. 6057б, л. 6, 14—16; ф. 6, оп. 10, д. 5912, л. 47—50; ф. 6, оп. 10, д. 6745, л. 8—19.
6. Источник не называет имя автора, указывая только фамилию. Скорее всего речь идет о Фёдоре Матвеевиче. Надо отметить, что из шести братьев Лазаревских четверо служили в Оренбурге. Старший — Василий Матвеевич Лазаревский (1817—1890) — в 1847—1848 гг. был чиновником особых поручений при председателе ОПК, а в июле был переведен на такую же должность в канцелярию Петербургского гражданского губернатора. Михаил Матвеевич (1818—1897) — чиновник ОПК, служил в ней с 1846 по 1850 год. Фёдор Матвеевич служил в ОПК в 1845—1854 гг., чиновник особых поручений ОПК с 1848 года. Александр Матвеевич (1834—1902) — историк, в Оренбурге жил в отроческие годы. См.: Оренбургская биографическая энциклопедия. Оренбург. 2000, с. 161.
7. РГИА, ф. 1291, оп. 81, 1849 год, д. 215, л. 17—17об.
8. Там же, 1852 год, д. 222, л. 2.
9. Там же, 1849 год, д. 215, л. 18об.—19.
10. ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 2695, л. 14—15.
11. Кун — плата за убитого, взыскивается по решению суда биев.
12. Аип — искупление вины преступником платою в размере трех тогузов, то есть 27 голов скота.
13. РГИА, ф. 1291, оп. 81, 1852 год, д. 222, л. 1—47.
14. Там же, л. 6—6об.
15. Там же, л. 7—7об.
16. Там же, л. 8.
17. Там же, л. 8об.
18. Там же, 1849 год, д. 215, л. 40.
19. Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата. 1960, с. 222.
20. РГИА, ф. 1291, оп. 81, 1852 год, д. 222, л. 19об.—20.
21. Полный кун за простого казаха составлял: лучший одногорбный верблюд (каранар), покрытый ковром; джаулык (женский головной убор); несколько халатов (обыкновенно три): хороший, посредственный и худой; шуба; пояс: шаравары; сапоги; оружие убийцы и лошадь, которая была под ним. Затем — 1000 баранов, 40 кобыл и кул (невольник). Если не было кула, то выплачивали 10 верблюдов или 100 лошадей. За смерть ходжи кун составлял 3000 баранов, за смерть султана, смотря по важности, — до 7000 баранов.
22. РГИА, ф. 1291, оп. 81, 1852 год, д. 222, л. 20об.—22.
23. Там же, л. 22об.—23об.
24. Там же, л. 24—25.
25. Там же, л. 25об.—26.
26. Там же, л. 26об.—27.
27. Российской администрацией барымта рассматривалась как разбой или грабеж, акт дестабилизирующий, затрудняющий управление и контроль над степью и препятствующий торговле в этом регионе. Барымта для кочевников не была преступлением. Это был скорее легитимный правовой обычай, коренившийся в свойственном казахской культуре понимании несправедливости, чести и возмездия. См.: МАРТИН В. Барымта: обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи. В кн.: Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. 2005, с. 361.

28. РГИА, ф. 1291, оп. 81, 1852 год, д. 222, л. 28об.
29. Если сам киргиз жаловался Пограничному начальству, значит его дело уже разбиралось биями, но истец или ответчик судом их остался недоволен, или же виновный из боязни суда биев хотел предупредить этот суд. Если султан-правитель доносил Комиссии о преступлении, значит, он не надеялся решить дело по народным обычаям, или преступником был киргиз, над которым он не имел власти, или он не желал щадить преступника, или, наконец, дело уже разбиралось, но враждующие отказались исполнить решение биев. Там же, л. 9.
30. Там же, л. 10об.
31. Там же, л. 11об.
32. Там же, л. 14—15.
33. В делах необходимо было отличать первоначальную баранту — первый повод к вражде — и баранту последующую, как следствие первой. В первом случае должно было налагаться самое строгое наказание, потому что беспричинный захват чужого, при нетерпении киргизов и нежелании их видеть собственность в пользовании недруга, как бы вынуждал потерявшего отомстить врагу и возратить свое той же барантой, особенно, если не было скорого суда, или барантовщики не слушались бия. Там же, л. 15об.
34. Там же, л. 16об.—17 об.
35. Там же, л. 42.
36. Там же, л. 42об.
37. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Алматы. 2000, с. 457.
38. Там же, с. 462.

Освещение сухопутной операции советских войск в северной Корее в августе 1945 г.

Ю.И. Дин, К. Мин

Аннотация. Работа посвящена проблеме изучения истории военных действий советско-японской войны 1945 г., которые проходили на территории Кореи. Трактовки южнокорейской прессы о «тайных намерениях» СССР захватить Корею для реализации своих интересов стали возможными в условиях неизученности данного вопроса. Ввод в оборот новых документов из ЦА МОРФ позволит пролить свет на многие белые пятна истории этого периода советско-корейских отношений.

Ключевые слова: Корея, Советский Союз, советско-японская война, Маньчжурская наступательная операция, 25-я армия.

Abstract. The paper deals with the problem of the study of military operation of Soviet-Japanese war, which took place on the Korean Peninsula. The interpretation of South Korean media, that Soviet Union planned to occupy the Korea due to own interests, was wrong. We can see it by analysis of the sources of Central Archive of the Russian Ministry of Defence.

Key words: Korea, Soviet Union, Soviet-Japanese war, Manchurian Strategic Offensive Operation, 25 Army.

История военных действий Красной армии на Корейском полуострове в августе-сентябре 1945 г. актуальна в свете развития российско-корейских отношений. Стоит признать, что события советско-японской войны ¹ не часто привлекали внимание исследователей (в Южной Корее нет ни одной академической работы, посвященной этой теме, а в США вышла лишь работа Д. Глантса о Маньчжурской наступательной операции ²). Это создает вакуум и ведет к печальной практике фальсификации событий истории в угоду политическим целям.

Дин Юлия Ивановна — кандидат исторических наук, сотрудник Государственного исторического архива Сахалинской области. Южно-Сахалинск. E-mail: din.iuliiia@gmail.com; *Мин Кёнхён* — кандидат исторических наук, профессор Университета Корё, директор Института истории в Университете Корё. Сеул. E-mail: khmin@korea.ac.kr.

Din Yulia I. — PhD (History), collaborator at the State History Archive of Sakhalin Region. Yuzhno-Sakhalinsk. E-mail: din.iuliiia@gmail.com; *Min Kyoung-Hyoun* — PhD (History), professor at the Korea University, director of the Institute of History in Korea University. Seoul. E-mail: khmin@korea.ac.kr.

Пожалуй, лучше всего военное противостояние советской и японской армий на Корейском полуострове изучено в отечественной историографии³. Большинство работ относится к советскому периоду, однако и работы того времени, и более современные главным предметом изучения выбрали историю Маньчжурской наступательной операции (частью которой и были военные действия в Корее), уделяя Корейскому полуострову не так много места. Например, в одной из самых масштабных работ по истории второй мировой войны — 12-томном издании «Великая Отечественная война» — войне с Японией посвящена одна из глав пятого тома, а непосредственно операции в Корее — всего несколько абзацев⁴. Между тем, детальное изучение военной кампании в Корее (которое до сих пор не сделано) важно для дальнейшего развития отношений между Россией и государствами Корейского полуострова.

Материалы сухопутной операции хранятся в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦА МО РФ). Среди них — журналы военных действий, приказы командования, отчеты об итогах боев, сведения о военнопленных и потерях с обеих сторон. К сожалению, документы о десантных операциях Тихоокеанского флота и Краснознаменной Амурской флотилии, находящиеся в Центральном архиве Военно-Морского Флота в г. Гатчине, еще недостаточно полно введены в научный оборот, однако существует ряд работ военных историков, в которых в сжатом виде дается краткое описание основных действий военно-морских сил России, в том числе в советско-японской войне⁵. Дополнить исследование истории военной операции Красной армии в Корее в августе 1945 г. помогают воспоминания участников событий — главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А.М. Василевского⁶, командующего 1-м Дальневосточным фронтом маршала К.А. Мерецкова⁷, командующего 25-й армией генерал-полковника И.М. Чистякова⁸, заместителя начальника Главного политического управления генерал-майора Б.Г. Сапожникова⁹ и др.

Военные действия советской армии на Корейском полуострове были частью Маньчжурской наступательной операции, осуществленной под командованием маршала Василевского против японской Квантунской армии генерала Оцудзо Ямады. В военных действиях были задействованы силы трех фронтов — 1-го Дальневосточного, 2-го Дальневосточного и Забайкальского при поддержке Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. Операция завершилась победой советских войск и подписанием Японией Акта о капитуляции 2 сентября 1945 года.

Для боевых действий на территории Корейского полуострова была выделена южная группа войск 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта под командованием генерал-майора Г.И. Шанина. Сухопутные войска должны были действовать в тесном взаимодействии с Тихоокеанским флотом под командованием адмирала И.С. Юмашева¹⁰.

С самого начала в журнале боевых действий подчеркивалось, что 25-й армии отводилась второстепенная, вспомогательная роль — она должна была решать оборонительные задачи на участке от г. Тополевая до устья р. Тумень-Ула¹¹, тогда как главный удар наносился 1-й и 5-й армиями на Гродековском направлении. Только после прорыва

японской обороны, примерно на восьмой день после начала операции, 25-я армия должна была ввести свои силы в прорыв и развивать наступление на общем направлении к городам Дунин¹², Лаохэйшань¹³ и Тумынь¹⁴, а также выйти на рубеж Ванцин¹⁵ — Тумынь — Хунчунь¹⁶ на 25-й день¹⁷.

Боевые действия 25-я армия начала 9 августа. Уже к 12 час. утра были захвачены опорные пункты японской армии и нарушена система ее тактической обороны. Учитывая достигнутый успех, командование решило ввести в бой полевые войска. Это были: 39-й стрелковый корпус (действовал на территории Маньчжурии), 393-я и 386-я стрелковые дивизии. 9 августа были взяты опорные пункты на территории Китая, а также захвачен приграничный г. Кейко¹⁸. 10 августа отряды 25-й армии овладели городом Дуннин, горой Тумынца и районным центром Нанкадо¹⁹.

В течении 9—10 августа войска полностью преодолели тактическую зону обороны японской армии, заняли основные опорные пункты Дунинского, Дунсинчженьского и Хунчуньского японских укрепленных районов и вышли к автомобильной дороге Дунин — Тумынца — Хунчунь. 11 августа с боем были заняты города Лаохэйшань и Хунчунь, а 12 августа во взаимодействии с морскими десантниками Тихоокеанского флота (ТОФ) — Юкки²⁰ и Расин²¹. После этого была получена другая задача — стремительно развивая наступление в юго-западном направлении, овладеть районом Ванцин — Яньцзи²² — Тумынь, перерезать коммуникации японской армии, идущие из портов северной Кореи в Центральную и Восточную Маньчжурию и во взаимодействии с силами флота наносить удары вдоль морского побережья, с целью занять основной порт северной Кореи — Сейсин²³ и город Ранан²⁴, которые были взяты 17 августа²⁵.

С 18 августа отдельные части японской армии начали сдаваться в плен, а 20 августа сопротивление японских войск всюду, за исключением некоторых узлов и отдельных групп японских солдат и офицеров, потерявших связь со своим командованием, прекратилось²⁶.

Основные боевые действия в составе войск 25-й армии вели сводные отряды 108-го и 107-го укрепленных районов (УР). Именно они находились в непосредственной близости от корейской границы, поэтому на них было возложено решение боевых задач на территории Корейского полуострова.

Детальные описания подготовки к боевым действиям и сами действия войск 108-го УР содержатся в документах соответствующего фонда ЦА МО РФ:

«20 июля 1945 г. комендантом укрепленного района полковником Подпориным и начальником штаба УР подполковником Ахалясовым получена задача от командующего войск 25 армии по предстоящим боевым действиям. С 22 по 26 июля 1945 г. комендантом и штабом разработано тактическое решение выполнения поставленной боевой задачи командующего войск 25 армии пулеметными батальонами. 26 и 27 июля 1945 г. проведена офицерская учеба с командирами частей. Решены тактические летучки по предстоящим боевым действиям и была поставлена задача комендантом УР на ближайшее время.

С 28 по 30 июля 1945 г. сформированы в пулеметных батальонах сводные отряды: Сводный отряд № 1 — 79 ОПБ (отдельный пулемет-

ный батальон. — Ю.Д.), командир отряда гвардии майор Сергеев, начальник штаба старший лейтенант Соков, зам. по политчасти капитан Динович. Состав стрелковых рот: пульта (выделенная из 139 ОПБ, минрота, взвод автоматчиков, взвод ПТР (противотанковая рота. — Ю.Д.), саперный взвод, взвод связи.

Сводный отряд № 2 — 103 ОПБ, командир отряда майор Афанасьев, начальник штаба капитан Лукашенко, зам. по политчасти капитан Банников. Состав аналогичен отряду № 1.

Сводный отряд № 3 — 139 ОПБ, командир отряда майор Напреенко, начальник штаба капитан Белозеров, зам. по политчасти капитан Леонов. Состав: 2 стрелковые роты, взвод автоматчиков, минвзвод, взвод ПТР.

С 30 июля по 4 августа 1945 г. сформированные отряды вели усиленные тренировки к предстоящим наступательным действиям. Сокращенные гарнизоны ДОТ (долговременная оборонительная точка. — Ю.Д.), опорных пунктов и УО (узел обороны. — Ю.Д.) тренировались ведению упорного оборонительного боя в сокращенном составе.

4 августа личный состав отрядов принял присягу и дал клятву перед знаменем. Командиры сводных отрядов с командирами рот провели рекогносцировку и довели задачу.

6 августа сводные отряды вышли на исходное положение.

7 августа и 8 августа сводные отряды вели активную разведку наблюдением и готовили исходный рубеж для наступления, 8 августа до всего личного состава доведена задача.

9 августа в 1.00 (по местному времени) сводные отряды начали наступление ²⁷. В течение 9 и 10 августа прорван Хуньчуньский УР, овладели узлами сопротивления: Сводный отряд № 1 — Тайпинчуаньским УС, населенными пунктами Янтулейцзы, Сунтяньтун, Вагансай, Кайто, Сяохунцихэ, ст. Исунчан, Дахунцихэ, Баозцян, Дайпингуань, Хумудун, Янмулинцзы, Хуймуданнаньгоу.

Отряд № 3 — Центральным УС, населенными пунктами: Илихалян, Сяоченцзы, Наньчуньпу, Наньзышань, Эрдаохэцзы, г. Кладо.

Отряд № 2 — Малосанеловским УС, населенными пунктами: Мало-Савеловка, Хэйсянцзы, Лоюньпу, Нанкадо. Взяли большие трофеи, артиллерийские, продовольственные и обозно-вещевые склады, три знамя, много вооружения и боеприпасов.

11 августа, преследуя разрозненные группы японцев, отряды № 1 и 3 и 98 ОАД (отдельный артиллерийский дивизион. — Ю.Д.), овладели населенными пунктами Дунаса, Мацзоаньцзы, Симацзюаньцзы, Дунюаньшаньдунь, Дунпаотай, Чжанияфутунь, к 13.00 подошли к г. Хуньчунь и к 14.00 переправились через р. Хуньчуньхэ, во взаимодействии с частями 386 СД (стрелковая дивизия. — Ю.Д.) овладели г. Хуньчунь.

Отряд № 2, овладели населенными пунктами Тохаси, Дайкадо, Сойкадо, Дайкаден, Силикаден, Сохачен, вышел на берег реки Тумыньцзян ²⁸ против станции Синансан.

12 августа отряды № 1, 2, 3 заняли оборону по р. Тумыньцзян. 13 августа вели активную разведку на правом берегу р. Тумыньцзян. 14 августа переправившись через р. Тумыньцзян перерезали железную дорогу Тумынь — Юки, овладели станциями и закрепили плацдарм на правом берегу р. Тумыньцзян ²⁹.

15 августа отряд № 1 начал боевые действия на высоте 527.0, отряд № 2 на высоте 399.0, в течение 16—18 августа отряды вели упорные наступательные бои, разгромив остатки 280 ПП (пехотный полк. — Ю.Д.), убито свыше 750 чел. и взято в плен 1862 солдата и офицера, много вооружения и боеприпасов.

19 августа форсировали р. Тумыньцзян и форсированным маршем выступили по маршруту на Коэй — Хойрен³⁰.

21 августа отряды овладели г. Хойрен. 22 и 23 августа принимали остатки 101 пехотного полка, принято 1700 человек.

25 августа отряды № 1 и 2 выступили по маршруту Хойрен — Канко³¹, отряд № 3 и 98 ОАД вышли на территорию СССР к местам прежней дислокации³².

30 августа отряды № 1 и 2 прибыли в г. Канко, приняли под охрану лагерь военнопленных, где насчитывалось 28 000 японских солдат и офицеров»³³.

В боях в северной части Кореи принимали участие и сводные отряды 107-го укрепленного района. В документах ЦА МО РФ о данных событиях говорится следующее:

«Выполняя постановление советского правительства и приказ военного совета 25 армии I Дальневосточного фронта, по ликвидации второго очага войны — японского империализма, части УРа в составе войск 25 армии I ДВФ (Дальневосточный фронт. — Ю.Д.) в 1:00 9 августа перешли государственную границу и начали наступательные боевые действия против японского Дунсинчженьского УРа.

Этому предшествовало следующее: в целях придания частям УРа наибольшей маневренности для ведения боевых действий в подвижных формах боя, комендантом УР, подполковником Амурским 4 августа было принято решение в постоянных районах обороны оставить до 25% личного состава и до 80—85% вооружения и боеприпасов (для охраны и обороны постоянных районов, населенных пунктов, складов и др. объектов армейского и УРовского подчинения, а также убывших полевых войск), сформировать сводные подвижные и облегченные отряды из состава трех пулеметных батальонов.

В период с 4 по 6 августа командиры частей УР под руководством коменданта, штаба и политотдела УР, реформировали пулеметные батальоны в сводные подвижные отряды.

Директивой военного совета 25 армии I ДВФ № 001/ОП от 3.8.45 г., 107 УРу была поставлена следующая задача:

1) прочно оборонять госграницу и не допустить перехода противника на нашу территорию;

2) быть готовым по особому приказу оставить минимум сил и средств для охраны сооружений, к выдвигению в полном составе в другом направлении;

3) в целях разведки и улучшения тактического положения, используя внезапность, выделить один сводный отряд численностью не менее усиленного стрелкового батальона с задачей:

а) овладеть опорным пунктом противника в районе без. выс. 6 км севернее Люнцзунь, Ванбабоцзы (0072) и оборонять его до подхода полевых войск;

б) перерезать автодорогу Дунин — Тумыньца;

в) улучшить наблюдение за противником.

4) активной разведкой установить, где проходит второй рубеж обороны противника, обязательно захватить пленных...

К 24:00 8 августа сводные отряды 11, 22 и 23 ОПБ и приданные им погранподразделения заняли исходное положение в готовности перейти госграницу и приступить к выполнению поставленных задач.

В 1:00 9 августа по особому сигналу из штаба УР, части 107 УР и погранподразделения пересекли госграницу перейдя в активное ночное наступление в общем направлении — основными силами — на Люнцзунь, Дунчинчжень, имея на правом фланге сводный отряд 11 ОПБ и к 4:00 9 августа... выполнили поставленную задачу по улучшению своего тактического положения и вошли в огневое соприкосновение с передовыми сооружениями Дунсинчженьского УР — японцев.

Одновременно с этим сводный отряд 11 ОПБ совершил двадцатикилометровый марш по исключительно тяжелой резко пересеченной, горно-таежной местности. В дальнейшем сводный отряд выйдя во фланг и тыл Дунсинчженьского УР, задачу... выполнил полностью, создав благоприятные условия для успешного наступления и овладения Дунчинчженьским УРом.

В течение ночи и дня 10 августа части закреплялись на достигнутом рубеже, вели активную разведку в своих направлениях.

К исходу дня 10.8 комендантом УР было принято решение: частью сил обложив — северный узел сопротивления Дунсинчженьского УРа, основными силами сводных отрядов выйти на рубеж Люнцзунь, Хаушицзюйзы, Дунсинчжень, где и укрепиться в готовности действовать на Эрдаохэцэн.

В течение 11 августа сводные отряды 11 ОПБ, 22 ОПБ и 23 ОПБ поставленную задачу выполнили не полностью из-за наступления темноты. С рассветом 12 августа сводный отряд 23 ОПБ, оставив прикрытие на занимаемом рубеже, основными силами, во взаимодействии с одной ротой сводного отряда 11 ОПБ, 12 августа овладели узлом сопротивления “Курган”. Разрозненные группы противника сильного сопротивления не оказали и были рассеяны.

В результате всех действий в период с 9—11 августа части УР обтекая Дунсинчженьский УР японцев с севера и юга, расчлняя узлы сопротивления и опорные пункты противника, уничтожая их путем блокировки, штурмующими группами заняли [несколько китайских] населенных пунктов и ряд городков.

Сводные отряды, приведя себя в порядок и перегруппировавшись, с рассветом 12 августа приступили к выполнению новой задачи.

а) сводный отряд 23 ОПБ наступал в первом эшелоне по долине р. Тумыньцыхэ³⁴ с боями овладел населенными пунктами. При выполнении поставленной задачи, в районе выс. 9656 группа японцев в составе 30—35 чел. из засады обстреляла автоматическим огнем сводный отряд. Японцы засели от дороги в 500—600 м, часть огневых позиций оборудовали на высоких деревьях. Разведка сводного отряда прошла, не заметив засады, при подходе главных сил сводного отряда, последний был обстрелян. Продвижение было задержано на 1,5—2 часа. Организованным прочесыванием местности, противник, потеряв 20 человек, отошел в тайгу. В районе выс. 9854 японцы на автомашине из направления Дунфанцы, выбросили до двух отделений, которые подожгли населенный пункт Ванбаоцзы и, пытаясь под-

жечь несколько мостов через р. Тумыныцзыхэ, но своевременным действием нашей разведки, часть японцев была уничтожена прямо на мостах, остатки на машине ушли в Синанча.

Разведка, действующая впереди сводного отряда 23 ПБ, в районе 9852 обнаружила группу противника в составе до 45 чел., которая сожгла мост через реку и, переправившись в брод в нашем направлении, пытаясь устроить засаду, но не успев занять огневые позиции, огнем разведчиков была почти полностью уничтожена.

В районе 9654 разведкой сводного отряда был обнаружен склад, предназначенный для питания диверсионных групп противника. Склад охранялся группой солдат. При подходе нашей разведки, они оказали сопротивление. В результате короткого боя, было уничтожено четыре японских солдата. Сводный отряд потерял одного убитым и четырех ранеными...

В 14.8.45 г. части УРа во исполнение указаний Военного совета 25 армии перешли к обороне на достигнутом рубеже»³⁵.

Как видно из документа, отряды 107-го укрепленного района воевали в основном на реке Туманная (являющейся границей между СССР и Кореей), уничтожая японские диверсионные группы, однако вглубь территории Кореи не заходили.

С 18 августа военные действия практически прекратились, и японские части начали сдаваться в плен³⁶. С этого времени авиация 9-й воздушной армии предприняла операции по высадке десантов на аэродромах Канко, Гензан³⁷, Хейдзио³⁸. В Канко было высажено 145 чел., в Хейдзио — 154, туда же было доставлено командование штаба 25-й армии. Работа проводилась в условиях полного отсутствия противодействия со стороны авиации противника³⁹.

Помимо отрядов 107-го и 108-го укрепленных районов на Корейском полуострове, согласно отчету боевых журналов 25-й армии, южная группа войск включала в себя 386-ю стрелковую дивизию и отряды 7-го, 110-го и 113-го укрепрайонов. 11 августа в состав войск южной группы была включена 393-я стрелковая дивизия⁴⁰.

Сводные отряды 113-го укрепрайона получили задачу овладеть Кенхинским УР и оборонять его, перерезать северокорейскую железную дорогу на участке Синасан — Юки и автодорогу Кейко — Юки. Сводный отряд № 1, преодолевая инженерные заграждения, вышел к р. Тумень-ула, где и закрепился. Сводный отряд № 2 перешел в наступление для захвата выгодных рубежей за линией госграницы, овладел несколькими населенными пунктами и мостом на реке, захватил г. Кейко и закрепился на высоте в 2 км юго-западнее города⁴¹.

В 15 час. 12 августа был получен приказ командующего армии — все части из северной Кореи отвести и занять оборону по левому берегу р. Тумень-Ула. В ночь на 13 августа отвод войск был завершен⁴². До 14 августа южная группа войск организовывала оборону по левому берегу р. Тумень-Ула, очищая занятые районы от противника и уничтожая его мелкие группы⁴³.

14 августа 393-я стрелковая дивизия, получив приказ командования, вновь начала движение по дороге на Кейко, Юки, Расин с целью последующего наступления на Сейсин. Сводные отряды всех укрепрайонов решали оборонительные задачи по берегам р. Тумень-Ула.

15 августа левофланговые части 386-й стрелковой дивизии взяли г. Кунзио, а 393-я к исходу 16 августа вышла на окраину г. Сейсин, где соединилась с частями морского десанта и высадившимися подразделениями 335-й стрелковой дивизии. 335-я СД 16 августа начала высадку в порту Сейсин.

393-я стрелковая дивизия 17 августа овладела г. Ранан. Сводные отряды 7-го укрепрайона овладели г. Кейген и очистили от противника шоссе и железную дорогу Кунзио — Кенген. К 19 августа сопротивление практически всех отрядов противника было подавлено. Южная группа войск приступила к разоружению военнопленных и взятию под контроль территории Корейского полуострова. 393-я стрелковая дивизия за участие в боях с японцами была награждена орденом Красного Знамени 28 сентября 1945 года⁴⁴. После окончания боевых действий она дислоцировалась в г. Кейко и была расформирована в августе 1946 года⁴⁵.

Начиная с 9 августа 386-я стрелковая дивизия маршем перешла р. Тумэнь-Ула и прошла по маршруту Кундзио — Онесинг — Хойрен — Мусан — Хесандин — Кокай — Хейдзио. 13 сентября она достигла нового места дислокации — г. Хейдзио⁴⁶.

Таким образом, советское командование не ставило своей целью оккупацию Корейского полуострова и извлечение из этого каких-либо геополитических выгод. На освобождение Кореи от японских войск была выделена небольшая воинская группировка (две дивизии и сводные отряды укрепрайонов), которая решала тактические задачи по мере их поступления. Никакой спешки, обусловленной желанием «оккупировать Корею быстрее США» и «захватить незамерзающий порт на Тихом океане» в действиях Красной армии и ее командования не просматривается.

Красная армия на Дальнем Востоке выполняла сугубо практические задачи — добиться поражения и капитуляции японской Квантунской армии, обеспечить сдачу в плен японских офицеров и солдат, освободить от японского господства попавшие в зависимость страны — Корею и Китай, выполнить обещания, данные союзникам на Ялтинской и Потсдамской конференциях.

Примечания

1. Советско-японская война — термин, применяющийся для обозначения одного из театров военных действий периода второй мировой войны между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой с одной стороны и Японской империей с другой. Длилась с 9 августа (официальное объявление СССР войны Японии) по 2 сентября (подписание Акта о капитуляции Японии) 1945 года. Проходила на территориях Северо-Восточного Китая (Маньчжурия), Кореи, Южного Сахалина, Курильских островов.
2. GLANTZ DAVID M. Soviet Operational and Tactical Combat in Manchuria, 1945: “August Storm”. London-Portland. 2005.
3. Бои в Маньчжурии и Корее. Сб. материалов о боевых действиях I Дальневосточного фронта. Владивосток. 1945; Советский Союз и корейский вопрос (документы). М. 1948; Финал: историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. М. 1969; Освобождение Кореи. Воспоминания и статьи. М. 1976; Краснознаменный Дальневосточный: История Краснознаменного Дальневосточ-

- ного военного округа. М. 1985; Корея: расчленение, война, объединение. М. 1995; ВАНИН Ю.В. Советский Союз и Северная Корея, 1945—1948. М. 2016.
4. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. Т. 5. М. 2013, с. 496, 506, 507, 514, 516, 527, 536, 543, 547.
 5. Боевой путь Советского Военно-Морского флота. М. 1988; Боевая летопись Военно-Морского флота. М. 2006; Краснознаменный Тихоокеанский флот. М. 1973.
 6. ВАСИЛЕВСКИЙ А.М. Дело всей жизни. М. 1989.
 7. МЕРЕЦКОВ К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М. 1988.
 8. ЧИСТЯКОВ И.М. Боевой путь 25-й армии. Освобождение Кореи. Воспоминания и статьи. М. 1976, с. 11—105.
 9. САПОЖНИКОВ Б.Г. Из истории советско-корейской дружбы. Освобождение Кореи. Воспоминания и статьи. М. 1976, с. 164—183.
 10. ВАНИН Ю.В. Ук. соч., с. 23.
 11. Река Туманная — граница между Советским Союзом и Северной Кореей.
 12. Городской уезд Дуннин провинции Хэйлунцзян (КНР), граничит с Приморским краем.
 13. Город расположен в провинции Хэйлунцзян (КНР).
 14. Городской уезд Тумэнь провинции Гири (КНР).
 15. Городской уезд Ванцин провинции Гири (КНР).
 16. Городской уезд Хуньчунь провинции Гири (КНР).
 17. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦА МО РФ), ф. 379, оп. 11 019, д. 8, л. 1.
 18. Город Кёнхын провинции Северная Хамгён (КНДР), находящийся на российско-северокорейской границе.
 19. ЦА МО РФ, ф. 379, оп. 11 019, д. 8, л. 2.
 20. Порт Унги (ныне — Сонбон) — часть города прямого подчинения Насон (Расон), граничащего с Приморским краем и китайской провинцией Гири.
 21. Порт Расин — город (порт) прямого подчинения Насон (Расон) КНДР.
 22. Городской уезд Яньцзи провинции Гири (КНР).
 23. Город-порт Чхонджин, административный центр провинции Северная Хамгён (КНДР).
 24. Корейский город Ранам в 1943 г. административно был слит с Чхонджином, а в 1945 г. вновь отделен от него, став самостоятельным городом.
 25. ЦА МО РФ, ф. 379, оп. 11 019, д. 8, л. 3.
 26. Там же, л. 4.
 27. Директива 25 армии № 0011/ОП от 3.8.45 г.
 28. Река Туманная.
 29. Устное приказание командующего Южной группировки войск 25-й армии от 12.8.45 г.
 30. Город Хверён провинции Северная Хамгён (КНДР).
 31. Город Хамхын провинции Южная Хамгён (КНДР).
 32. Директива штаба 25-й армии № УР/0191 от 24.8.45 г.
 33. ЦА МО РФ, ф. 2342, оп. 1, д. 1а, л. 1—3.
 34. Река Туманная.
 35. ЦА МО РФ, ф. 2341, оп. 1, д. 1, л. 15—18.
 36. Японский император объявил о принятии условий капитуляции и приказе сложить оружие 15 августа 1945 года.
 37. Город Вонсан провинции Канвон (КНДР).
 38. Город Пхеньян, столица КНДР.
 39. ЦА МО РФ, ф. 349, оп. 5753, д. 17, л. 25.
 40. Там же, оп. 11 019, д. 8, л. 9, 38.
 41. Там же, л. 32.
 42. Там же, л. 42.
 43. Там же, л. 45.
 44. Там же, ф. 1719, оп. 1719, д. 3, л. 3.
 45. Там же, оп. 1, д. 3, л. 1.
 46. Там же, ф. 1709, оп. 1, д. 1, л. 10—10об.

Политика Османской империи по организации восстания мусульман против России в годы первой мировой войны

В.В. Гафаров

Аннотация. В период первой мировой войны Османская и Российская империи входили в два противоборствующих блока. В связи с этим Османская империя придавала особое значение организации антироссийских мятежей, в особенности, среди тюркок-мусульман Кавказа. С началом войны османские спецслужбы приступили к активной деятельности в этом направлении. Однако поражение османской армии под Сарыкамышем, потеря значительной части Восточной Анатолии, а также укрепление позиций русских войск на территории Южного Азербайджана привели к провалу политики по организации восстаний против России.

Ключевые слова: российско-османская война, кавказские мусульмане, статус Кавказа, мятеж против России, Амираслан хан Хойский, Омар Наджи.

Abstract. In the First World War, the Ottoman and Russian empires were part of the enemy blocks. Therefore, Ottoman empire gave great importance to issue raising turkish-muslims against Russia, living in Russian empire, especially in the Caucasus. From the beginning of the war, Ottoman special services started operating in this direction. Therefore, the undesirable attempts in this direction resulted in large-scale military losses, but they failed to reach the ultimate goal.

Key words: Russian-Ottoman war, Caucasian Muslims, status of Caucasus, rebel against Russia, Amiraslan Khan Hoyski, Omar Naji.

В начале первой мировой войны военное командование Османской империи придавало большое значение организации мятежей живущих на Кавказе тюркок-мусульман против России. Еще до вступления в войну Османское государство приступило к определенным подготовительным мероприятиям, пытаясь использовать восстание мусульман Кавказа в своих целях. Созданная в 1913 г. организация «Ташкилати-махсуса» в начале войны была реорганизована под непосредственным руководством Энвер-паши в орган специальной службы с полувоенной структурой. С началом войны она приступила к ведению разведывательной работы на Кавказе, пытаясь собрать дан-

Гафаров Васиф Вагиф оглы — доктор философии по истории, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории им. А. Бакиханова НАН Азербайджана. E-mail: vasifqafarov@rambler.ru.

Gafarov Vasif V. — doctor of philosophy on history, associate professor, leading researcher at the Institut of History named after A. Bakikhanov NAS of Azerbaijan. E-mail: vasifqafarov@rambler.ru.

ные о численности, размещении и передвижении русских войск. Однако главной задачей организации было поднять живших на Кавказе мусульман против России. С этой целью в Эрзурум и Трабзон были направлены руководитель политического отдела «Ташкилатимахсуса», являвшийся одновременно членом Центрального комитета партии «Единение и прогресс» доктор Бахааддин Шакир бей, а также другие партийные функционеры — Кара Кямал бей, Трабзонлу Рза бей и Енибахчели Наиль бей. В их задачу входило руководство разведывательной деятельностью с территории Восточной Анатолии, подготовка политической почвы для вторжения османской армии на Кавказ и, главное, подстрекательство мусульман Кавказа к восстанию. В конце сентября 1914 г. начальник «Ташкилатимахсуса» Сулейман Аскери бей направил из Стамбула телеграмму вышеназванным лицам, в которой требовал от них подготовить инструкцию с целью создания единого центра для руководства деятельностью, направленной против России. Для выполнения данного поручения Бахааддин Шакир бей и его соратники прибыли в Байбурт. Их встреча продолжилась несколько дней, в результате чего в начале октября 1914 г. было создано Кавказское революционное общество и утвержден его устав ¹.

В уставе общества указывалось, что его цель состоит «в подготовке на Кавказе всеобщего восстания для обеспечения поражения России, в вооружении живущих на Кавказе наций и затруднении продвижения русской армии в случае объявления войны России, в захвате Кавказа и оказании помощи османской армии» ². Руководителем Кавказского революционного общества стал Бахааддин Шакир бей. В центральный штаб общества, который располагался в Эрзуруме, вошло 7 человек. Организация действовала в трех регионах: в Эрзуруме, Трабзоне и районе Вана-Ирана. Эрзурумское отделение организации возглавлял Хильми бей, а затем — Тахсин бей, Трабзонское — Рза бей, Ван-Иранское — Омар Наджи бей ³. Основной задачей Ванского отделения была организация мятежей против России в Карсе, Ардагане, Елизаветпольской, Бакинской губерниях, Дагестане, а также антироссийского сопротивления в Иране ⁴.

Еще до начала войны между Османским государством и Россией Кавказское революционное общество для достижения поставленных перед ним целей направило своих представителей в различные регионы Кавказа ⁵. После начала боевых действий оно стало также принимать шаги по организации добровольческих соединений из представителей кавказских народов для сражения против России.

Подготовка антироссийского восстания среди тюрок-мусульман Кавказа шла параллельно с наступательной операцией османской армии на Кавказском фронте. Однако вторжение русской армии на территорию Турции затруднило деятельность Кавказского революционного общества.

Еще в первые дни октября 1914 г. в разведывательных данных, собранных турецкими спецслужбами, отмечалось, что «мусульмане Кавказа тяготеют к Османскому государству и настроены с началом войны выступить против России» ⁶. Подобные сообщения создавали у стамбульского правительства уверенность в готовности мусульман Кавказа поднять мятеж против России и, естественно, оказыва-

ли влияние на его военные планы. Так, военный министр Энвер-паша выдвинул идею наступления 3-й армии на русских, нанесения удара со стороны Ирана и Чёрного моря, а затем захвата Кавказа при помощи тюрок-мусульман, которые ожидали сигнала к началу восстания ⁷.

После объявления Османским государством джихада были предприняты попытки поднять, наряду с Кавказом, восстания мусульман против России и Англии в Иране, Средней Азии, Афганистане и Индии. Однако эти инициативы не дали ожидаемого результата.

В то время, как шла активная подготовка к наступательной операции на Кавказском фронте, Энвер-паша направил в Северный Иран (Южный Азербайджан) и на Кавказ 13-тысячную группировку под командованием своего дяди Халил бея ⁸. Ее задачей было овладение Тебризом, выход в Северный Азербайджан и захват Баку, затем продвижение в Дагестан, агитация местного населения к восстанию против России, нанесение русской армии удара с тыла — с западного побережья Каспийского моря ⁹. Первые соединения этой армии выступили из Стамбула 11 декабря, последние — 19 декабря 1914 года. В телеграмме от 14 декабря Энвер-паша в деталях раскрыл Халил бегу основные цели армии: «Ваша задача заключается в продвижении из Ирана в Дагестан через Тебриз, организации там всеобщего восстания, разрушении русских железных дорог и телеграфных линий, особенно линии Баку — Тифлис, нанесении удара по русским с запада Каспийского моря; подстрекательстве местных племен к войне против русских» ¹⁰.

Схожая по содержанию телеграмма была отправлена Энвер-пашой Кязыму Карабекир бегу, который командовал армией, направлявшейся в сторону Ирана, Туркестана и Афганистана. В телеграмме указывалось, что в задачи Карабекир бея входит наступление на Иран и захват Тегерана, а по возможности — организация восстания в Туркестане, а также агитация среди населения против русских и англичан ¹¹. Интересно, что армии, возглавляемые Халил беем и Карабекир беем, подчинялись не командованию 3-й армии, действовавшей на Кавказском фронте, а напрямую военному министру Энвер-паше.

Подготовка к выступлению обеих группировок завершилась к концу декабря. Однако поражение под Сарыкамышем привело к нехватке сил на Восточном фронте, в связи с чем поход был приостановлен. Следует заметить, что для организации антианглийских выступлений в Афганистан еще 28 сентября 1914 г. была направлена специальная миссия из числа турецких и германских офицеров. Однако завершилась она безрезультатно.

Во время Сарыкамышской операции русское командование перебросило значительный контингент своих войск из Южного Азербайджана на Кавказский фронт. Этим воспользовались османские военные силы, находившиеся в Южном Азербайджане. При поддержке местных добровольцев они овладели 4 января 1915 г. Урмией ¹², 8 января Тебризом ¹³, 14 января Дильманом ¹⁴.

После захвата Тебриза османские войска находились фактически в шаге от вторжения в Северный Азербайджан. В это время Омар Наджи бей, считавшийся «архитектором» кавказской политики Ос-

манского государства, был назначен инспектором партии «Единение и прогресс» по Азербайджану и Северному Кавказу. Он выдвинул идею объединения северных и южных частей Азербайджана под покровительством Турции и вступив в союз с племенем шахсеванов начал формировать из них вооруженные отряды для продвижения в направлении Баку¹⁵. Однако этот план Омар Наджи бея не осуществился. Россия, достигнув военного преимущества на Кавказском фронте после Сарыкамышской битвы, вернула обратно вызванные ранее из Южного Азербайджана силы. Перейдя в наступление, они 30 января 1915 г. вступили в Тебриз, и османские войска вынуждены были отступить.

Сарыкамышское поражение обострило вопрос о защите границ Османской империи, в связи с чем группировка под командованием Карабекир бея 10 января 1915 г. двинулась не в Иран, а в направлении Диярбекир-Битлис и перешла под командование 3-й армии. Халил бей также передал командование полковому командиру Бекиру Сами бею, а сам отправился в Улукашлы на встречу с Энвер-пашой¹⁶. 24 января Карабекир бей также передал командование и отправился в Ирак. Таким образом, обе группировки были расформированы, не достигнув поставленных перед ними целей.

Халил бей, вернувшийся вместе с Энвер-пашой в Стамбул из Улукашлы, 26 января 1915 г. был назначен командующим Первого экспедиционного корпуса, созданного на базе прежней группы войск, которой он командовал. Движущемуся в направлении Диярбекира Первому экспедиционному корпусу было приказано идти в направлении Мосула. Прибывший 26 мая в Мосул Халил бей принял командование на себя. Этот корпус был более организованным, чем предыдущие группировки, возглавляемые Халил беом и Карабекир беом. Энвер-паша приказал Халил бею «двигаться из Мосула в Тебриз и выбить русских из Тебриза»¹⁷. В телеграмме послу Османского государства в Тегеране Асим бею, отправленной 11 марта, Халил бей уведомил, что основной его задачей будет нанесение поражения русской армии в Южном Азербайджане, а затем прибытие в Тегеран и заботы о спасении Ирана¹⁸. Посол, в свою очередь, сообщал Халил бею данные разведки о размещении, численности и движении русских войск в Южном Азербайджане¹⁹. 22 апреля 1915 г. армия под командованием Халил бея вступила в Урмию²⁰. В честь этого события в османском консульстве был устроен торжественный прием²¹. В распоряжение Халил бея был передан также отряд жандармерии из Вана²².

Первое столкновение корпуса с русскими войсками произошло 28—29 апреля к югу от Дильмана на Шоргельских высотах. Под натиском турок русские отряды были вынуждены отступить. В бою Первый экспедиционный корпус потерял 3 офицеров, 78 солдат убитыми, 4 офицеров и 271 солдата ранеными²³. Однако 1 мая в битве при Дильмане русские добились превосходства, и Халил бей отступил. Турки понесли в этом сражении ощутимые потери: 15 офицеров и 438 солдат убитыми, 28 офицеров и 1172 солдата ранеными. Без вести пропало 370 солдат²⁴.

Параллельно с движением русских войск в направлении Вана здесь было поднято восстание армян. Турецкое командование не могло

отправить в этот район подкрепление, так как 3-я армия преграждала путь русским войскам в Эрзуруме. Учитывая опасность, нависшую над Ваном, Халил бей 5 мая обратился к Энвер-паше, выразив свое намерение отправиться туда, подавить восстание, а затем вместе с силами, находящимися в Ване, двинуться в направлении Хоя. В очередной телеграмме от 6 мая, сообщая о состоявшейся встрече с представителями племени шахсевен, прибывшими из Тебриза, он писал Энвер-паше, что если Тебриз окажется в руках турок, то русские войска никогда не смогут войти в Иран, и появится возможность с территории Ирана овладеть Северным Кавказом ²⁵.

Однако Энвер-паша считал неприемлемым дробление сил корпуса, о чем и сообщил в ответной телеграмме Халил бею, уведомив его, что из Эрзурума в Ван отправлены войска, а корпус должен заниматься выполнением своей непосредственной задачи ²⁶. Османское военное командование считало приоритетным захват Южного Азербайджана, что имело особое стратегическое значение для установления связи с Северным Азербайджаном.

Однако 11 мая Халил бей направил телеграмму Энвер-паше, в которой говорилось, что турецкие силы не имеют возможности наступать в направлении Дильмана, в связи с чем командующий отправляется в Ван. Ответная телеграмма Энвер-паши гласила, что Халил бею предоставляется право самостоятельно выбрать направление удара.

12 мая армия Халил бея начала отступление из Шоргеля, достигнув 20 июня Битлиса, и здесь перешла в распоряжение 3-й армии. Отступление Первого экспедиционного корпуса завершилось захватом русскими войсками Вана в ночь с 16 на 17 мая.

Теперь главной задачей 3-й армии являлось освобождение Вана. Однако Энвер паша все еще не отказался от мысли направить войска в Южный Азербайджан, а оттуда — на Кавказ для того, чтобы поднять мусульманское население против России. Об этом он писал турецкому послу в Тегеране 4 июня 1915 г., отмечая, что после изгнания русских из Вана и подавления там армянского мятежа турецкая армия с новыми силами приступит к осуществлению своей миссии в Южном Азербайджане ²⁷.

В результате крупного наступления 22 июля 1915 г., после 12 дней кровопролитных боев, 3-й армии удалось отвоевать Ван и принудить русскую армию отступить за османскую границу. Однако в августе турки не смогли устоять перед ее натиском и, понеся крупные потери, отступили. Ван вновь перешел в руки русских, которые весной-летом 1915 г. смогли также овладеть Алашкертом, Каракильсе, Баязитом, Малазгиртом и Ахлатом.

Наряду с этим русская армия заняла Салмас, Урмию и Савуджбулаг ²⁸, тем самым добившись полного превосходства и в Южном Азербайджане. Все это помешало реализации планов Османского государства в отношении Азербайджана.

В то же время османское военное командование не отказалось от планов организации антироссийских мятежей среди мусульман Кавказа, но для их реализации стали использовать другие средства.

Вопрос о восстании обсуждался во время поездки в Турцию одного из деятелей азербайджанского национального движения Ами-

раслан хана Хойского, выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета, тайно перешедшего линию фронта. На переговорах с германским консулом в Эрзуруме А. Хойский заявил, что на Кавказе 500 тыс. чел. готовы выступить против России, и что для этого Германия должна гарантировать независимость Кавказа, отправить туда своих офицеров, а турки — помочь войсками²⁹. По заверениям Хойского, в руках готовых восстать против России людей имелось достаточное количество оружия и боеприпасов.

Итогом переговоров стало обещание, что в случае успешного завершения восстания кавказских мусульман против России и победы германо-османского блока в войне, Кавказу будет предоставлена независимость. Согласно подготовленному в ходе переговоров плану восстания, его должны были начать две группы: группе «А» предписывалось, двигаясь через Шушу в Нуху, разрушить железнодорожный мост к югу от Халдана, соединиться близ Елизаветполя с отрядами повстанцев и, захватив Елизаветполь, продолжить движение в направлении Тифлиса и Владикавказа; группа «В», двигаясь в сторону Баку, должна была захватить его и предотвратить продвижение русской армии, находившейся в Дербенте. В задачу же османских войск, стоявших на границе, входило максимальное отвлечение сил русской армии с тем, чтобы создать благоприятные условия для мобилизации и вооружения восставших³⁰.

Однако в этот период османы не обладали такими ресурсами, чтобы отвлекать русскую армию на Кавказском фронте, ибо после поражения при Сарыкамыше 3-я армия продолжала получать серьезные удары со стороны противника. В связи с этим выполнение данной миссии, на которой настаивал Хойский, оказалось невозможным. Кроме того немцы с некоторым сомнением относились к словам Хойского о том, что против России готовы подняться сотни тысяч хорошо вооруженных мусульман. В военно-политических кругах Германии и Османской империи были и те, кто характеризовал его, как несерьезного и безответственного человека. После череды поражений турецкой армии, начавшихся с первых месяцев 1915 г., связь с кавказскими мусульманами прервалась, в результате чего было невозможно удостовериться в правдивости утверждения о желании мусульман выступить против России. Отсутствие же другого представителя региона, кроме Хойского, с кем можно было бы наладить связь, усиливало данные сомнения³¹.

В рассматриваемый период правительство Германии также интересовалось планами восстания кавказских народов против России, параллельно с этим, придавая особое значение уничтожению нефтяных хранилищ в Баку, дезорганизации работы железных дорог и морского сообщения по Каспию. Представитель политического отдела германского генштаба Надольный в 1916 г. указывал на следующие основные задачи, которые стояли перед главой германской миссии по Кавказу при консульстве в Эрзуруме графом Ф.В. Шуленбургом:

а) путем организации диверсий дезорганизовать работу железных дорог на Северном Кавказе, в районе проживания черкесов и чеченцев, а также на линии Ростов — Дербент;

б) с помощью диверсий дезорганизовать работу морского транспорта на Каспийском море, в районе проживания азербайджанцев и

дагестанцев, а также уничтожить хранилища с нефтью в Баку для нарушения систематической работы железных дорог Баку — Тифлис, Баку — Дербент, Тифлис — Джульфа;

в) нарушить движение русских кораблей по Чёрному морю в районе проживания грузин, а также работу железной дороги Батум — Тифлис³².

Особое значение германцы придавали уничтожению бакинских нефтяных промыслов, имевших жизненно важное значение для экономики России. С этой целью в германское консульство в Эрзуруме были направлены нефтяной инженер Пауль Шварц, помощник консула Шойбнер Рихтер, агент Луис Мозель и Виктор Питшман, командированный для обучения турецких солдат передвижению на лыжах. Все они были снабжены особыми инструкциями по уничтожению нефтяных промыслов³³. Служивший в те годы германский офицер Пауль Леверкун в своих воспоминаниях писал по поводу планов относительно разрушения промыслов и коммуникаций: «... одним из источников сырья России была бакинская нефть. Нашей целью являлась организация разрушений в этом регионе, осложнение путем диверсий функционирования мостов и железных дорог. К тому же от этого зависели успех или неудача турецкого наступления здесь, и наша задача имела военное и политическое значение. В особенности в обязанности Шойбнера входило перерезать нефтепровод, тянувшийся из Баку в Тифлис, Батум и к Чёрному морю. Для обеспечения этого успеха ему необходимо было пройти через Северный Иран или же найти другие маршруты для реализации плана»³⁴.

На встрече в Эрзуруме с Хойским Шуленбург поднял вопрос о разрушении бакинских нефтяных промыслов. Однако Хойский выступил против, заявив, что нефть является источником дохода азербайджанцев и что народ не желает нанесения какого-либо вреда промыслам, тем более, что они надежно защищены³⁵. У немцев существовал также план бомбардировки Бакинского нефтяного района со стороны иранского порта Энзели. Однако поражение османской армии и ее отступление из Южного Азербайджана, как и на Кавказском фронте, сделало невозможным решение этих задач.

«Ташкилати-махсуса» в марте-апреле 1915 г. разрабатывала также план разрушения нефтяных хранилищ, железнодорожного моста Баку — Петровск, а также других мостов³⁶. В связи с подготовкой данных акций велась обширная переписка, судя по которой планировалось выделение значительных финансовых средств и взрывчатых веществ (динамита)³⁷. Однако и этот план остался на бумаге.

На организацию восстания народов Кавказа против России германское правительство направило на первых порах 5 млн марок. Из этой суммы 50 тыс. марок предусматривались на покупку подарков для национальных лидеров и видных деятелей, готовивших восстание, 3 378 900 марок — на финансовую поддержку повстанцев и другие непредвиденные расходы. До февраля 1916 г. руководителю германской военной миссии на Кавказе Шуленбургу был отправлен 1 158 000 марок³⁸.

Германская военная миссия, полагая необходимым наладить связь с кавказскими мусульманами, выдвинула идею осуществлять ее че-

рез Южный Азербайджан, где не было крупных военных сил России. С этой целью были сформированы два небольших батальона из числа отборных солдат 3-й турецкой армии. Одним из батальонов командовал Омар Наджи бей, имевший в своем распоряжении 500 всадников и одну горную пушку, другим — помощник германского консула в Эрзуруме Шойбнер Рихтер, у которого было 100 всадников, одна горная пушка, 30 добровольцев и 5 немецких офицеров ³⁹.

В конце сентября 1915 г. батальоны Омара Наджи и Шойбнера выступили из Эрзурума в направлении Битлиса — Башкалы — Урмии. Однако достигнув Битлиса, они обнаружили крупное соединение русской армии к югу от озера Ван, после чего сменили маршрут, решив двигаться на Мосул, а оттуда — на Южный Азербайджан. В Мосуле оба батальона, по приказу командующего 6-й турецкой армии генерала Кольмара фон дер Гольца, были брошены на подавление восстания арабских племен в районе Мидьят-Джизра. Шойбнер, считая этот мятеж внутренним делом Османского государства, отказался вмешиваться и вместе с другими немецкими офицерами остался в Мосуле. В результате 130 чел., входивших в отряд Шойбнера, были переданы в распоряжение Омара Наджи, который сначала занялся подавлением мятежа и только 21 ноября 1915 г. двинулся в сторону Южного Азербайджана.

В начале 1916 г. Шойбнер при поддержке Халил бея сформировал новый батальон из числа солдат 6-й турецкой армии и курдских племен, задача которого оставалась той же: наладить связь с мусульманами Кавказа через территорию Южного Азербайджана и способствовать их восстанию против России. Несмотря на ряд столкновений, которые произошли в феврале-мае 1916 г. между этим батальоном и русскими войсками, Шойбнеру не удалось прорвать позиции русской армии и вторгнуться в Южный Азербайджан.

В ноябре 1915 г. Хойский прибыл из Стамбула в Эрзурум, где встретился с Шуленбургом. Он уведомил главу германской миссии, что у него уже есть на руках гарантия, данная германским послом в Стамбуле Вангенгеймом, о признании Германией независимости народов Восточного Кавказа. Хойский также сообщил, что российское правительство, в отличие от предыдущих лет, приступило к призыву мусульман на военную службу, что привело к недовольству тех из них, которые не желали служить в русской армии. Таким образом, по мнению Хойского, наступило подходящее время для выступления кавказских мусульман, обладавших достаточным количеством оружия и боеприпасов, против России. Он уведомил графа о намерении вскоре отправиться в Баку и поднять восстание, не дожидаясь грузин и османских военных частей. Хотя Хойский собирался ехать в Баку по дороге Багдад — Тегеран — Энзели, в Эрзуруме он неожиданно изменил свое решение и заявил, что вынужден отправиться в Амасью, оттуда — в Мосул, а затем — в Баку. Хойский объяснил это тем, что ему надо встретиться в Амасье с эмигрировавшими сюда пятью религиозными лидерами, от которых он должен получить письма, призывающие мусульман подняться против России ⁴⁰.

После прибытия Хойского в Мосул он был назначен командующим добровольческими конными отрядами, формируемыми здесь

османским правительством ⁴¹. Эти отряды были присоединены к батальону Омара Наджи. Данное назначение вызвало настороженность у немцев, посчитавших, что Хойский попал под влияние Омара Наджи и действует в интересах пантюркистов. К тому же определенная медлительность Хойского и отсутствие у него особого рвения в делах породили у немцев опасения, что он является «русским агентом, проникшим на Кавказский фронт». Луиз Мозель называл Хойского «мошенником», а Шойбнер Рихтер характеризовал его, как «мошенника и пантюркиста, попавшего под влияние иттихадистов». С недоверием к Хойскому относились также командующий 6-й армией генерал Гольц и сам Шуленбург. В то же время Шуленбург в своих телеграммах в Берлин отмечал необходимость использовать Хойского: «... Важно поднять там (на Кавказе. — *В.Г.*) мятеж, чтобы ударить русским в спину. Не важно, кто его поднимет — независимые татары (азербайджанцы. — *В.Г.*) или татары — сторонники Турции» ⁴².

Батальон Омара Наджи, в который влился Хойский, принял участие в походе мосульской группировки османской армии, завершившимся 26—28 декабря 1915 г. взятием Совуджбулага. После этого командующий мосульской группировкой Хейдар бей намеревался двигаться в сторону Сине-Кирманшаха, в связи с чем военные силы в Совуджбулаге были переданы в распоряжение Омара Наджи. Однако этих сил оказалось недостаточно. В результате атаки русских войск 21 января 1916 г. Совуджбулаг пал, и турки отступили. Омар Наджи потерял 5 солдат убитыми и 35 ранеными, 60 воинов погибли от холода ⁴³. После этого поражения Омар Наджи отправил телеграмму командованию 6-й армии, в которой сообщал о невозможности достичь успеха в направлении Южного Азербайджана, учитывая малочисленность турецких войск и превосходство сил русских. Он просил передать в его распоряжение 1000 хорошо вооруженных и обученных солдат ⁴⁴. Однако командование 6-й армии, учитывая тяжелое положение на Иракском фронте, отказалось отправлять войска.

Омар Наджи довел численность своего батальона до 5 тыс. чел. за счет местных добровольцев. Весной 1916 г. он вступил в мелкие стычки с русскими войсками в Совуджбулаге, Песве и Сулдузе, а 8 апреля даже вновь овладел Совуджбулагом. Однако из-за растущего натиска русских и нехватки собственных сил он не смог удержать эти земли и отступил. Все эти поражения не дали Омару Наджи возможности продвинуться к центру Южного Азербайджана — Тебризу, а оттуда отправиться на Кавказ.

Во всех походах и боях в Южном Азербайджане Хойский был всегда рядом с Омаром Наджи. Однако, как видно из архивных документов, с конца января 1916 г. в отношениях между командующим мосульской группировкой османской армии и одновременно губернатором Мосула Хейдар беем и Хойским возникла напряженность, и губернатор даже издал приказ об аресте Хойского. Переписка по этому поводу дошла до сведения османского правительства и германского посольства в Стамбуле.

Немцы планировали использовать для организации антироссийского мятежа некоего Махмуда Агабея, уроженца Кавказа, взятого в плен на германо-российском фронте. Согласно плану, М. Агабей дол-

жен был отправиться в Стамбул, где получить необходимые указания, а затем возвратиться в Германию. Позже, в ходе обмена пленными, его предусматривалось перебросить в качестве агента на территорию России. На Кавказе на Агабея возлагалась миссия по организации волнений среди местного населения ⁴⁵. Об этом плане был проинформирован Энвер-паша посредством турецкого посольства в Берлине ⁴⁶. Однако Агабей, не доехав до Стамбула, сумел через Румынию сбежать в Россию. Таким образом, и этот план Германии закончился безрезультатно.

В истории с Агабеем прослеживается причина напряженности, возникшей между Хейдар беем и Хойским. Дело в том, что когда Министерство иностранных дел Турции сообщало Министерству внутренних дел о побеге Агабея через Румынию в Россию, оно отмечало, что, по данным германского посольства в Вене, этот человек постоянно упоминал о родстве с неким Хойским. В связи с этим внешнеполитическое ведомство предупреждало о необходимости держать под пристальным вниманием находящегося в Мосуле Хойского ⁴⁷. На основе этого обращения, 2 марта 1916 г. МВД Турции запросило у Главного полицейского управления Стамбула и губернатора Мосула сведения об этом человеке ⁴⁸.

Главное полицейское управление Стамбула уведомило об отсутствии у них подобных данных ⁴⁹. В телеграмме же мосульского губернатора Хейдар бея говорилось следующее: «Назначенный по рекомендации Омара Наджи бея командующим конными соединениями Амираслан хан недостойно выполнял возложенные на него обязанности во время обороны Совуджбулага, препятствуя пленению и уничтожению русских. Из-за некомпетентности и высокомерия он был освобожден Омаром Наджи беем и отправлен в Сулдуз, где ему была предоставлена должность командующего данного региона. Однако и здесь, несмотря на имеющиеся в его распоряжении многочисленные добровольческие силы, он избежал сражений с русскими, способствуя тем самым упадку духа у местных жителей, а также уничтожению населения в Сулдузе и Лахиджане. Он отказался исполнять распоряжение нового командующего Эдхам бея, в связи с чем был издан приказ об аресте Амираслан хана и доставке его в Мосул... Ему удалось вновь бежать к Омару Наджи бею. Если он прибудет туда, то будет арестован» ⁵⁰.

Данная информация, предоставленная мосульским губернатором, была доведена до сведения верховного командования и МИД Османской империи ⁵¹. Несмотря на серьезные обвинения, выдвинутые против Хойского, а также приказ о его аресте, ход событий свидетельствует, что его неприкосновенность была обеспечена человеком, который отвечал в «Ташкилати-махсуса» за Иран и Кавказ, — Омаром Наджи беем. В дни битвы под Совуджбулагом, 31 января 1916 г., Хойский обратился с телеграммой в германское посольство в Стамбуле и к новому начальнику «Ташкилати-махсуса» Али Башхампу, в которой изложил свою версию инцидента с губернатором Мосула. По его словам, он прибыл из Совуджбулага в Раэт для получения бумаги от германского правительства, но ему было предписано подчиниться приказу Эдхам бея — родственника мосульского губернатора Хейдар бея. Отказ выполнить это предписание вызвал приказ о его аресте.

Хойский просил помешать осуществлению этой меры и обеспечить его безопасность⁵². Как видно из этого обращения, Хойский пытался скрыть свои ошибки и причастность к поражениям в Совуджбулаге, Сулдузе и Лахиджане, а также показать, что приказ о его аресте вызван отказом выполнить предписания Хейдар бей и Эдхам бей, не связанные с выполнением его миссии.

Поведение Хойского и конфликт с мосульским губернатором окончательно подорвали его авторитет в глазах германского посольства в Стамбуле. По настоянию немцев в мае 1916 г. он был арестован. Правда, арест длился недолго, вскоре он был отпущен на свободу⁵³. 31 июля 1916 г. от тифа скончался Омар Наджи бей. Его батальон был передан во временное командование Хойскому и присоединен к 8-му корпусу. Хойский отбыл в Стамбул.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что организация восстания мусульман Кавказа против России и использование его в своих целях являлось официальной политикой Османского государства. На первом этапе данный план осуществляло Кавказское революционное общество, а все приказы, инструкции по данному вопросу отдавались непосредственно Энвер-пашой. Неточная информация, которую предоставляла «Ташкилати-махсуса» о готовности кавказских мусульман к мятежу, порождала у Энвер-паши уверенность в успехе данного предприятия, и он надеялся, что именно посредством этой политики России будет нанесен наибольший урон на Кавказе.

План поднятия кавказских мусульман на восстание против России и успехи войск, отправленных во имя этой цели, были связаны с Сарыкамышской операцией. Согласно расчетам османского командования, после победы под Сарыкамышем русские должны были быть полностью выбиты с Кавказа, благодаря восстанию местных народов, а Османское государство обрести контроль над регионом. Однако поражение в Сарыкамышской битве полностью перечеркнуло эти планы.

После этой неудачи была сделана попытка организовать восстание на Кавказе при помощи Хойского. Военно-политические круги Германии и Османского государства намеревались путем предоставления кавказским мусульманам гарантии независимости добиться от них выступления против России, а также намеревались уничтожить бакинские нефтяные промыслы и устроить другие диверсии. Эти планы предусматривали вторжение в Северный Азербайджан с территории Ирана, однако ввиду поражения, нанесенного русскими войсками турецко-германским силам и добровольческим отрядам, также завершились провалом.

Следует заметить, что все попытки спровоцировать выступления мусульман Кавказа против России должны характеризоваться не только как политика Османского государства, но и как составная часть кавказской политики Германии, ибо для немцев путь, ведущий на Кавказ, проходил через Стамбул. В связи с этим Германия с начала войны и вплоть до Брест-Литовского мира вела свою кавказскую политику совместно и с помощью Османского государства. До начала 1915 г. немцы допускали первенство Османского государства во всех действиях, связанных с Кавказом. После Сарыкамышской битвы они пытались максимально использовать поддержку народов Кавказа в

борьбе с Россией, а также отдавали предпочтение непосредственному участию в событиях, происходивших в регионе.

За полтора столетия, предшествовавших первой мировой войне, Османская империя терпела частые поражения от России, теряя не только территории на Кавказе, но и свой авторитет среди населения. Этот фактор сыграл важную роль в том, что Османское государство не смогло воспользоваться помощью мусульман Кавказа в войне против России.

Примечания

1. Главное управление османских архивов (BOA), DH.ŞFR, No. 443/77, v. 1—2.
2. Центральный архив Генерального штаба, военной истории и стратегического анализа Турецкой Республики (ATASE), BDH, K. 246, D. 1022, F. 1—13, 1—13a.
3. STANFORD J. Shaw. Birinci Dünya Savaşı'nda Osmanlı İmparatorluğu. Birinci Cilt. Savaşa Giriş. Tercüme: Beyza Sümer Aytaş. Ankara. 2014, s. 375—376.
4. ATASE, BDH, K. 276, D. 705/1022, F. 1—60.
5. Ibid., K. 246, D. 1022, F. 1—29; K. 249, D. 1036, F. 1—9.
6. BOA, DH.ŞFR, No. 443/26.
7. BAYUR Y.H. Türk İnkılabı İarihi. C. III. 1914—1918 Genel Savaşı. K. I. Ankara. 1991, s. 355.
8. Birinci Dünya Harbinde Türk Harbi. Kafkas Cebhesi. 3. Ordu Harekatı. C. II. Ankara. 1993, s. 424.
9. ATASE, BDH, K. 17, D. 819/83, F. 3; SABİS A.İ. Birinci Dünya Harbi. Harp Hatıralarım. C. II. İstanbul. 1991, s. 255; HALİL PAŞA. İttihat ve Terakki'den Cumhuriyet'e Bitmeyen Savaş. Hazırlayan: Taylan Sorgun. İstanbul. 1997, s. 136—137; POMIANKOWSKI J. Osmanlı İmparatorluğu'nun Çöküşü. "1914—1918. I Dünya Savaşı". Çeviren: Kamal Turan. İstanbul. 1990, s. 131—132.
10. ATASE, BDH, K. 17, D. 819/83, F. 3.
11. Ibid., F. 3—1.
12. BAYUR Y.H. Op. cit., s. 386.
13. BOA, HR.SFR.(20) 123/14.
14. BAYUR Y.H. Op. cit., s. 386.
15. SWIETOCZOWSKI T. Müslüman Cemaat'ten Ulusal Kimliğe Rus Azerbaycanı 1905—1920. İstanbul. 1988, s. 113—114.
16. HALİL PAŞA. İttihat ve Terakki'den Cumhuriyet'e Bitmeyen Savaş, s. 137—138.
17. POMIANKOWSKI J. Op. cit., s. 131.
18. BOA, HR.SFR. (20) 122/6, v. 39.
19. Ibid., v. 13, 15.
20. Ibid., v. 18.
21. Ibidem.
22. ATASE, BDH, K. 23, D. 35/108, F. 53-1.
23. Ibid., K. 17, D. 819/83, F. 8.
24. Ibidem.
25. BAYUR Y.H. Op. cit., s. 3.
26. Ibid., s. 4.
27. BOA, HR.SFR. (20) 122/6, v. 30.
28. Ibid., v. 10.
29. ÇOLAK M. Alman İmparatorluğu'nun Doğu Siyaseti Çerçevesinde Kafkasya Politikası (1914—1918). Ankara. 2006, s. 75.
30. Ibid., s. 75—76.
31. QAFAROV V. Türkiyə-Rusiya münasibətlərində Azərbaycan məsələsi (1917—1922). Bakı. 2011, s. 48—49.
32. BIHL W. Die Kaukasus Politik der Mittelmächte. Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914—1917. T. I. Wien-Köln-Graz. 1975, p. 70; ÇOLAK M. Op. cit., s. 71.

33. BIHL W. Op.cit., t. I, p. 65—67.
34. LEVERKUEHN P. Sonsuz Nöbette Görev.Çeviren: Zakiye Hasançebi. İstanbul. 1998, s. 18.
35. ÇOLAK M. Op. cit., s. 86.
36. ATASE, BDH, K. 250D. 1040, F. 9; BOA, HR.SFR (20), No. 124/33, v. 1.
37. BOA, HR.SFR (20), No. 124/33, v. 4, 2, 6, 7, 9, 10.
38. BIHL W. Op. cit., t. I, p. 69.
39. ÇOLAK M. Op. cit., s. 78, 138.
40. Ibid., s. 79—80.
41. BIHL W. Op. cit., t. I, p. 71.
42. ÇOLAK M. Op. cit., s. 78—79.
43. SARISAMAN S. Ömer Naci Bey Müfrezesi. Ankara Üniversitesi Türk İnkılap Tarihi Enstitüsü Dergisi. Ankara. 1997, Sayı 16, s. 507—508.
44. ATASE, BDH, K. 197, D. 7/830, F. 2—2.
45. BOA, DH.EUM. 2.Şb., No. 19/15, v. 6.
46. Ibidem.
47. Ibid., v. 7
48. Ibid., v. 8; BOA, DH.EUM.2.Şb., No. 19/15, v. 3.
49. BOA, DH.EUM.2.Şb., No. 18/41.
50. Ibid., No. 19/15, v. 4—5; BOA, DH.ŞFR, No. 511/141, 512/28, v. 2.
51. BOA, DH.EUM.2.Şb., No. 19/15, v. 1—2.
52. BIHL W. Op. cit., t. I, p. 71—72.
53. ATASE, BDH, K. 3825, D. 30, F. 1—2:1—13.

Двуединая революция

С.В. Холяев

Аннотация. В работе рассматривается влияние на политические процессы, происходившие в России начала XX в., двух ведущих оппозиционных сил — либералов и умеренных социалистов. Несмотря на разделявшие их разногласия, деятельность обоих этих направлений обусловила торжество Русской революции. Но действия либералов и умеренных социалистов, соответственно предопределивших успех Февраля и последующее развитие революции, вели к трагическим для России последствиям, не исключавшим полного исчезновения страны с географической карты. Разрушительный этап революции был прерван приходом большевиков к власти в Октябре. Хотя большевики являлись радикальнейшей революционной партией, в условиях хаоса 1917 г. объективно им пришлось сыграть контрреволюционную роль и предотвратить распад российского государства.

Ключевые слова: 1917 год, Великая Русская революция, война, Николай II, либералы, умеренные социалисты, большевики.

Abstract. The article discusses the influence on the political processes that took place in Russia in the early XX century, the two leading opposition forces, liberals and moderate socialists. Despite the differences dividing them, the work of both these areas has led to the triumph of the Russian revolution. But the actions of liberals and moderate socialists, respectively, behind the success of February and the subsequent development of the revolution, led to tragic consequences for Russia, not excluding complete disappearance of the country from the map. The destructive phase of the revolution was interrupted by the arrival of the Bolsheviks to power in October. Although the Bolsheviks were the most radical revolutionary party, in the chaos of 1917 objectively they had to play a counterrevolutionary role and prevent the collapse of the Russian state.

Key words: 1917, the Great Russian revolution, war, Nicholas II, the liberals, moderate socialists, the bolsheviks.

Несмотря на 100-летний юбилей революции 1917 г., ее значимость для русской истории остается недооцененной. Разумеется, публикации на эту тему появляются в отечественной периодике, но она остается в тени другого события — первой мировой войны¹. Между тем, оценить результаты участия России в мировой войне без скрупулез-

Холяев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного технического университета. E-mail: hollyaevsv@ystu.ru.

Kholyaev Sergey V. — candidate of historical sciences, associate professor of the Yaroslavl State Technical University. E-mail: hollyaevsv@ystu.ru.

ного анализа революции 1917 г. невозможно. Два предрассудка, доминирующие в общественном сознании, мешают понять глубину и сложность процессов начала XX века. Первый связан с убеждением, что главный виновник срыва страны в революцию — император Николай II, не удержавший власть в условиях военного времени². Вторым фактором, помешавшим России победно завершить войну (и сохранить демократический режим в стране), якобы, явилась деятельность большевиков³.

Критика личных качеств императора оставляет в тени действия либеральной оппозиции, воспользовавшейся одной из наиболее кровопролитных войн в мировой истории для организации внутреннего «штурма власти». А главное — затушевывает последствия их неприемлемой борьбы с императорской Россией. Еще более однобоко выглядит отношение к большевикам, зачастую признающимися едва ли не единственной из враждебных самодержавию сил, ответственной за разрушение территориальной целостности империи и развал российской императорской армии, а, следовательно, и за позорный выход России из войны⁴.

Для объективного анализа революционных событий необходимо проследить политику сил, противостоявших императору Николаю II и большевикам. На первом этапе — организационной подготовки революции — это были либеральные партии. На этапе ее дальнейшего развертывания — умеренные социалисты, прежде всего, эсеры.

Революционные события 1917 г. стали возможны вследствие глубинного кризиса главного российского сословия, дворянства, переставшего к началу XX в. ощущать себя организованным целым. И дело было не в том, что, по меткому выражению В.В. Шульгина, дворянство перестало отряжать достойных представителей на защиту престола⁵. Намного опаснее было то, что энергия базовых дворянских групп направлялась на недопущение необходимых государству реформ или вовсе на открытое противодействие существовавшему в России политическому режиму⁶.

В начале века преобладавшими в дворянской среде стали два проекта — радикальный и консервативный — выражавшие глубокое неудовлетворение сложившейся ситуацией. Радикальный проект существовал уже почти в течение века. Интеллигенция, как особая социальная группа, выделилась из дворянской среды во второй четверти XIX столетия. Ее формирование началось под влиянием разгрома декабристов. Первоначально это были не более одной-двух сотен человек, но к 1917 г. численность интеллигенции возросла до нескольких процентов населения⁷. И по социальному составу к тому времени она уже не являлась чисто дворянской, активно вбирая в себя разночинцев, которые, получая высшее образование и пополняя интеллигентский состав, отрывались от интересов слоев, к которым ранее принадлежали, — крестьян и мещан⁸.

Впрочем, это не соответствовало реальным потребностям радикальной дворянской группировки. Будучи злостным критиком самодержавного режима, интеллигенция мечтала о налаживании доверительных отношений с угнетенными сословиями. Дворянские революционеры надеялись возглавить протест широких народных масс при ликвидации самодержавия. Однако их революционный проект не

получил поддержки в народе, где, как было написано в статье М.О. Гершензона, опубликованной в сборнике «Вехи», к интеллигенции отнеслись отрицательно⁹. При этом в российских верхах ближе к 1917 г. сложилось мнение, что в случае серьезного кризиса переход на сторону дворянских «якобинцев» не будет зазорным¹⁰.

В свою очередь, дворянский консерватизм на протяжении XIX в. упорно старался сохранить «обычай старины». И в 1905 г. под руководством консерваторов возникло несколько организаций правого толка, самым успешным из которых оказался Союз русского народа¹¹.

Столкновения интеллигенции, оформившейся в либеральные партии, с черносотенцами являлись обыденным явлением для императорской России начала XX века. Среди либеральных партий, в первую очередь, следует отметить конституционно-демократическую партию, а также Союз 17 октября, изначально пытавшийся лавировать между крайностями кадетского интеллигентского и черносотенного доктринерств. Однако поскольку достичь диалога с правыми охранителями у октябристов не получилось, по мере обострения ситуации в стране они эволюционировали в сторону классического российского либерализма¹².

Более радикальная часть интеллигенции приступила к формированию социалистических партий. На интеллигентской платформе сформировались радикальнейшие партии будущей революции: социал-демократы, разделившиеся на меньшевиков и большевиков, и социалисты-революционеры¹³.

Эти партии, нацеленные на структурирование принципиально иной действительности в виде республики, создавали непосредственную угрозу обоим флангам российского дворянства, и, казалось бы, для отстаивания элитарных интересов не было ничего проще, чем объединение консерваторов с либералами. Но в реальности их сближение на позитивной основе, с целью проведения конструктивных реформ, было принципиально недостижимо. Консерваторов и либералов разъединял XIX в., прошедший в горячих спорах о судьбе крепостного права. Консерваторы и либералы, видевшие друг в друге врагов, ни о чем существенном договориться не могли. Их объединение было возможно лишь на почве критики власти. К началу 1917 г. подобное объединение состоялось, но ни к чему хорошему оно не привело. Их консенсус предопределил поражение императорской России¹⁴.

Символом сопротивления царской власти стала Государственная дума. Через нее действовала центральная часть оппозиции, возглавляемая центристским крылом кадетской партии во главе с П.Н. Милюковым, критиковавшая правительство с думской трибуны. Эта группа внесла главный вклад в свержение монархии. Остро критикуя власть, она подготавливала народ к мысли о неизбежности революционных потрясений. Народ склонялся к мнению, что во главе государства находятся предатели, и только их устранение прекратит народные бедствия¹⁵.

Другие либеральные группировки были менее терпеливы. Наиболее активной была партия прогрессистов. Самая левая либеральная фракция, в ноябре 1916 г. вышедшая из Прогрессивного блока, устами своего руководителя А.И. Коновалова требовала от Государствен-

ной думы полного разрыва с режимом. Прогрессисты стремились, воздействуя на кадетов, заставить их действовать решительнее. «Если уже применять военные термины, — отмечал другой представитель партии И.Н. Ефремов, — то про нас можно сказать, что мы не подчинились дисциплине, не дождались приказа слишком осторожного вождя, а составили партизанский отряд и вышли на передовые позиции, надеясь увлечь за собой всю армию»¹⁶. Не отягченные ответственностью за выбор стратегического курса, они выступали с думской трибуны предельно жестко. «Мы должны сказать, что пришло время выбора; или мы или правительство; интересы страны или сохранение у них их портфелей»¹⁷.

Но наибольшую активность в преддверии Февраля развили праволиберальные силы, в первоначальный период деятельности, при премьерстве П.А. Столыпина, проявлявшие максимальную лояльность по отношению к власти — правые кадеты и октябристы. Их центром был А.И. Гучков. Уже в первые дни войны, когда многие утверждали о наступившем «национальном единении», Гучков был настроен критично. «В самые тяжелые минуты наших поражений... не испытывали мы того глупого чувства стыда за Россию, какие испытываем теперь»¹⁸.

Силы, сплотившиеся вокруг Гучкова, были настроены лично против императора, вследствие чего Гучков превзошел Милюкова по степени непримиримости¹⁹. Гучковцы критически оценивали действия депутатов, провоцировавших открытые акты народного неповиновения²⁰. Единственным благоприятным вариантом отстранения императора Гучков полагал дворцовый переворот, предотвращающий народные потрясения. Для оппозиции ее переход на сторону Гучкова, прежде видевшего себя в роли спасителя монархии, был особенно важен, поскольку он являлся одним из немногих лиц, способных на решительные действия. Так оценивала Гучкова и противоположная сторона. Сотрудники правоохранительных структур осознавали, что благодаря Гучкову оппозиция готова вступить на путь реальной борьбы. «Во всяком случае, независимо от того, насколько подобного рода затея может удалась — самый факт попыток и замыслов... определенно свидетельствует о неуклонно назревшем решении оппозиции поставить точки над “i” и выступить на путь открытой борьбы с ныне существующим Правительством и установленным законами образом правления»²¹.

Несмотря на усиливавшиеся разногласия, все группировки либеральной оппозиции объединяла готовность добиваться устранения самодержавного режима. Возникает резонный вопрос: почему либеральная оппозиция вступила в конфликт во время войны? Она объясняла свои действия тем, что правительство стремилось к заключению сепаратного мира и не хотело продолжать войну²². Так, например, С.Ю. Порохов утверждает, что в начале 1917 г. у англичан могло возникнуть впечатление, что такие переговоры уже начаты при посредничестве шведов²³.

Сочувственно относилась к такому подходу и советская историография. Однако существовал и критичный взгляд, отрицавший желание царского правительства заключить мир с Германией. В вышедшей в 1967 г. монографии В.С. Дякин утверждал, что наиболее информированные лица союзных государств, послы Великобритании и

Франции Д. Бьюкенен и М. Палеолог, были осведомлены об отрицательном отношении к сепаратному миру Николая II и Александры Фёдоровны. В январе-феврале 1917 г. Палеолог сообщал в Париж, что «отношение к войне — это единственное в чем Николай согласен с оппозицией»²⁴.

В апреле 1917 г. секретная записка французского Министерства иностранных дел объявила легендой кадетскую версию о том, что главная цель смены власти в феврале 1917 г. заключалась в предотвращении пресловутого сепаратного мира с Германией²⁵.

Утверждения оппозиционеров о неспособности правительства продолжать войну также не соответствовали действительности. За год, прошедший с лета 1915 г., когда император возглавил армию, оно добилось существенных успехов на фронте, начав в декабре 1916 г., совместно с союзниками, подготовку к весеннему наступлению²⁶. На совещании в Ставке командующий Юго-Западным фронтом А.А. Брусилов резюмировал итоги проводившегося 17—18 декабря совещания: «Войну надо кончить в 1917 году»²⁷.

Успехи стали возможны благодаря многократному увеличению снабжения армии. Об этом депутатов Государственной думы информировали 4 ноября 1916 г. военный министр Д.С. Шуваев и морской — И.К. Григорович²⁸.

Внутри своего круга, в частной переписке, депутаты нередко сообщали об истинном положении дел на фронте. Будущий министр Временного правительства А.И. Шингарёв в начале 1917 г. в письме В.В. Шульгину подтверждал информацию Шуваева. «Наше весеннее наступление будет поддержано невиданным количеством снарядов». Что касается Шульгина, входившего в Особое совещание по обороне, его оценка потенциальной готовности к наступлению была гораздо категоричней. «Весной, по-видимому, начнется всеобщее наступление, и есть все шансы, что оно будет удачным. Если это так, то тогда вообще все спасено, можно хоть прогнать Государственную думу»²⁹.

Внешней причиной возвращения либералов от провозглашенной летом 1914 г. политики «национального единения» к оппозиционной деятельности стали серьезные поражения на фронтах. Но «великое отступление» было фоном, а не причиной кризиса. У либералов в годы войны возникла доктрина, что их приход к власти возможен лишь в военный период, и успешное завершение войны правительством означает провал их замыслов. Но, поскольку объяснять стремление к власти исключительно наличием честолюбивых амбиций было нельзя, переход в оппозицию обосновывался стремлением перехватить бразды правления у бессильного правительства, желавшего завершить военные действия³⁰.

Либералы вступили в конфликт с правительством в наиболее сложный момент войны, когда поражение России казалось реальностью. Их противодействие императору не способствовало возрождению военного могущества страны. По запоздалым признаниям самого Миллюкова, приход либералов к власти по определению откладывал победу. Правительственный курс был успешнее. «Мы знали, что на войне переворот во всяком случае отразится неблагоприятно». И все же поскольку общая победа союзников над Германией сомнений не вызы-

вала, либералы, по словам кадетского лидера, были готовы заплатить за свержение царя «временной отсрочкой победы»³¹.

Либералов все меньше интересовало, как обеспечить победу в войне, и волновала цель смены власти по ходу еще не завершившейся войны³². Оппозиционеры не производили впечатления фанатиков, готовых вырвать бразды правления ценой собственного поражения. Напротив, их активное поведение свидетельствовало о четком понимании, что страна в военно-техническом отношении развивается правильным путем — Россия не находится на грани поражения в войне³³.

Либералы активно разоблачали военно-техническую беспомощность правительства, и дать событиям развиваться своим чередом, позволив Николаю II провести означенное наступление, значило для них признаться в обмане. Допускать этого они не хотели³⁴. Поэтому либералы стремились к отстранению императора накануне возобновления активных операций на фронте: все плоды победы лидеры оппозиции намеревались приписать себе.

Противоречия, возникшие внутри России, усиливали потенциал влияния на общероссийскую политику союзников России по Антанте. В публицистической литературе высказывается предположение, что Великобритания и Франция, вплотную подойдя к скорейшему завершению войны в 1917 г., сознательно решили вывести Россию из войны, причем способом, затягивавшим ее на год-полтора. Для окончательного выбывания России и Германии из круга великих держав, они, якобы, были готовы пожертвовать жизнями собственных солдат³⁵. На самом деле растягивание войны на полтора года в планы союзников не входило. Их настрой был оптимистичен. Русский представитель К.Д. Набоков доносил из Лондона в дни работы Петроградской конференции о необычном интервью французским журналистам британского главнокомандующего Д. Хэга. Генерал сделал целый ряд заявлений, смысл которых сводился к тому, что на Западном фронте будет без малейшего сомнения достигнута полная победа. «Мы будем бить немцев до полного уничтожения их армии»³⁶.

Предметом споров между союзными государствами являлись черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, обещанные Великобританией и Францией в 1915 г. России в случае победного завершения войны. Гарантом перехода проливов к России являлся Николай II, отказать которому англичане не могли. Вместе с тем, в британской прессе преобладало мнение, что передавать России проливы не следует, поскольку, добившись усиления по итогам войны, Россия разрушит систему европейского равновесия и займет доминирующее положение в Европе³⁷. Выход виделся в смещении Николая II до окончания военных действий.

Царская Россия с 1915 г. осознавала неизбежность углубления противоречий на завершающем этапе войны. Царское распоряжение о максимальном усилении боевого снабжения к моменту возможного после разгрома Германии нового военного противостояния — уже с бывшим союзником — относилось к маю 1915 года. Тогда было принято решение о строительстве 4-го ружейного и 2-го сталелитейного заводов, а через год — 4-го завода взрывчатых веществ в Уфе.

Эти заводы требовались на «время выработки условий мирного договора»³⁸.

В начале 1917 г. союзники стояли перед непростым выбором. С одной стороны, хотелось быстрее закончить войну — и царское правительство было способно это сделать. А с другой стороны, иметь после войны дело с Россией, яростно отстаивавшей на послевоенной конференции национальные интересы, тоже не хотелось: пришлось бы отдавать восточному союзнику проливы. Парадоксальным образом революция стала возможной вследствие успешной деятельности власти. Если бы ситуация была критической, дипломатический корпус союзников предпринял бы все меры к умиротворению российской власти и либеральной оппозиции. Но им представлялось, что смена одного человека не сорвет реализацию уже разработанных планов, при этом приход либералов к власти ослабит внешнеполитические позиции России³⁹. Союзники давали понять оппозиционерам, что симпатии Запада всецело на их стороне. Единственным условием отстранения императора провозглашалось требование сохранения стабильности в стране, готовность оставаться надежными союзниками в войне⁴⁰.

В отечественной историографии сложилось терпимое отношение к действиям либеральной оппозиции. Считается, что они не посягали на монархию, как политическую систему, а стремились отстранить от власти некое физическое лицо, причем слабое и малодеспособное⁴¹. Но ситуация складывалась так, что именно это «малодеспособное» лицо оказывалось гарантом независимого состояния страны. В феврале 1917 г. на целых восемь месяцев Россия потеряла право самостоятельного определения своих интересов. Важно и то, что при удаче переворота сторонников Гучкова никакого отличия от Февраля также не возникло бы. Правительство при любом ином царе попадало в сильную зависимость от Запада. По сути, на рубеже 1916—1917 гг. решался вопрос о государственном суверенитете России: силы, поддерживавшие Николая II, защищали независимость и территориальную целостность страны.

В феврале 1917 г. революция началась стихийно и неожиданно для основных акторов. Ее не ожидали ни российская оппозиция, ни союзники России по Антанте. Базовые политические силы в предфевральские дни были уверены — на принятие важных решений у них еще остается временной запас. В 20-х числах февраля в распоряжении сил, заинтересованных в государственном перевороте, оставалось около полутора месяцев. Волнения были допустимы только до начала весеннего наступления. Переворот, планировавшийся Гучковым, ожидался через месяц — к концу марта⁴².

Утверждение о закономерности совпадения отъезда Николая II в Ставку в конце февраля с началом народных волнений в столице приобретает сегодня большую популярность. Отъезда императора, якобы, ожидали в качестве некоего сигнала для начала восстания⁴³. Близкой точки зрения придерживался и бывший начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачёв⁴⁴.

На наш взгляд, это было не так. Либералы слишком долго готовились к захвату власти, и если бы события развивались по их сценарию, они наверняка заняли бы ключевые государственные посты.

Главными бенефициарами Февраля оказались социалисты, чью волю выражал Петроградский Совет, обретший наиболее сильные полномочия. Либералы, увидевшие в февральские дни, что реальная власть ускользает от них, не сумели перестроиться и отказаться от главного мотива, определявшего их предыдущую деятельность: ненависть к самодержавию и лично к императору ⁴⁵.

Когда либералы формировали Временное правительство, отношения различных партий и группировок, составлявших либеральный лагерь, характеризовала атмосфера раздоров. Хотя Дума выступала фактором, сплачивавшим разношерстную оппозицию (под ее знамя к борьбе с царским правительством присоединялись сторонники более правых, консервативных групп), ее реальная роль постепенно снижалась. А, значит, выступить объединителем различных группировок и создать на этой основе новую прочную власть Дума объективно не могла. Ее фактически отстранили от процесса комплектования правительства, несмотря на то, что она являлась органом, именем которого либералы более 10 лет вели борьбу за власть ⁴⁶.

По завершении февральского переворота, положившего начало Великой Октябрьской революции, прекратили деятельность ведущие либеральные партии — Союз 17 октября (октябристы) и прогрессистская партия. Единственной либеральной партией, вошедшей в революцию, оставались кадеты ⁴⁷. Но и они не обрели большинства в составе нового правительства. Лишь три кадета, не считая Н.В. Некрасова, стали членами образованного Февралем правительства: П.Н. Милюков, А.И. Шингарёв и А.А. Мануйлов ⁴⁸.

Таким образом, оппозиционные партии, возглавлявшие противоборство с самодержавием, оказались несостоятельны в качестве создателей нового общественного порядка. Правительство перешло под контроль кругов, находившихся перед 1917 г. на обочине партийной элиты или входивших во внепартийные общественные объединения. Определенную роль в отстранении Государственной думы от рычагов управления сыграл и Милюков, полагавший, что полностью контролирует процедуру формирования правительства. Милюкову Государственная дума представлялась враждебной, а ее председатель, М.В. Родзянко, виделся главным препятствием на пути к власти — более серьезной угрозой, чем социалисты ⁴⁹.

Характерно, что главный конфликт революции, раскол центральной власти с регионами, произошел тогда, когда властные структуры на обоих уровнях возглавлялись приверженцами одного лагеря — либерального. Правительство в лице председателя, кн. Г.Е. Львова, издало распоряжение о назначении председателей губернских и уездных земских управ главами соответствующих территорий — комиссарами. А кадеты в ряде губерний, включая Ярославскую, отказались выполнить первый приказ правительства, заявив, что уже успели создать соответствующую власть ⁵⁰. В результате протеста назначение глав на региональном и местном уровне перешло к КОБам — главным органам на местах. Отныне комиссары попадали к ним в полную зависимость, и те, будучи главными органами на местах, оставались вне контроля правительства. Это вело к губернизации России, распаду страны на отдельные губернии. Правительство теряло малейшее влияние на местную жизнь ⁵¹.

Было бы неправильно утверждать, что этот процесс предопределил возникшую в ходе революции опасность территориального распада страны. Во многих регионах, в частности, в Верхнем Поволжье, объединявшем Владимирскую, Костромскую и Ярославскую губернии, где местная власть была столь же слабой, не наблюдалось никаких признаков сепаратизма. Но сложившиеся отношения мешали центральному правительству бороться с регионами, нацеленными на выход из российского государства, и облегчали задачу сепаратистам.

Продолжавшиеся в либеральном лагере недомолвки сильно вредили обеим сторонам. Кадетская партия, теряя популярность в народе, оставалась единственной организацией, сохранявшей по всей стране сеть партийных структур, которые могли пригодиться правительству, поссорившемуся с губернскими органами власти. Конституционно-демократическая партия не имела оснований рассчитывать на овладение революционной стихией, сопротивление напору, исходившему от социалистов на провинциальном, губернско-уездном уровне. И все же ее устранение ослабляло позиции либерального лагеря ⁵².

Создавшееся в первые два месяца революции положение, ограниченные полномочия первого, либерального, состава Временного правительства, позволили потом либералам утверждать, что причиной их поражения явилась не собственная деятельность, а вмешательство в стратегию либеральной оппозиции эсеров и меньшевиков ⁵³.

Надо отметить: в определенной мере либералам повезло, что они не успели провести намечавшийся ими захват власти в виде дворцового переворота. Если бы он состоялся, они оказались бы у власти, хотя конфликт с широкими народными массами, характерный для восьми революционных месяцев 1917 г., не стал бы менее острым. Либералам пришлось бы в полной мере испытать недовольство народа чисто либеральной властью. И довод, что умеренные социалисты сорвали благородные замыслы либералов, сработать уже никак не смог бы. Стало бы понятно, проблемы, возникшие в ходе революции, связаны с действиями либералов, а не третьих сил.

Тем не менее, политика меньшевиков и, особенно, эсеров существенно влияла на ход революции. Весь период с февраля по октябрь для страны была типична атмосфера острой и непримиримой, и при этом мелочной и непринципиальной борьбы. Ее основными зачинщиками выступали именно эсеры. Такое их поведение одна из кадетских газет назвала «партийной иступленностью» ⁵⁴. Эта борьба была вредной для страны: полностью расшатывала местную власть и сеяла в народе семена ненависти. Эсеры закладывали в народ, впервые самостоятельно вышедший на сцену истории, большие социальные ожидания, ничего не говоря о возможных в дальнейшем трудностях.

Негативно оценивается роль умеренных социалистов в рукописи Г.А. Ландау «Противоречия революционной демократии». Член кадетского ЦК писал, что в лице эсеров и меньшевиков революционная демократия не сумела возглавить стихию народной смуты. Желая реализовать социалистическую программу, они делали дело, которого не понимали, и готовили события, которых не предвидели ⁵⁵.

Главная сложность в положении эсеров заключалась в том, что со стороны складывалось впечатление уверенного вхождения партии в центральное правительство. В июле 1917 г. формальный член партии

А.Ф. Керенский стал главой Временного правительства. Однако он не имел никакого отношения к организационным партийным структурам и скорее отдалял партию от центральной власти. В повседневной деятельности он ориентировался на группу министров-львовцев, с которыми работал в первом составе правительства.

Оторванность Керенского от партии стала для эсеров во многом роковой. Правительство, отказавшись контактировать с эсерами, ослабило позиции партии, которая, захватив почти всю местную и региональную власть, так и не обрела контроля над ним. Поэтому эсеры одной из причин своего поражения считали политику Керенского, и после Октября отказались от всяких контактов с ним ⁵⁶.

У социалистов-революционеров, руководивших большинством государственных учреждений на региональном уровне, существовало немало других возможностей для усиления влияния на общеполитические процессы. Для этого было достаточно скоординировать действия подконтрольных им организаций. Но никакой координации не произошло. Каждый орган действовал сам по себе, и партия не пыталась использовать этот потенциал. Нередко доходило до того, что органы, в которых были представлены эсеры, начинали конфликтовать между собой.

Сегодня устоялась точка зрения, согласно которой большевики были предателями, а эсеры и меньшевики — оборонцами и потому патриотами ⁵⁷. Но позицию умеренных социалистов в вопросе о войне трудно назвать патриотической. Эсеры ничем не облегчили страдания народа, Россия продолжала участвовать в войне. В то же время эсеровская доктрина делала эти страдания бессмысленными, поскольку эсеры считали, что России надо отказаться от получения в качестве компенсации за понесенные потери каких-либо территорий и денежных вознаграждений. Мир без аннексий и контрибуций в условиях 1917 г. означал односторонний отказ страны от вознаграждения, поскольку союзники отказываться от него не собирались ⁵⁸.

Политика эсеров вызывала одобрение Великобритании. О желании установления более тесных отношений с социалистами Д. Бьюкенен писал Д. Ллойд-Джорджу в марте 1917 года ⁵⁹. Причем эсеры действовали на их стороне еще в дореволюционный период, обвиняя царское правительство в том, что оно территориальными претензиями на «германское наследство» в Турции вносит серьезные осложнения в межсоюзнические отношения. Трудовая Россия, утверждали эсеры в декларации, составленной в Лондоне, не имеет великодержавных претензий ⁶⁰.

Одной из главных идей, выдвинутых умеренными социалистами в ходе революции, стала мысль о необходимости проведения в Стокгольме международной социалистической конференции ⁶¹. Союзники, поняв выгоду от предложения российских социалистов, позволявшего сохранить проливы, заявили о согласии на проведение в Стокгольме конференции стран, входивших в Антанту, с категорическим запретом участия в ней социалистов Четверного блока ⁶². Заключить мир, о котором мечтали эсеры и меньшевики, конференция не могла даже теоретически.

Шумиха вокруг Стокгольмской конференции преследовала выполнение важной тактической задачи — устранения с политической

сцены прежнего фаворита Запада, министра иностранных дел Миллюкова. Бьюкенен был уверен: конференция не повредит британским интересам, в отличие от деятельности «правых российских экстремистов», к категории которых посол относил недавнего протеже, продолжавшего настаивать на передаче проливов России по итогам завершившейся войны ⁶³.

С отставкой Миллюкова интерес британцев к конференции стремительно упал. А активность социалистов, настаивавших на максимально быстром созыве международного форума, начинала входить в противоречие с представлениями союзников. На заседании фракции эсеров в Петроградском Совете раздавались опасные для англичан призывы к миру ⁶⁴. Приходило время ставить на место российских умеренных социалистов. Воспользовавшись информацией о негативном отношении Временного правительства к Стокгольмской конференции, правительства союзных стран фактически отказались от ее проведения ⁶⁵.

Неожиданно эсеры и меньшевики, недавние противники войны, проявили наибольшую заинтересованность в организации наступления. Новым обладателям власти захотелось доказать критикам справа (либералам и консерваторам), что они в состоянии умело распорядиться властными полномочиями ⁶⁶. Будучи романтиками, они помнили историю французской революции: им грезилось повторение «чуда Вальми», где молодая революционная армия разгромила обученные войска интервентов ⁶⁷. Однако они не учитывали принципиальное различие данных ситуаций. Французская армия состояла из крестьян, получивших дворянскую землю, а русские крестьяне в серых шинелях ее еще не получили и воевать за непонятные для них интересы не желали.

Февраль стал непреодолимым препятствием для дальнейшего продолжения войны. Основную долю вины за военные неудачи 1917 г., на наш взгляд, несут не большевики, а силы, пришедшие к власти в февральско-мартовские дни — либералы и умеренные социалисты. Они не справились с неожиданным для них неповиновением солдат. «Самодержавие солдата» для февральских властей оказалось страшнее «самодержавия царя». Весь ход военной кампании в условиях революции предопределялся солдатскими настроениями. Несколько революционных месяцев разительно изменили облик армии, проводившей три года в войне. Теперь она представляла большую угрозу не для врага, а для собственного населения. Воевать такая армия была уже не способна ⁶⁸.

Для эсеров и меньшевиков, будь они действительными интернационалистами, было бы намного лучше свести к минимуму участие России в войне: отказавшись от наступательных операций, ограничиться поддержанием обороны и приступить к поиску путей мирного выхода из войны. К пониманию оптимальности данного поведения пришли профессиональные военные, в частности, новый Верховный главнокомандующий М.В. Алексеев. Он призывал армию не предпринимать «решительной, широкого масштаба операции» ⁶⁹. Тем более, в отличие от весеннего наступления, готовившегося в предреволюционный период, наступление при Временном правительстве не несло большой пользы, представляя изолированный от союзников

удар, легко отбивающийся немцами при помощи подкреплений, посланных с Западного фронта.

Впрочем, польза имитации наступления для западных союзников сомнений не вызвала. В этом и заключался для них смысл продолжения войны на Восточном фронте. В результате революционных событий Россия теряла самостоятельное значение и переставала быть независимой силой. Это главное последствие революции.

Революция в России, начавшаяся в феврале 1917 г., обуславливалась в первую очередь недовольством российской оппозиции — либеральной и умеренно-социалистической. Их действия и явились ее первопричиной. Но это недовольство искусно подогревалось западными союзниками. В дофевральский период официальные лица союзных России государств и, прежде всего, посольства, активно поддерживали либеральные партии, Государственную думу и общественные организации, а в послефевральские дни перешли к поддержке более радикальных умеренных социалистов. Работа с каждым из направлений проводилась тщательно, и как только их намерения несли потенциальную угрозу союзническим планам, эта деятельность решительно пресекалась. Наблюдавшееся внутри России противостояние оппозиционеров по партийным разделительным линиям, мешавшее работать им на благо страны и, в конечном счете, приведшее к столь трагическому ходу революции, соответствовало намерениям и замыслам союзников, способствуя ослаблению российского государства. Политика сил, находившихся по разные стороны Февраля, то есть либералов и умеренных социалистов, объективно являлась развитием курса, необходимого для срыва российской государственности и превращения России в марионеточное, зависимое от Запада государство. Это была двуединая революция, которая могла состояться только в синтезе действий обеих этих групп. Первый ее этап, приведший к Февралю, предопределили либералы, а этап дальнейшего углубления революции, продолживший ухудшение положения России, направляли эсеры и меньшевики.

Революция развивалась в катастрофическом направлении, но трагедия 1917 г. произошла еще до Октября. Осенью 1917 г. Россия являла картину уже не разрозненных губерний, как весной, а конгломерат отдельных уездов, а то и вовсе волостей. Каждый уезд, волость выглядели отдельным государством⁷⁰.

На наш взгляд, в либералах и умеренных социалистах нельзя видеть жертв приводивших извне обстоятельств, они были активными творцами собственных неудач, тогда как действия большевиков хотя и носили внешне анархический характер, выходя вооруженным мятежом против законной власти, в действительности были началом восстановления порядка. Действиями не разрушительными, а созидательными. Большевики делали то, чего не сумела сделать прежняя власть: восстанавливали единство центральной и региональной властей.

Русская революция имела принципиальные особенности, отличавшие ее от Великих революций, происходивших в Западной Европе. Великие английская революция XVII в. и французская революция XVIII в. не ставили под сомнение целостность государств. Борьба в них велась за политический режим и не грозила распадом страны.

Мятежи, сотрясавшие Вандею, направлялись на решение лишь одной задачи — восстановление монархии ⁷¹. К тому же стремились и участники начавшейся в 1790-х гг. интервенции. Никто из противников Франции не стремился к отторжению принадлежавших ей изначально территорий. Даже в 1814 г., накануне поражения, Наполеону предлагали сохранение французских границ, соответствовавших началу революции ⁷².

В России, как впрочем, и в целом по Восточной Европе, конфликты всегда шли дальше политики и сопровождались территориальными изменениями. При серьезных трансформациях находилось немало желающих воспользоваться сломом стабильности, чтобы обрести независимость или перейти в более сильное государство. А потому неизбежным следствием восточноевропейских революций являлись перемещения границ. При обострении отношений внутри этих стран межнациональная борьба приводила к многочисленным жертвам. Так развивались события в Венгрии (1848 г.), где восставшие венгры подвергали уничтожению чехов и словаков, отказавшихся оставаться в ставшем временно независимым венгерском государстве ⁷³.

Весь ход русской революции вел к серьезным территориальным потерям или полному исчезновению России с географической карты. Россия сохранилась в основных границах и отстояла независимость вследствие перехода власти к большевикам. Большевики, бесспорно, принадлежали к радикальнейшим силам, но технологически Октябрь 1917 г. оказался контрреволюционным переворотом, прервавшим разрушительный этап революции ⁷⁴.

Разрушение государства началось с первых февральско-мартовских дней революции, когда Временное правительство отказалось признать губернские комитеты общественной безопасности (КОБы) главными правительственными органами на местах и отказало им в финансировании из центра. Правительство потеряло тогда возможность минимального контроля над процессами, происходившими в провинции. Вследствие этого распад государствообразующих основ принял стремительный характер. А остановлен он был после того, как большевики сумели, одновременно с получением центральной власти, подчинить себе ключевые губернские структуры. Впервые после Февраля большевистское правительство, Совет народных комиссаров, получило поддержку губернских властей в лице Советов рабочих и солдатских депутатов, к которым перешла власть на уровне регионов ⁷⁵.

Большевики постепенно становились страстными сторонниками централизации. Они видели в Советах местные правительственные органы, неукоснительно выполняющие директивы центра, а не своевольные структуры, претендующие на независимость и отстаивающие интересы местного населения. Россия находилась в глубоком кризисе, и для выхода из него требовалась сильная власть ⁷⁶.

Обе главные политические силы Февраля, либералы и умеренные социалисты, проводили политику, противоречащую интересам российского государства, и победа большевиков, прервав распад России, остановила разрушительные процессы, начатые Февралем.

1. В большинстве публикуемых сейчас статей революция рассматривается не как самостоятельный объект изучения, а как побочное следствие первой мировой войны. См. ЖУРАВЛЁВ В.В. Первая мировая война в человеческом измерении: власть и общество. — Россия XXI. 2014, № 2, с. 62—95; ФРОЛКИН П.П., МАРУЦКИЙ Э.С., ШИШКИН Д.П. Отношение общества и политических партий к политике царизма в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской губернии). — Власть. 2014, № 6, с. 150—153; ШИЛОВ В.В. Патриотизм в начале Первой мировой войны и сегодня (на примере Пермского края). — Власть. 2015, № 1, с. 78—82. Одной из самых известных публикаций, посвященных влиянию войны на революцию, остается статья А.И. Солженицына «Размышления над Февральской революцией». Центральным историографическим событием в преддверии 100-летия Февраля стал выход в 2014 г. завершающего третьего тома «Февральская революция» издания «Первая мировая война и конец Российской империи», обобщившего достижения российской исторической науки в области изучения революционных событий 1917 года (СПб., 432 с.). Хотя и здесь революция традиционно попадает в тень войны.
2. ИГНАТЬЕВ А.В. Последний царь и внешняя политика. — Вопросы истории. 2001, № 6, с. 21; ЮДИН Е.Е. Император Николай II в восприятии русской аристократии. 1894—1914 гг. — Там же. 2014, № 3, с. 127—128.
3. КАНИН В.Г. Прозрение. 1917 год в истории России. М. 2004; ЦИПКО А.С. Насилие лжи, или как заблудился призрак. М. 1990.
4. АРУТЮНОВ Г.А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М. 1999, с. 6, 7, 9.
5. ШУЛЬГИН В.В. Дни. 1920. М. 1989, с. 112.
6. СОЛОВЬЁВ Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. Л. 1990, с. 47—49.
7. ШЕВЧЕНКО М.М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М. 2003, с. 200—201; МИРОНОВ Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М. 2010, с. 645, 646—647, 663.
8. ШИРИНЯНЦ А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М. 2011, с. 116—117, 126.
9. ГЕРШЕНЗОН М.О. Творческое самосознание. Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. Репринтное воспроизведение издания 1909 года. М. 1990, с. 88—89.
10. ПАВЛОВ С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1900—1907. М. 2008, с. 348—349.
11. СТЕПАНОВ С.А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М. 1992, с. 12.
12. ВИШНЕВСКИ Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М. 1994, с. 127; ДЁМИН В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906—1917. М. 2006, с. 103.
13. НЕФЁДОВ С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург. 2005, с. 334—335.
14. БИБИН М.А. Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск. 2000, с. 233—234.
15. СМИРНОВ А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906—1917 гг.: Историко-правовой очерк. М. 1998, с. 515.
16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2003, оп. 1, д. 1742, л. 4об.
17. Там же.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 555, оп. 1, д. 696, л. 1об.
19. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М. 1993, с. 16.
20. ГА РФ, ф. Р-5868, оп. 1, д. 117, л. 1—2.
21. Там же, ф. 111, оп. 5, д. 669, л. 115об. —116.
22. Там же, ф. 892, оп. 1, д. 67, л. 2—3.
23. ПОРОХОВ С.Ю. Битва империй: Англия против России. М. 2008, с. 194—195.
24. ДЯКИН В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л. 1967, с. 284.

25. ВАСЮКОВ В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 гг. М. 1989, с. 287.
26. РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 1017, л. 34об, 36об.
27. Там же, л. 167об.
28. Государственная дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М. 1995, с. 76—77.
29. ВАСЮКОВ В.С. Ук. соч., с. 283.
30. ГАЙДА Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 гг.). М. 2003, с. 230—231.
31. ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 6392, л. 1.
32. КУЛИКОВ С.В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе февральской революции. — Российская история. 2012, № 1, с. 70.
33. ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 6392, л. 1—1об.
34. АЙРАПЕТОВ О.Г. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907—1917. М. 2003, с. 215, 219—220.
35. СТАРИКОВ Н.В. Разгадка «русской» революции. М. 2008, с. 30—31.
36. РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1888, л. 96.
37. ГРУШИНА В.Ю. Позиции Великобритании и России по вопросу военных целей в период первой мировой войны (август 1914 — декабрь 1916 г.). Дисс. канд. ист. наук. Томск. 2002, л. 92.
38. Военная промышленность в России начала XX в. (1900—1917). Сб. документов. М. 2004, с. 22—23.
39. БОХАНОВ А.Н. Николай II. М. 1997, с. 373.
40. ГА РФ, ф. 111, оп. 5, д. 664, л. 88об. — 89об.
41. АЛЕКСЕЕВА И.В. Русская буржуазная оппозиция и союзники накануне Февральской революции (конец 1916 — начало 1917 г.). — Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Сб. научных трудов. Л. 1989, с. 258.
42. Александр Иванович Гучков рассказывает..., с. 17, 24.
43. НИКОНОВ В.А. Крушение России. 1917. М. 2011, с. 601—606; ШИРОКОРАД А.Б. Англия. Ни войны, ни мира. М. 2009, с. 313.
44. ГЛОБАЧЕВ К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. — Вопросы истории. 2002, № 9, с. 61.
45. СТАРЦЕВ В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л. 1980, с. 35.
46. ГАЙДА Ф.А. Февральская революция и судьба Государственной думы. — Вопросы истории. 1998, № 2, с. 35—36, 41.
47. ДУМОВА Н.Г. Кончилось ваше время. М. 1990, с. 35—36.
48. НИКОЛАЕВСКИЙ Б.И. Русские масоны и революция. М. 1996, с. 166.
49. СУХАНОВ Н.Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 1—2. М. 1991, с. 152.
50. ГА РФ, ф. 1788, оп. 2, д. 107, л. 20; Голос (Ярославль). 1917, 8, 16 марта.
51. ГЕРАСИМЕНКО Г.А. Земское самоуправление в России. М. 1990, с. 70.
52. ДУМОВА Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М. 1988, с. 165.
53. ГА РФ, ф. 523, оп. 2, д. 28, л. 2—3.
54. Голос (Ярославль). 1917, 22 июля.
55. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 274, оп. 1, д. 39, л. 97—98.
56. ЧЕРНОВ В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905—1920. М. 2007, с. 374—375.
57. КОСТЯЕВ Э.В. Худой мир лучше доброй ссоры. Оборонческий альянс Г.В. Плеханова и А.Н. Потресова в годы Первой мировой войны. — Россия XXI. 2013, № 6, с. 165—166.
58. Европейское социалистическое движение. 1914—1917: разрубить или развязать узлы? М. 1994, с. 58—59, 60.
59. ПУЧЕНКОВА Л.Ю. Деятельность британских дипломатических представительств в России в 1917 году. Дисс. канд. ист. наук. СПб. 2005, л. 65.
60. ГА РФ, ф. Р-5847, оп. 1, д. 113, л. 37—37об.

61. СОЛОМОН Г.А. Среди красных вождей. М. 1995, с. 483—484, 487.
62. ИГНАТЬЕВ А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М. 1966, с. 210—211.
63. УОРТ Р. Антанта и русская революция. 1917—1918. М. 2006, с. 87.
64. РГАСПИ, ф. 274, оп. 1, д. 13, л. 139.
65. УОРТ Р. Ук. соч., с. 101.
66. ИОФФЕ Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М. 1989, с. 63.
67. КАРЛЕЙЛЬ Т. История Французской революции. М. 1991, с. 398—399.
68. ФЕДЮК В.П. Керенский. М. 2009, с. 170.
69. ГОЛОВИН Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М. 2006, с. 461.
70. Народная свобода (Кострома). 1917, 24 сентября.
71. КАРЛЕЙЛЬ Т. Ук. соч., с. 442.
72. Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн. М. 2012, с. 222.
73. МЫЛЬНИКОВ А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания XVIII—XIX вв. СПб. 1997, с. 113, 162, 163.
74. ГРАЦИОЗИ А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933. М. 2001, с. 14, 15, 34.
75. Государственный архив Ярославской области (ГА ЯО), ф. Р-180, оп. 1, д. 149а, л. 288.
76. Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии. Сб. документов (март 1917 — сентябрь 1918 гг.). Кострома. 1957, с. 271—272.

О понятии «способ производства»

В.В. АНИКИН

Аннотация. В работе доказывается, что понятие «способ производства» употреблялось в советской исторической науке не в том смысле, который вкладывал в него К. Маркс, и что возвращение этому понятию первоначального значения научно оправдано.

Ключевые слова: К. Маркс, способ производства, способ эксплуатации, прибавочный продукт.

Abstract. The work argues that the concept of “mode of production” was used in the Soviet historical science not in the sense by its author K. Marx and that the return to its original values is justified.

Key words: K. Marx, mode of production, mode of exploitation, surplus product.

Советская историческая наука подразделяла всемирную историю на формации, соответствующие определенным способам производства. Такой подход рассматривался как воплощение идей, изложенных в монографии К. Маркса «К критике политической экономии» (1859). Соответствующий отрывок этой работы выглядит так: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности,

Аникин Владимир Васильевич — историк. E-mail: anikin220551@yandex.ru.

Anikin Vladimir V. — historian. E-mail: anikin220551@yandex.ru.

внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»¹. Других определений понятия «способ производства» у Маркса нет, как нет у него и законченных определений конкретных способов производства.

Марксизм допускался в СССР только в ленинском варианте. Подразделение всемирно-исторического процесса на эпохи присутствует только в одной работе В.И. Ленина — лекции «О государстве», прочитанной им в 1919 г. и опубликованной в 1929 году. В качестве основных исторических типов социального устройства в ней выделены бесклассовое первобытное общество, рабовладельческий строй, крепостничество и капитализм (преодолеваемый начавшейся социалистической революцией)². Если способы производства, указанные Марксом, отчасти могут быть истолкованы как специфические для отдельных частей человечества, то схема исторического развития, предложенная Лениным, имела явно универсальный характер: о рабовладении в излагаемой лекции сказано, что период его господства «прошло громадное большинство народов», о крепостничестве — что вначале оно исчезло в Западной Европе. Принцип выделения исторических эпох у Ленина вполне очевиден — по господствующему типу эксплуатации (или по признаку ее отсутствия).

В работе И.В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» (1938) ход исторического развития был в основном представлен по схеме Ленина (с переименованием «крепостничества» в «феодализм»), но типы общественной организации, соответствующие основным подразделениям всемирной истории, были обозначены как способы производства³ (в лекции «О государстве» этого термина нет).

Представив способы производства как выражения основных исторических типов эксплуатации трудящихся (или их свободы от эксплуатации), Сталин выразил общую точку зрения советских обществоведов, причем не только своего времени, но и последующих десятилетий. Хотя и до становления культа личности Сталина, и после преодоления этой аномалии советские ученые много спорили о способах производства, речь при этом шла не о коренном смысле этого понятия, а о более конкретных вопросах. Наибольшие сомнения вызывал вытекавший из пятичленного состава способов производства (первобытность — рабовладение — феодализм — капитализм — социализм) отказ от понятия «азиатский способ производства». Употребляя это выражение, советские авторы имели в виду тип общественных отношений, при котором главные эксплуататоры — чиновники, а главная форма эксплуатации — налоги. Те советские историки, которые доказывали реальность подобных общественных организмов, либо оперировали отдельными и не всегда убедительными примерами⁴, либо пользовались материалами из жизни очень архаичных, почти первобытных народов⁵. Основная же масса фактов социальной истории древнего и средневекового Востока неоспоримо доказывала,

что господствующую группу населения здесь составляли крупные собственники, а чиновники представляли собой одно целое с их средой⁶. То, что концепция азиатского способа производства была не вполне приемлема для советского общества идеологически, так как этот способ производства мог ассоциироваться с социализмом, препятствовало ее популяризации, но не ее научному обсуждению. Результаты подобного обсуждения при отождествлении азиатского способа производства с налоговой формой эксплуатации не давали оснований для пересмотра устоявшейся схемы. А правомерность такого отождествления не оспаривали ни противники данной концепции, ни ее сторонники.

Равным образом, никто не оспаривал и то представление, что основное в античном способе производства — рабство, в феодальном — барщинно-оброчная эксплуатация, в буржуазном — наемный труд. Представление, что классовые способы производства отличаются друг от друга только или почти только приемами эксплуатации трудящихся, стало таким привычным, что приобрело значение аксиомы. В действительности оно вызывает ряд сомнений.

Во-первых, способы эксплуатации легко переплетаются друг с другом и переходят из одного в другой. Так, в Северной Америке XVIII в. сосуществовали абсолютное рабство негров, кабальная служба сервентов, эксплуатация фермеров-арендаторов лендлордами и наемный труд. Подобных примеров можно привести великое множество. И наоборот, найти общество с одной-единственной формой эксплуатации едва ли возможно.

Во-вторых, принудительный труд выгоден только там, где не требуется квалификация. Поэтому в обрабатывающей промышленности и в добуржуазную эпоху преобладали отношения, основанные на личном труде или свободном найме. Называя добуржуазные общества рабовладельческими или феодальными (в смысле барщинно-оброчных отношений), мы тем самым принимаем их экономические системы усеченно — за вычетом самых совершенных частей.

В-третьих, одни и те же формы эксплуатации в разных условиях ведут к разным последствиям. Например, чукотские тойоны начала XX в. весьма широко применяли наемный труд, но это не делало их буржуазными предпринимателями. Добыча каучука в Амазонии велась в ту же эпоху на основе самого примитивного рабства индейцев, но была при этом важной частью мировой капиталистической экономики.

В-четвертых, рост эксплуатации труда имеет узкие физиологические границы. Поэтому совершенствование любого способа производства идет, в первую очередь, за счет разного рода экономических и технических инноваций. А здесь главную роль играют люди, имеющие право принятия самостоятельных решений, то есть хозяева производства.

В-пятых, если центральным звеном любого способа производства является некоторая система эксплуатации, то и главное содержание любой революции должно заключаться в разрушении этой системы. Но переход от античности к средневековью не сопровождался значительными восстаниями рабов. А в революциях XVII—XIX вв. крестьяне обычно выступали вне основного революционного про-

цесса, а иногда и присоединялись к контрреволюционерам (кроме Вандеи, здесь можно вспомнить и карлистские войны, и неаполитанский «бандитизм» 60-х гг. XIX века).

Все сказанное провоцирует вопрос: правильно ли мы понимаем К. Маркса? Действительно ли выделенные им способы производства — это способы эксплуатации?

Поскольку речь идет о буржуазном способе производства, ответ может быть только отрицательным. Что буржуазный способ производства — еще не капитализм, ясно без особых изысканий. Действительно, представим себе общество трудящихся, сполна наделенных средствами производства, связанных друг с другом и с внешним миром только через рынок и свободно распоряжающихся своей собственностью (во времена Маркса именно такую картину представляли собой многие североамериканские штаты). Такое общество явит собой идеал буржуазности, но капиталистическая эксплуатация разовьется в нем только тогда, когда конкуренция разорит основную часть его членов. Капитализм — не синоним буржуазного способа производства, а его плод. Замечательно, что характеристика буржуазного общества, данная в работе Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство», вообще не содержит в себе понятий «капитал» и «наемный труд» — о буржуазном обществе здесь сказано только то, что это «общество промышленности, всеобщей конкуренции, свободно преследующих свои цели частных интересов, анархии, самоотчужденной природной и духовной индивидуальности»⁷. Все перечисленные качества — проявления неограниченной частной собственности. И именно господство неограниченной частной собственности было для Маркса главным признаком буржуазного способа производства. Переименовав этот способ производства в капиталистический, советские авторы огрубели мысль Маркса.

В случае с понятием «феодализм» дело как будто обстоит иначе. Это единственный совпадающий элемент в перечне способов производства у Маркса и в той схеме, которая привычна для нас. Но стоит ли за этим словесным совпадением совпадение смысловое?

«Советская историческая энциклопедия» в статье «Феодализм»⁸ определяет это понятие так: способ производства, основанный «на сочетании крупной земельной собственности класса феодалов и мелкого индивидуального хозяйства непосредственных производителей — крестьян, эксплуатируемых методами внеэкономического принуждения». О цеховой организации ремесла в статье говорится мимоходом, в толще описательного материала и только в связи с Западной Европой, хотя сам феодализм трактуется как всемирно-историческое явление.

А вот текст из «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса: «Главной формой собственности в феодальную эпоху была, с одной стороны, земельная собственность, вместе с прикованным к ней трудом крепостных, а с другой — собственный труд при наличии мелкого капитала, господствующего над трудом подмастерьев»⁹. Здесь цеховая система предстает в качестве одной из коренных черт феодализма.

Цеховая система затрудняла подмастерьям переход в мастера и тем самым обрекала их на дополнительную эксплуатацию. Но она же давала им некоторую гарантию занятости (что при узости рынка зна-

чило очень много) и открывала перспективу выхода в мастера. А существовала она только потому, что имелись ограничения ремесла вне городов — иначе дешевая продукция сельских и поместных ремесленников победила бы на рынке более дорогую продукцию бургеров. Подмастерье стоял ниже мастера, но выше поденщика, а в некотором смысле — и выше дворянина, ибо последний не имел права устроить мастерскую. Налицо внеэкономическое принуждение, которое «Советская историческая энциклопедия» почему-то видит только в феодальной деревне. Но оно не сводится к простому насилию и распространяется не на одних трудящихся. Феодализм в промышленности — это ограниченная конкуренция или, что, в сущности, то же самое — ограниченная частная собственность.

Что касается сельского хозяйства, то здесь как будто никаких различий между Марксом и советской историографией нет. В «Советской исторической энциклопедии» феодально-зависимые крестьяне — жертвы внеэкономического принуждения и в «Немецкой идеологии» — их труд «прикован к земле». Но ведь в этом сочинении явно имеются в виду западноевропейские крестьяне. А в Западной Европе и в самые тяжелые времена средневековья не было ни безграничной помещичьей власти, ни сысков беглых крестьян. Даже в Англии, где вилланы не имели права судиться со своими господами в общих судах, первые были до некоторой степени защищены поместными судами. И средствами социального принуждения крестьян были в феодальной Западной Европе преимущественно штрафы, то есть наказания, предназначенные для собственников. Но, конечно, главное доказательство собственнической природы зависимых пейзажей и бауэров — состав их повинностей. Можно ли себе представить русского крепостника взимающим посмертный побор? Нет, ибо все, что принадлежало его крестьянам, принадлежало ему. Можно даже предположить, что для верхушки западноевропейского феодально-зависимого крестьянства сеньориальные поборы имели свою выгодную сторону — ведь они мешали сельской бедноте создавать новые хозяйства и, значит, удешевляли оплату батраков. В данном смысле положение представителей этой верхушки напоминало положение цеховых мастеров и подмастерьев — те тоже и страдали от цеховых ограничений, и получали выгоду от них.

Итак, западноевропейский феодализм представлял собой систему, при которой собственник должен был использовать свою собственность сообразно с интересами других физических или юридических лиц. Таково исконное значение слова «феодализм» — оно означает именно разделение одной и той же ценности между несколькими обладателями.

Полагать, что Маркс понимал феодализм иначе — как простую эксплуатацию крестьян помещиками, нет оснований. Ведь он не называл феодализмом ни русское крепостное право, ни аграрные системы Индии, ни ирландский лендлордизм, а также никогда не квалифицировал как незаконченные аграрные преобразования Великой Французской революции, хотя она и не посягнула на домениальные владения признавших ее помещиков.

Если понятие «феодализм» отличается в настоящее время крайней размытостью, то термин «античность» по-прежнему сохраняет вполне

точный смысл. Это — общее обозначение древней Греции и древнего Рима. И даже если допустить, вместе с советскими историками, что «античный способ производства» значил для Маркса то же, что «рабовладельческий», это все же не даст основания для вывода, что он признавал рабовладельческую стадию развития общей для всего человечества.

Но можно ли было в середине XIX в. считать рабство чем-то специфическим для античности или вообще для древности? Вот текст из работы Маркса «Нищета философии» (1847): «Подобно машинам, кредиту и т.д. прямое рабство является основой буржуазной промышленности. Без рабства нет хлопка, без хлопка немыслима современная промышленность. Уничтожьте рабство — и вы сотрете Америку с карты народов»¹⁰. К 1859 г., когда Маркс сформулировал свою концепцию способов производства, зона распространения рабства в Соединенных Штатах Америки расширилась, а за пределами этой страны сузилась за счет территорий, не игравших существенной роли в мировой экономике (островные колонии Франции). Да и отделение Юга США в 1861 г. не было со стороны южан актом отчаяния — они всерьез рассчитывали на решительную победу. Маркс допускал возможность такого исхода и полагал, что в этом случае под власть рабовладельцев перейдет вся или почти вся территория США¹¹. Привычный взгляд на плантационное рабство как на мимолетный эпизод в истории нового времени стал возможен только после уничтожения этой системы в хлопковом поясе Северной Америки.

Что на самом деле понимал Маркс под античным способом производства, хорошо видно из «Немецкой идеологии». Об античной собственности там сказано: «Это — совместная частная собственность активных граждан государства», которые «лишь сообща владеют своими работающими рабами»¹².

Такая характеристика способна вызвать недоумение. Но она ближе к действительности, чем это кажется с первого взгляда. Допуская коллективизм в эксплуатации захваченных территорий, античная аристократия тем самым шла на существенные потери. Особенно это проявлялось в области колонизации. Частная колонизация широко применялась в средние века и в начале нового времени, но не в античности. Не регулировали античные государства и торговлю зависевших от них колоний. По-видимому, античные политики смотрели на колонизацию как на средство устройства неимущих граждан, жертвуя ради этого интересами социальной верхушки. Движение Гракхов обычно считают утопическим. Но, во-первых, частично оно все-таки удалось, во-вторых, оно было легитимным, то есть выражало норму римского общества, и в-третьих, аналоги ему известны только в пределах античности (движения Агиса и Клеомена). Существовало в античном мире и прямое перераспределение средств от богатых граждан к бедным. Молчаливо принятое мнение, будто обеспечение античного плебса хлебом и зрелищами не требовало больших затрат, не доказано. А принадлежность к аристократии в античности, в отличие от средневековья, не означала, по общему правилу, освобождения от налогов. Во внешних отношениях — эксплуатация слабых коллективов сильными, во внутренних — добровольное или вынужденное содействие сильных сограждан слабым — вот формула античного коллективизма.

Констатируя его существование, Маркс и Энгельс выражали общее мнение ученых XVIII—XIX веков. По А. Фергюсону ¹³, «для древнего грека или римлянина один человек отдельно был — ничто, а общество — все». Согласно А. Бланки ¹⁴, «в Афинах общественная казна считалась как бы общим достоянием не только для коллективных потребностей всех граждан, но и каждого отдельного человека. Всякий гражданин считал себя вправе требовать содержания от государства». В восемнадцатой главе книги Н. Фюстеля де Куланжа «Древняя гражданская община» (эта глава так и называется: «Древние не знали индивидуальной свободы») читаем: «В человеке не было ничего независимого. Его тело принадлежало государству и было обращено на его защиту. Его имущество находилось в распоряжении государства» ¹⁵.

Современному человеку античный коллективизм не кажется чем-то особо примечательным. Но это потому, что мы привыкли к нормам социального государства. А эти нормы даже в самых передовых странах мира стали складываться только около ста лет назад.

Самым загадочным из всех рассматриваемых способов производства можно назвать азиатский. В прямой форме это понятие у Маркса нигде, кроме процитированного в начале настоящей работы текста, не встречается. Но косвенного материала по данному вопросу достаточно, чтобы понять суть дела.

Хотя азиатский способ производства и упомянут в указанном тексте раньше античного, ясно, что речь не идет о древнем Востоке. Ведь судить о социальном строе древнего Востока в середине XIX в. можно было только по древнееврейской литературе и свидетельствам античных авторов. Но никаких следов интереса к Ветхому Завету и Талмуду в литературном наследии Маркса нет, а источники второй группы отрывисты и анекдотичны. С другой стороны, как раз в 1850-х гг. Маркс написал несколько статей о современной ему Индии. В самой значительной из них — «Британское владычество в Индии» (1853) ¹⁶ — прямо говорится о неизменности общественного строя этой страны с самой глубокой древности. Специальных работ о других странах Востока у Маркса нет, высказываний о формационных сдвигах в этих странах — тоже. Таким образом, азиатский способ производства и древнее всех остальных, и современен им. Его специфика — это специфика Востока в противоположность Западу.

В сочинениях Маркса указаны два признака этой специфики. Характеристика первого из них дана в только что названной статье. Там говорится: «Климатические условия и своеобразие поверхности, особенно наличие огромных пространств пустыни, тянущейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до наиболее возвышенных частей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственного орошения основой восточного земледелия. Эта элементарная необходимость экономного и совместного использования воды, которая на Западе заставила частных предпринимателей соединяться в добровольные ассоциации, как во Фландрии и Италии, на Востоке, — где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, — повелительно требовала вмешательства централизованной власти правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а

именно функция организации общественных работ... В азиатских государствах земледелие приходит в упадок при одном правительстве и снова возрождается при каком-нибудь другом. Здесь урожай так же зависит от хорошего или дурного правительства, как в Европе — от хорошей или дурной погоды»¹⁷.

Другой специфический признак восточного общественного строя отмечен Марксом в одном из его писем Энгельсу (1853). Говоря о книге лейб-медика Шах-Джахана и Аурангзеба Ф. Бернье «История последних политических переворотов в государстве Великого Могола»¹⁸, Маркс замечает: «Бернье совершенно правильно видит, что в основе всех явлений на Востоке (он имеет в виду Турцию, Персию, Индостан. — В.А.) лежит отсутствие частной собственности на землю. Вот настоящий ключ даже к восточному небу»¹⁹. Однако у Бернье говорится не об отсутствии у аристократов перечисленных стран связи с определенными земельными владениями, а только о том, что эта связь — не наследственная. Ни о какой созидательной роли восточных правительств по части ирригации Бернье не пишет.

Если считать центральным звеном категории «способ производства» то, каким именно образом при данном способе производства идет эксплуатация трудящихся, то выделение особого азиатского способа производства выглядит неоправданным. Ведь пожизненный или временный помещик собирает свои доходы совершенно так же, как наследственный. А налоги, которые взимает со своих подданных государство, руководящее ирригацией, могут не находиться ни в какой связи со степенью ее успешности.

Если же смотреть на дело с точки зрения устойчивости и эффективности частной собственности, то азиатский способ производства вполне отличен от всех других. Чем больше экономическая роль государства, тем меньше может оно считаться с интересами частных собственников и тем легче оно может их менять. Собственник, не имеющий прочной связи со своей собственностью, относится к ней хищнически.

Таким образом, выделенные Марксом способы производства — не способы эксплуатации, а типы отношений между отдельными хозяйственными единицами и заключающими их общественными организациями, или уровни зрелости частной собственности, или типы распределения прибавочного продукта, или степени близости экономических систем к расширенному воспроизводству — все эти понятия выражают в данном случае разные стороны одного предмета.

При азиатском способе производства частная собственность не гарантирована. Основная часть прибавочного продукта поступает государству и непроизводитительно растрачивается его представителями. Собственники не заинтересованы в инвестициях. Вероятность перехода общества к расширенному воспроизводству приближается к нулю.

При античном способе производства собственность гарантирована для членов господствующей общины. Членство в ней предполагает крупные социальные и престижные расходы. Поэтому заинтересованность собственников в инвестициях невелика. Вероятность перехода общества к расширенному воспроизводству незначительна.

При феодальном способе производства хозяйственные единицы сопряжены друг с другом. Покровительство феодалов спасает богатых

крестьян от произвола государства, а государство, в свою очередь, ограждает последних от произвола феодалов. Цеховая система ограждает бюргеров от излишней конкуренции, то есть играет ту же роль, которую в буржуазном обществе выполняет протекционизм. Феодалы почти свободно распоряжаются своими доходами и к тому же освобождены от налогов. Все это создает благоприятные условия для накопления капитала и перехода к расширенному воспроизводству. По мере того, как этот процесс набирает силу, феодальные ограничения становятся ненужными.

При буржуазном способе производства частная собственность вполне защищена. Нормой становится расширенное воспроизводство. Развивается капитализм с его противоречиями.

Разумеется, нельзя поручиться, что Маркс представлял себе развитие способов производства именно так, как это изображено в данной работе. Да и времена, когда ссылка на Маркса могла приравниваться к научному доказательству, давно прошли. Само понятие «способ производства» уже не особенно часто встречается в исторических исследованиях. Но потребность в классификации социумов никогда в исторической науке не исчезнет. Классифицировать их по способам эксплуатации можно и должно, но результаты такой работы, по изложенным выше причинам, не могут быть особенно плодотворны. Гораздо лучше характеризует любой социум степень его способности к развитию находящихся в его распоряжении производительных сил. Выражению этой способности и служит категория способа производства в предлагаемом смысле.

Примечания

1. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения. Т. 13, с. 6—7.
2. ЛЕНИН В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 68—80.
3. СТАЛИН И.В. О диалектическом и историческом материализме. М. 1945, с. 26—28.
4. Дискуссия об азиатском способе производства. М.—Л. 1931.
5. СЕМЁНОВ Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства. М. 2011, очерк 3.
6. НИКИФОРОВ В.Н. Восток и всемирная история. Ч. 3. М. 1977.
7. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Ук. соч., т. 2, с. 136.
8. Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М. 1974, стб. 20.
9. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Ук. соч., т. 3, с. 23.
10. Там же, т. 4, с. 135.
11. Там же, т. 15, с. 498—499.
12. Там же, т. 3, с. 21.
13. ФЕРГЮСОН А. Опыт истории гражданского общества. Ч. 1. СПб. 1817, с. 129.
14. БЛАНКИ А. История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени. СПб. 1869, с. 32.
15. ФЮСТЕЛЬ де КУЛАНЖ Н. Древняя гражданская община. М. 1903, с. 193.
16. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Ук. соч., т. 9, с. 136.
17. Там же, с. 132—133.
18. Последнее издание на русском языке: БЕРНЬЕ Ф. История последних политических потрясений в государстве Великого Могола. М. 2008.
19. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Ук. соч., т. 30, с. 215.

Интеллектуальные миграции XX века: к вопросу о моделях изучения

В.С. Мирзеханов, М.В. Ковалёв

Аннотация. Работа посвящена сложному комплексу вопросов, связанных с историей интеллектуальных миграций XX века. Авторы ставят перед собой задачу разобраться в имеющихся основных подходах к разработке этого феномена и очертить возможные пути его дальнейшего изучения, которые видятся в углублении сравнительных исследований, в необходимости вписать миграции в контекст транснациональной истории. Акцент делается на осмыслении бытийной, социально-антропологической стороны истории научных диаспор.

Ключевые слова: интеллектуальные миграции, диаспоры, идентичность, ученые, история науки, Россия, СССР, Германия, США, Венгрия, Чехословакия.

Abstract. The work is devoted to a multifaceted set of issues related to the history of intellectual migration of the XXth century. The authors set the task to understand the main approaches available to the study of this phenomenon. They would like to define possible ways of its further researches. These ways are seen in the deepening of comparative studies, in the need to inscribe migration into the context of transnational history. The authors emphasize the need to comprehend the existential, social-anthropological side in the history of scientific diasporas.

Key words: intellectual migration, diasporas, identity, scientists, history of science, Russia, USSR, Germany, USA, Hungary, Czechoslovakia.

Огромные по масштабам интеллектуальные миграции стали неотъемлемой частью истории XX века. В значительной мере они были порождены мировыми войнами, революциями, ущемлением академических свобод, дискриминацией по национальному и религиозному

Мирзеханов Велихан Салманханович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Отдела истории Европы XVIII—XIX вв. Института всеобщей истории РАН. E-mail: lum62@yandex.ru; *Ковалёв Михаил Владимирович* — кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: kovalevmv@yandex.ru.

Mirzekhanov Velikhan S. — doctor habilitatus (History), leading researcher, head of the European history of the XVIIIth—XIXth centuries department of the Institute of World History RAS. E-mail: lum62@yandex.ru; *Kovalev Mikhail V.* — PhD (History), associate professor at the Saratov State University for the Technology and Technics named after Yu.A. Gagarin; researcher at the Institute of World History RAS. E-mail: kovalevmv@yandex.ru.

признаку, экономическими потрясениями и др. факторами. Как результат — исход или изгнание значительного числа интеллектуалов, среди которых было немало ученых. В результате миграционных процессов, по выражению Юргена Остерхаммеля, происходило формирование «дискретных социальных пространств»¹, важнейшей частью которых были диаспоры. Они представляли собой общины, расположенные за пределами действительной или воображаемой Родины, но ощущавшие лояльность и эмоциональную привязанность к ней.

Достаточно вспомнить о сложных исторических процессах 1920—1930-х гг., когда Европа была охвачена глубокими трансформациями, вызванными последствиями первой мировой войны, распадом империй, перекройкой политических карт, экономическими трудностями, поиском национальных идентичностей и созданием исторических мифов, борьбой демократических и тоталитарных политических тенденций. В них прямо или опосредованно были вовлечены и ученые. Примечательна в этом плане судьба российской науки, по которой больно ударили события 1917 г. и последовавшие затем преследования интеллектуалов, аресты, голод, отсутствие элементарных условий работы. По предварительным подсчетам современных исследователей, страну покинуло около четверти ученого и профессорско-преподавательского корпуса². Среди действительных членов и членов-корреспондентов Российской Академии наук, оказавшихся к моменту окончания гражданской войны за рубежом, были геологи Н.И. Андрусов и В.И. Вернадский, химик П.И. Вальден, историки А.А. Кизеветтер, Н.П. Кондаков, М.И. Ростовцев, Е.Ф. Шмурло, филолог Ф.Ф. Зелинский, экономист П.Б. Струве, слависты С.М. Кульбакин и В.А. Францев, механик С.П. Тимошенко, статистик Ф.А. Щербина³. Схожие процессы можно было наблюдать в Германии 1930-х годов. Только в 1933 г. из немецких университетов было уволено свыше 3 тыс. чел., из которых $\frac{2}{3}$ сразу приняли решение об эмиграции⁴. В 1935 г. Берлинский университет изгнал «неарийских» преподавателей, еще оставшихся на работе после 1933 года⁵. После этих погромов многие университетские кафедры и посты директоров институтов оставались свободными в течение долгих лет. В 1933—1945 гг. примерно 26% немецких химиков и биохимиков оказались за пределами Германии⁶. Из 1882 немецких и австрийских ученых, опубликовавших свои статьи в ведущих физических журналах в период с 1925 по 1933 г., 179 эмигрировали⁷. Около 14—17% преподавателей высших школ покинули Родину⁸.

Но это лишь два хрестоматийных примера. Ученые покидали фашистскую Италию, франкистскую Испанию, Иран после Исламской революции, коммунистический Китай, страны Восточной Европы после установления там социалистических режимов. Однако было бы неверным полагать, что подобные перемещения были связаны исключительно со становлением тоталитарных и авторитарных режимов. Тот же СССР, в начале 1920-х понесший исключительные по масштабам потери научных кадров, довольно быстро стал местом притяжения иностранных интеллектуалов, охваченных пафосом социалистического переустройства мира или же просто разочарованных в реалиях капитализма. В среде саратовских физиков бытует легенда,

согласно которой, брат первой жены Альберта Эйнштейна, профессор Милош Милошевич Марич (1885—1944), ставший в 1930 г. заведующим кафедрой гистологии Саратовского медицинского института, пытался хлопотать о переезде своего именитого родственника, подвергнувшегося гонениями нацистов, на работу в Саратов. Быть может, это только красивый миф, нуждающийся, впрочем, в документальной проверке, но факт остается фактом: Советская Россия притягивала большой круг интеллектуалов, причем не только европейских. По данным О.А. Деля, с 1923 по 1932 г. в СССР прибыло более 10 тыс. иностранных революционеров. В 1933 г. официальный статус политических эмигрантов смогли получить 688 человек. В 1934—1935 гг. политическое убежище было предоставлено группе эмигрантов численностью около 2045 человек. К началу 1937 г. в СССР проживало около 4 тыс. беженцев только из Германии⁹. Если же говорить об ученых, то среди них можно назвать имена итальянского авиаконструктора Роберто Бартини (1897—1974), болгарского генетика Дончо Костова (1897—1949), венгерского экономиста Енё (Евгения) Варгу (1879—1964). Некоторые ученые оказались в Советской России еще в годы гражданской войны, перейдя из числа бывших военнопленных австро-венгерской армии в ряды красноармейцев, а затем встав в авангарде Коминтерна. Следует упомянуть африканиста Эндре Шика (1891—1978) и философа Георга Лукача (1885—1971). Судьба немалоого числа ученых-эмигрантов в СССР сложилась трагично. В жерновах сталинских репрессий были перемолоты венгерский китаевед Людвиг Мадьяр (1891—1937), немецкий физик Ганс Гельман (1903—1938), которого не спас даже статус одного из пионеров квантовой химии.

И все же, невзирая на эти печальные факты, въезд ученых в СССР не останавливался, хотя и постепенно шел на спад. Среди известных ученых, перебравшихся в СССР уже после второй мировой войны, можно назвать выдающегося итальянского физика Бруно Понтекорво (1913—1993). Таким образом, Советский Союз на всем протяжении своего существования парадоксальным образом соединял въездные и выездные потоки ученых, имевшие, правда, изменчивую динамику¹⁰. На эту особенность в наши дни обращают внимание далеко не все авторы, занимающиеся темой интеллектуальных миграций, стремящиеся, как правило, подчеркнуть факты бегства из СССР. В свое время советская историография, напротив, уделяла внимание въезду в Советский Союз, оставляя в стороне проблему эмиграции ученых из страны, или же рассматривая ее в исключительно обличительной плоскости¹¹. Но особенность двухсторонних миграционных потоков чрезвычайно важна, ибо она демонстрирует сложный и многогранный характер интеллектуальных движений в XX в., имевших ярко выраженный транснациональный характер. Заметим, что подобные черты демонстрирует и история других стран, например, Китая. Первая волна массового выезда интеллектуалов оттуда относится к 1930—1940-м годам. Она была напрямую связана с японской агрессией. В числе покинувших историческую Родину оказались физики Ву Цзяньсюн (1912—1997), ставшая участницей Манхэттенского проекта, а также Янг Чжэньнин (1922—1997) и Ли Чжэндао (род. 1926), работавшие в США под руководством знаменитого

итальянского физика-эмигранта Энрико Ферми, и удостоенные в 1957 г. Нобелевской премии¹². Новая волна выезда накрыла Китай после прихода к власти коммунистов в 1949 году. К слову, тогда же страну покинули многие русские ученые-эмигранты, работавшие там в 1920—1940-х гг., например, профессор Университета Цинхуа, историк Иван Иванович Гапанович (1891—1982). Среди фигур недавнего времени, уехавших из Китая по идеологическим причинам, вспоминается астрофизик Фан Личжи (1936—2012), запросивший политического убежища в США после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году¹³. В то же время современный Китай все больше становится центром притяжения ученых из разных стран мира, чему способствует целенаправленная государственная политика. В связи с этим фактом разумно обратиться к еще одной причине глобальных интеллектуальных миграций. В их основе лежат не только политические потрясения и идеологическая борьба, но также естественные модернизационные процессы. В этом смысле миграции связаны с глобализацией рынка труда, формированием глобального образовательного пространства, государственной политикой по привлечению квалифицированных кадров, работой международных научно-образовательных программ. Распад колониальной системы породил новые потоки трудовых миграций и новые формы географической мобильности. В качестве примера можно назвать многочисленных африканских интеллектуалов, получивших образование в европейских и американских университетах, и нередко остававшихся жить вне своей исторической Родины. В послевоенный период афро-азиатский мир активно включился в интеллектуальные миграционные процессы.

В 1990—2000 гг. пробудился интерес отечественных исследователей к проблемам интеллектуальных миграций. Отчасти это была реакция на переживаемый российской наукой кризис, породивший «утечку мозгов» за рубеж. Изучение этой проблемы стало одной из ключевых тем отечественного науковедения, социальной антропологии, социологии науки. В среде историков стремление разобраться в новых реалиях порождало внимание к аналогичным явлениям в прошлом. Тема интеллектуальных миграций приобрела не только научное, но и общественное звучание. С другой стороны, глобализация резко усилила академическую мобильность. Открылись невиданные прежде возможности участия в международных научных и образовательных программах, таких как «Темпус», позволявших учиться или работать за границей в течение длительного времени. За рубеж устремились тысячи интеллектуалов со всего постсоветского пространства. Значительную их часть составляли молодые ученые, желавшие там продолжить свою карьеру. Эти сюжеты также потребовали своего осмысления и не остались без внимания исследователей¹⁴.

Для отечественных историков тема интеллектуальных миграций оказалась связана в первую очередь с изучением российского научного Зарубежья 1920—1930 гг., резко активизировавшегося после открытия архивов и снятия идеологических табу. Сделано было, вне всякого сомнения, очень много. Появились фундаментальные работы А.В. Антощенко, Г.М. Бонгард-Левина, Н.Н. Болховитинова, В.П. Борисова, В.А. Волкова, В.Р. Михеева, Е.В. Петрова, М.Ю. Сорокиной, С.И. Фокина и др. Сегодня интерес к данной проблеме не спадает,

причем наблюдается все большее стремление вписать российские миграционные потоки в общемировой контекст, как это сделала, например, Т.И. Ульянкина в монографии о судьбах российской научной эмиграции в Европе в 1940—1950 годы ¹⁵.

Говоря об изучении отечественной научной диаспоры, нельзя не заметить популярности биографического жанра среди исследователей. Едва ли не самым ярким примером служит сборник статей «Российская научная эмиграция: двадцать портретов» ¹⁶, авторами которого стали выдающиеся исследователи разных научных направлений: Бонгард-Левин, Г.А. Заварзин, Вяч.В. Иванов, В.Е. Захаров и др. Герои книги — ученые, покинувшие Советскую Россию в 1920—1930-х гг.: физик Г.А. Гамов, авиаконструктор И.И. Сикорский, энтомолог Б.П. Уваров, экономист В.В. Леонтьев, химик В.Н. Ипатьев, историк Г.В. Вернадский, искусствовед А.Н. Грабар.

Биографический жанр популярен не только в России. Упомянем уже ставшую классической работу социолога Льюиса Козера «Перемещенные ученые в Америке: их влияние и их опыт» ¹⁷ или недавно вышедшую в Праге коллективную монографию «Чешские ученые в изгнании» ¹⁸. Причем героями последней работы стали не только жертвы политических диктатур и идеологических гонений, но и те, кто добровольно покинул свое Отечество, как, например, антрополог Алеш Грдличка (1869—1943), увезенный в детстве родителями в США. Авторы исследования поставили перед собой задачу: понять, каков был вклад чешских ученых, по разным причинам оказавшихся вне Родины, в мировую науку. Популярность биографий применительно к изучению истории интеллектуальных миграций вполне объяснима — науку двигают яркие, незаурядные личности. Однако здесь следует признать, что попыток написать коллективные портреты той или иной научной диаспоры до сих пор немного — и в России, и за ее пределами.

Существует и еще одна проблема, особо свойственная российской науке — разрыв между конкретными историческими исследованиями и осмыслением феномена интеллектуальных миграций в мировом масштабе, изучением различных волн в сравнении и взаимосвязи. По сей день в отечественной историографии малоисследованными или же вовсе неисследованными остаются многие сюжеты из истории интеллектуальных движений XX в., например, из Прибалтики после ее советизации, из Чехословакии после подавления «Пражской весны» или из Ирана после Исламской революции. Отрядным исключением на этом фоне является фундаментальное исследование венгерских миграций, сделанное сотрудниками Института славяноведения РАН Б.И. и Ч.Б. Желицки ¹⁹. Таким образом, существующая историографическая ситуация позволяет отечественным исследователям ставить перед собой широкий круг задач.

Историкам есть, чему поучиться у коллег из сферы социальных наук, активно занимающихся проблемами «утечки умов». В первую очередь — широким социально-антропологическим обобщениям. Историческая картина интеллектуальных миграций начнет в этом случае играть новыми красками. Политический аспект в изучении интеллектуальных миграций долгое время заслонял аспект бытийный, связанный с проблемами жизни и деятельности ученых на чужбине, практиками межкультурного диалога, процессами адаптации к новой

среде, лингвистическими травмами, социальными связями, личными и деловыми коммуникациями, повседневными жизненными практиками, то есть теми феноменами, которые можно обрисовать в понятиях «стиль жизни», «научный быт»²⁰. Пока немногие российские авторы обращались к этим проблемам²¹. Для историографии зачастую свойственна героизация уехавших ученых, своим отъездом, якобы, совершивших подвиг во имя свободы научной мысли. Это мешало видеть негативные процессы, происходившие внутри самих национальных диаспор. Так, российскую научную диаспору 1920—1930-х гг. не обошли стороной борьба за властные полномочия и финансовые ресурсы, научные конфликты и межличностные столкновения. Это видно, в частности, на примере русского академического сообщества в межвоенной Праге, чьи незаурядные, яркие представители отчаянно боролись за передел квартир или руководящих постов в Русском историческом обществе и Русском свободном университете. Сама эмигрантская среда в силу своей естественной этнокультурной ограниченности служит благодатной средой для разного рода конфликтов и споров, и в арсенале борьбы оказываются отнюдь не академические методы. Кроме того, на чужую почву часто переносятся старые политические, идеологические или научные споры, расцветая потом на ней новыми красками.

В процессе изучения истории интеллектуальных миграций упор традиционно делался на негативную роль институтов власти. Авторы исследований фокусировали свое внимание, главным образом, на политических мотивах выезда ученых, изображая их как жертв тоталитарных режимов²². То есть, на первый план выходила метафора не просто эмиграции, а изгнания. Такой подход был особенно характерен для отечественных исследователей 1990-х годов. Он был основан на представлении о радикальном противопоставлении власти и интеллигенции. В России, действительно, эти взаимоотношения всегда были специфичными. Еще до революции эмиграция была одной из форм неприятия политического режима. Достаточно вспомнить примеры микробиолога И.И. Мечникова, уехавшего во Францию, или историка П.Г. Виноградова, перебравшегося в Англию. Потому оппозиционность значительной части ученого сообщества большевистскому режиму, а, как следствие, эмиграция/высылка вполне объяснима. Но стоит обратиться к примеру Германии, чтобы увидеть, как значительная часть ученого сообщества, обласканного различными привилегиями и уподобившегося китайским мандаринам²³, довольно нейтрально восприняла приход к власти нацистов. Немалое количество ученых вообще встало на путь активного (М. Хайдеггер, К. Хаусхоффер) или пассивного (М. Планк, В. Гейзенберг) сотрудничества с ними. Потому гонениям поначалу подвергались, как правило, на национальной почве. А Гитлер заявлял, что «если смещение еврейских ученых означает уничтожение науки современной Германии, мы обойдемся без науки в течение нескольких лет»²⁴. Соответственно, это отражалось на характере миграций. Движение «Немецкая физика» (*Deutsche Physik*) служит классическим примером сотрудничества ученых с национал-социалистическим режимом. Его деятельность связывают с именами нобелевских лауреатов Филиппа Ленарда (1862—1947) и Йоханнеса Штарка (1874—1957). Они были консервативны-

ми экспериментальными физиками и выступали ярыми противниками квантовой теории и физики относительности, пытаясь использовать антидемократический и антисемитский характер нацизма для борьбы с научными оппонентами, и надеясь при помощи Гитлера влиять на развитие немецкой физики любыми способами. Гнев Ленарда был направлен в сторону Эйнштейна, которого без особого успеха он критиковал в 1920-х гг., а Й. Штарк активно нападал на В. Гейзенберга. После прихода к власти нацистов они использовали политические аргументы в борьбе с давними оппонентами²⁵. Но если Эйнштейн в итоге принял решение об эмиграции, то Гейзенберг, напротив, решил остаться, и даже подключился к немецкому ядерному проекту и получил пост директора Института физики при Обществе кайзера Вильгельма. Лишь в ноябре 1940 г. по итогам острой дискуссии между представителями «Немецкой физики» и их научными оппонентами было достигнуто письменное соглашение, заставившее сторонников Ленарда и Старка признать неопровержимые постулаты современной физики и прекратить политические нападки на ее сторонников²⁶.

Нередко сами поборники авторитарных или тоталитарных режимов становились эмигрантами. Так, именитый румынский культуролог Мирча Элиаде (1907—1986), некоторое время симпатизировавший профашистской «Железной гвардии», в 1938 г. был арестован по приказу властей, а затем «сослан» на дипломатическую работу, что означало для него фактический разрыв с Родиной. Или еще один красноречивый пример, уже из второй половины XX века. Экономист Влодзимеж Брус (1921—2007) считался одним из ведущих специалистов в социалистической Польше. После второй мировой войны он приветствовал установление «народной демократии» и был прочно встроен в новую научную иерархию, став профессором Главной школы планирования и статистики и Варшавского университета. Однако постепенно его разочарование в существовавшей системе росло, а проповедуемые им идеи «рыночного социализма» встречали неприятие властей. В социалистическом лагере они стали восприниматься как радикальные²⁷. В 1968 г. В. Брус вышел из членов Польской объединенной рабочей партии и вместе с женой эмигрировал в Великобританию. Примечательно, что его супруга — Хелена Волиньска-Брус (1919—2008) — будучи сотрудником Главной военной прокуратуры, участвовала в показательных судебных процессах над членами Армии Крайовой. Отъезд супругов был следствием политического кризиса в Польше 1968 г. и развязанной В. Гомулкой антисемитской кампании. С ней же был связан отъезд, правда уже в Австрию, другого польского экономиста — Казимира Лаского (1921—2015). Вместе с Брусом в конце 1980-х гг. они написали знаковую книгу «От Маркса к рынку», в которой попытались переосмыслить и свой научный опыт, и опыт экономического развития всей Восточной Европы²⁸. Таким образом, причины и мотивы выезда ученых следует дифференцировать, увязав их не только с политическими факторами, но и с ситуацией внутри самого научного сообщества.

Но в любом случае добровольный отъезд был результатом личного выбора. Так, выезд беженцев из Германии, «за редким исключением известных политических деятелей, которые с приходом Гитлера к

власти в буквальном смысле слова должны были спастись бегством... носил довольно-таки регулярный характер, т.е. они уезжали спокойно и законным образом, но и неохотно». Нацисты разрешали выезд из страны, но требовали за него большой денежной платы²⁹. Хотя эксцессы все же случались. В марте 1933 г. известный востоковед К. Витфогель был арестован при попытке покинуть Германию. До конца 1933 г. он находился в заключении и был выпущен лишь на волне международных протестов и ходатайств, в 1934 г. он покинул Родину. Иные ученые, которые не попадали под нацистские религиозные, расовые или политические категории, имели разнообразные причины для отъезда. Невозможно выделить единый для всех мотив эмиграции. Американский историк М. Керн заметил, что «решение эмигрировать или не эмигрировать было во многих случаях основано на взаимодействии массы проблем и вопросов»³⁰. Одни бежали от расового преследования, другие — из-за морального отвращения к фашизму. Уникальным примером служат практиковавшиеся советским правительством насильственные высылки интеллигенции в 1922 году. Пассажирами «философских пароходов» становились и те, кто об отъезде с Родины не помышлял, и кто вообще не был замечен в антибольшевистских настроениях, как, в частности, известный одесский историк А.В. Флоровский. Если говорить о русских ученых, то некоторые из них встретили переломные события 1917 г. в заграничных командировках, и потому были вынуждены принимать решение не о выезде, а о (не)возвращении на Родину. Их статус мгновенно становился неопределенным, и им приходилось делать выбор. Остаться за рубежом предпочли почвовед П.В. Отоцкий, историки Е.Ф. Шмурло и М.И. Ростовцев, славист А.Л. Петров.

Миграционные потоки стали явлением не только национальных историй, но истории транснациональной. Они переплетались между собой, взаимодействовали и взаимовлияли. Центральная и Восточная Европа в этой связи — уникальный пример такого рода пересечений. Например, в начале 1920-х гг. Чехословакия стала главным центром российской научной диаспоры. Благодаря «Русской акции» там сложилась развитая эмигрантская научная инфраструктура³¹. Патронаж властей республики и частных лиц распространялся в первую очередь на ученых и студентов, получивших возможность продолжить свою работу или учебу. В Праге сформировалась развитая сеть русских высших учебных заведений (Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русский юридический факультет, Русское высшее училище техников путей сообщения, Русский педагогический институт им. Яна Амоса Коменского, Русский институт коммерческих знаний, Русский народный университет) и научно-исследовательских организаций (Русское историческое общество, Экономический кабинет С.Н. Прокоповича, Семинарий по изучению Ф.М. Достоевского, Русский институт, Археологический институт им. Н.П. Кондакова, Зоологический семинар М.М. Новикова, Русский заграничный исторический архив). В Чехословакию в 1930-е гг. устремились также политические эмигранты из Венгрии и Германии³². Но Праге недолго суждено было быть центром мигрирующей науки, ибо после 1938 г. судьба самой Чехословакии оказалась незавидной. В этой ситуации интеллектуалы стали выезжать из этой страны, преимущественно в США и в Вели-

кобританию. Так поступили византинист Франтишек Дворник (1893—1975) и историк Отакар Одложилек (1899—1973), опубликовавший в 1941 г. в США проникновенную статью о положении исторической науки при нацистах под говорящим названием «Клио в цепях»³³. Так поступали и русские эмигранты. Среди них был видный экономист Прокопович, переехавший в Швейцарию, искусствовед Н.П. Толль, перебравшийся в США, экономист А.М. Байков и историк Г.М. Катков, сумевшие выехать в Англию.

Столь же драматично складывалась судьба научного сообщества в прибалтийских странах, куда после обретения ими независимости устремились беженцы из Советской России, пополнив ряды уже существовавшей там русскоязычной диаспоры. После присоединения Эстонии, Латвии и Литвы к СССР в 1940 г. там произошли гонения на интеллектуалов, что вызвало отток научных сил. Латвию покинул, к примеру, крупнейший археолог и египтолог Францис Балодис (Франц Владимирович Баллод, 1882—1947), который в 1924 г. был вынужден эмигрировать из СССР³⁴. Судьба же тех, кто остался, порой складывалась трагически. Достаточно вспомнить о русском философе и историке Льве Платоновиче Карсавине (1882—1952), вывезенном из Литвы и погибшем в ГУЛАГе, или философе Василии Эмильевиче Сеземане (1884—1963), работавшем вместе с Ф.В. Баллодом в Саратовском университете в начале 1920-х гг., которому посчастливилось вернуться живым из сталинских лагерей.

В начале 1920-х гг. в Германию устремились десятки русских ученых, создавших там свою научную инфраструктуру. Туда же ехали, к примеру, венгры, желавшие продолжить научную карьеру. Среди них был Лео Силард (1898—1964), покинувший в 1919 г. политически нестабильную Венгрию с целью продолжить обучение в Берлинской высшей технической школе, где одним из его наставников стал Эйнштейн³⁵. После прихода к власти нацистов Л. Силард вместе с семьей уехал сначала в Англию, затем — в США. Там он работал вместе с Э. Ферми и принимал участие в создании первого ядерного реактора. Подобным образом сложилась и судьба других венгерских физиков, работавших в межвоенной Германии. Ю. Вигнер, Э. Теллер, Я. Нейманн, Т. Карман переехали в США, причем Вигнер в 1963 г. был удостоен Нобелевской премии по физике. В 1971 г. за изобретение голографического метода ее получил другой венгерский эмигрант — работавший в Англии Денеш Габор (1900—1979). Л. Фаркаш оказался в Иерусалиме, где первым стал читать курс физической химии в местном университете³⁶. Приход к власти нацистов заставит уехать и часть русских эмигрантов, которые, несмотря на неприятие большевизма, видели в Гитлере угрозу для России. Здесь можно упомянуть философа И.А. Ильина, перебравшегося в Швейцарию. Приютом для многих беженцев из Германии стала Турция, проводившая в 1930-е гг. реформу университетской системы, и остро нуждавшаяся в иностранных ученых. Статус ученых-эмигрантов в высших школах Анкары и Стамбула был высок. По некоторым подсчетам, после 1933 г. 144 немецких и австрийских ученых переехали в Турцию с помощью франкфуртского профессора-медика Филиппа Шварца и возглавляемой им швейцарской организации «Notgemeinschaft»³⁷.

Окончание второй мировой войны и последовавшее затем утверждение в Восточной и Центральной Европе коммунистических режимов породило очередную волну эмиграции. Большой материал для исследования дает Чехословакия, которую после 1948 г. покинули десятки видных ученых, опасавшихся преследований со стороны новых властей³⁸. Достаточно упомянуть имя крупнейшего чехословацкого экономиста Йозефа Мацека (1887—1972), который в 1949 г. вместе с женой тайно перешел на лыжах через горный массив Шумавы и оказался в Германии. Затем он эмигрировал за океан, работал в США и Канаде³⁹. В конце 1948 г. Венгрию покинул известный археолог, специалист в области эпиграфики и нумизматики, профессор Андраш Алфёльди (1885—1981). Он уехал в Швейцарию, где лечился его тяжело больной сын, и принял решение не возвращаться домой. Свою роль, помимо семейных причин, сыграли и политические факторы: А. Альфёльди помнил, как летом 1946 г. ему не дали возможность занять пост декана в Будапештском университете. В Швейцарии он преподавал в университетах Берна и Базеля, а затем, в 1956 г., переехал за океан, получив приглашение от Принстонского университета. Новые волны интеллектуальных миграций из Центральной Европы были порождены событиями 1956 г. в Будапеште и 1968 г. в Праге. Так, после неудавшейся революции в Венгрии страну покинул полный штат студентов и преподавателей одного из старейших учебных заведений страны — Высшей лесотехнической школы в Шопроне⁴⁰. Из Чехословакии на Запад в 1968—1969 гг. уехали астроном, исследователь двойных звезд Мирослав Плавец (1925—2008), иммуногенетик Эмил Скамене (род. 1941), химик Йозеф Михл (род. 1939). В этом контексте нельзя не назвать и уехавшего в США начинающего ученого Сергея Давыдова (род. 1945), который происходил из русской эмигрантской среды и приходился потомком знаменитому герою Отечественной войны 1812 года. Как и его именитый дед А.Л. Бем, бывший одной из знаковых фигур в интеллектуальной жизни «русской Праги», С.С. Давыдов избрал путь литературоведа, став известным американским специалистом по творчеству А.С. Пушкина, В.В. Набокова и Ф.М. Достоевского⁴¹.

В конце XX в. падение социалистических режимов в Восточной и Центральной Европе породило новую волну интеллектуальных движений. Распад СССР и переживаемый постсоветской Россией кризис также привели к оттоку ученых сил. В 2005 г. Дмитрий Ливанов, еще в бытность статс-секретарем Министерства образования и науки РФ, сделал заявление, согласно которому с 1989 по 2004 г. из России уехало порядка 25 тыс. ученых, а 30 тыс. работают за рубежом по временным контрактам. Речь идет, как правило, о наиболее конкурентоспособных ученых, вдобавок — наиболее продуктивного творческого возраста. Из пяти ученых-физиков российского происхождения, удостоившихся Нобелевской премии за последние годы, 3 получили ее в качестве иностранных ученых (А.А. Абрикосов, А.К. Гейм, К.С. Новосёлов).

Деполитизированный, социально-антропологический подход к истории интеллектуальных миграций предполагает большое внимание к практикам патронажа, которые следует понимать как «оказание поддержки в обмен на те или иные «дары»». Причем эти «дары»

носят, преимущественно, нематериальный, символический характер. Поддерживая науку, патрон получает повышение социального статуса, а «материальные выгоды, если и следуют за этим, то обычно много позже и непосредственно от клиента»⁴². От функционирования этих практик напрямую зависела успешность адаптации ученых-мигрантов к новой культурной среде. Эмигранты почти всегда живут в напряженном ожидании надвигающихся политических изменений на Родине. Это мешает им найти свою социальную и культурную нишу в стране убежища. Значительная их часть страдает потому, что статус в новой стране ниже того, что был у них на Родине, и не всякому удается сделать головокружительную карьеру.

Успешность США в привлечении ученых из разных стран мира как раз объяснялась существованием там эффективных механизмов патронажа научной жизни и адаптации ученых-мигрантов. Причем на этом поле играли как частные, так и государственные институты. В 1930-х гг. фонд Рокфеллеров в сотрудничестве с американским научным сообществом помог 355 исследователям получить рабочие места в 150 университетах, колледжах, научно-исследовательских институтах и музеях⁴³. Долгосрочная стратегия подобных организаций заключалась в интеграции ученых-беженцев в американскую научную жизнь. В то же самое время сотрудники американских государственных служб, в первую очередь, военные, получили возможность использовать эмигрантов в качестве экспертов в условиях военного времени. По словам Б. Катца, военный Вашингтон оказался плодотворным участником взаимного сотрудничества в не меньшей степени, чем научно-исследовательские лаборатории Чикаго и Лос-Аламоса⁴⁴. Широко известно об участии европейских ученых в создании американской атомной бомбы. Примечательно, что над ее созданием трудился и русский ученый-эмигрант Георгий Богданович Кистяковский (1900—1982). Но сотрудничество эмигрантов с американскими военными этим не ограничивалось. Например, немецкий востоковед Франц Михаэль в 1942 г. был назначен руководителем программы азиатских языков для армии США в университете Вашингтона⁴⁵.

Обширную поддержку беженцам оказывал созданный в 1933 г. Чрезвычайный комитет помощи перемещенным иностранным ученым (Emergency Committee in Aid of Displaced Foreign Scholars). Его работу возглавил журналист Эдварду Мэроу (1908—1965), впоследствии получивший известность как неутомимый борец с сенатором Дж. Маккарти. Если первоначально в сфере фонда находилась Германия, то затем работа была расширена на другие европейские страны — Австрию, Чехословакию, Норвегию, Бельгию, Италию и Францию. Среди ученых, получивших помощь фонда, можно назвать социолога Герберта Маркузе, политолога Ганса Моргентау, биофизика Макса Дельбрюка, психолога Курта Левина. О масштабах работы комитета наглядно свидетельствуют списки выехавших из Германии и получивших помощь фонда ученых⁴⁶. Подобные организации, ставившие своей целью поддержку беженцев, были порождены XX в. и не имели прежде аналогов в истории. Как заметила британская исследовательница Е.Н. Андреева, «в основе формирования этих институтов лежали не только гуманитарные соображения, но и юридическое

понимание положения и статуса беженца, а также политические и экономические вопросы»⁴⁷.

Изучение интеллектуальных миграций в ретроспективе XX в. ставит вопрос о коммуникативных практиках и интеллектуальном обмене. Дело не только в средствах политического и идеологического контроля (люстрация писем, паспортно-визовые формальности), но и в технических возможностях. Их ограниченность приводила к обособленности представителей национальных научных диаспор, затрудняло их общение. Но все же оно продолжалось. Даже в случае с Советской Россией, «железный занавес» опускался постепенно. Вплоть до конца 1920—1930-х гг. русские ученые-эмигранты имели, пусть и ограниченную, возможность эпистолярных контактов с друзьями, коллегами и родственниками, остававшимися дома. На протяжении почти всего XX в. трудности коммуникаций выступали одним из символов эмигрантского статуса, подчеркивая оторванность от исторической Родины. В этом плане бурное развитие средств связи в конце XX в., налаживание глобального транспортного сообщения, облегчение паспортно-визовых формальностей способствовало размыванию этого статуса.

Научные коммуникации обычно рассматриваются с точки зрения вклада мигрантов в науку той или иной страны. Немецкие ученые в 1930-е гг. быстро получили признание в научном мире стран-реципиентов. Так, прибытие ярчайшего представителя Венской школы Рудольфа Карнапа повлияло на американскую науку. Альфред Шютц познакомил американцев с социальной феноменологией. Ханна Арендт заложила основы изучения феномена тоталитаризма в политической жизни XX века. Искусствовед Уильям Кон (1880—1961), эмигрировавший в Англию в 1938 г., сумел собрать из разрозненных предметов индийской коллекции Оксфордского университета Музей восточного искусства (Oxford Museum of Eastern Art) и стать его первым директором (1949—1956)⁴⁸. Вольфрам Эберхард в 1937—1948 гг. преподавал китайский язык в университете Анкары, став основателем синологических исследований в Турции.

Но не менее важно и интересно понять нереализованные возможности диалога, осознать их причины. Вряд ли работавший в Москве Г. Лукач мог серьезно повлиять на советские общественные науки, скованные догматическим марксизмом. В этом плане влияние его венгерского соотечественника Э. Шика на советскую африканистику было более очевидным, но все же ограниченным⁴⁹. Порой таланты и способности ученых не были восприняты и по иным причинам. Так, низкий интерес к российской истории в академических кругах 1920—1930-х гг. не способствовал интеграции русских ученых-эмигрантов в зарубежную науку. Представителям естественных наук всегда легче адаптироваться к новым условиям, нежели гуманитариям. Но и тут не всегда дело идет гладко. Так, русский почвовед и гидрогеолог П.В. Отоцкий, оказавшийся в начале 1920-х гг. в Чехословакии, безуспешно пытался привлечь пражский Карлов университет к геологическим изысканиям в Скандинавии⁵⁰. Большую роль в успешности научных коммуникаций имело единство научного языка. Австрийским экономистам в 1930—1940-е гг., работавшим в традициях математической экономики и неоклассических подходах, было

относительно легко утвердиться в ведущих американских университетах, где они нашли коллег, которые прекрасно понимали интернациональный язык математики⁵¹. Напротив, немецкие юристы, обученные в духе римского права, немного знали об англо-саксонском праве. Таким образом, они столкнулись с потребностью начинать за океаном свою карьеру заново. Многим из них пришлось переквалифицироваться в специалистов в области политологии и международных отношений. Но успех зависел не только от единства или хотя бы родства научных языков, но и от степени владения ученых-эмигрантов чужими языками в конкретном смысле слова. Оказавшийся в США антиковед М.И. Ростовцев в письме к академику Н.П. Кондакову жаловался: «Если бы вы знали, как трудно читать лекции на чужом языке... Кое-как справляюсь, но это главный камень преткновения»⁵². Лингвистический фактор занимал важное место и в процессе культурной адаптации, и научной интеграции одновременно. Потому он достоин более пристального внимания со стороны исследователей, особенно, когда речь идет о взаимодействии представителей совершенно разных культур, например, иранских или китайских мигрантов в США.

Интеллектуальные миграции минувшего столетия были результатом глубоких общественных трансформаций и формой ответа ученых на них. Это был итог сложного комплекса взаимодействия ученого сообщества и институтов власти, набора индивидуальных и коллективных решений. И, главное, рождаясь в качестве национальных исторических феноменов, они всегда в итоге становились частью глобальной, транснациональной истории. Отсюда вырастает потребность в выявлении их общих и особенных черт, объективных и субъективных причин миграционных движений, функционирования национальных научных сообществ в условиях жизни за рубежом. Нет сомнения, что всякое национальное ученое сообщество в эмиграции развивалось по своим внутренним законам. Ровным счетом нет сомнения и в том, что далеко не всегда ученые-эмигранты такие сообщества образовывали. Но следует попытаться выделить общие проблемные поля, которые позволили бы сравнить различные миграционные потоки в исторической ретроспективе XX в., определить естественные границы таких сопоставлений.

Ретроспективный взгляд на историю миграций и мобильности как в свете взаимоотношений интеллектуалов и институтов власти, так и в условиях трансформирующегося общества, может служить основой для сравнительно-исторического понимания современных проблем. Сравнение отечественного и зарубежного материала с использованием междисциплинарных подходов позволит сделать вывод о существовании в истории типичных моделей миграций как особых социокультурных механизмов, функционирование которых может быть проанализировано. Результаты таких исследований, несомненно, будут важны при разработке стратегии интеллектуальной безопасности страны и выработке политики противодействия «утечке умов».

1. ОСТЕРХАММЕЛЬ Ю. Трансформация мира: история XIX века. Главы из книги. — *Ab Imperio*. 2011, № 3, с. 129.
2. Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб. 2003, с. 533.
3. Там же, с. 534.
4. TRIBE K. German Emigré Economists and the Internationalization of Economics. — *The Economic Journal*. 2001, vol. 111, № 475, p. 741.
5. NÖTZOLDT P., WALTHER P.T. The Prussian Academy of Sciences during the Third Reich. — *Minerva*. 2004, vol. 42, № 4, p. 425.
6. UWE ECKART W. Science in Third Reiche. — *Minerva*. 2004, vol. 42, № 4, p. 453.
7. *Ibid.*, p. 538—540.
8. FISHER K. Die Emigration von Wissenschaftlern nach 1933. — *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 1991, т. 39, № 4, S. 537—538.
9. ДЕЛЬ О.А. От иллюзий к трагедии. Немецкие эмигранты в СССР в 30-е годы. М. 1997, с. 12—14, 111.
10. Уже в 1970-е гг. приезд ученых фактически прекратился, расширяясь почти исключительно за счет выходцев из постколониальных стран. В то же время началась новая волна выезда интеллектуалов, преимущественно евреев, из СССР. Достаточно назвать имена литературоведов Е.Г. Эткинда и Л.З. Копелева, византиста А.П. Каждана, востоковеда А.М. Пятигорского и др. См.: ДЁННИНГХАУС В.А., САВИН А.И. «Как бы указ о евреях не отменять, а де фактом не применять». Л.И. Брежнев, разрядка и еврейская эмиграция из СССР. — *Россия XXI*. 2013, № 1, с. 130—159.
11. В современной российской историографии наметилось возрождение интереса к истории иностранных мигрантов в СССР, разумеется, с уже иных идеологических и методологических позиций. В результате, помимо уже упомянутой работы О.А. Деля, появилось немало интересных, квалифицированных исследований: ЕЛПАТЬЕВСКИЙ А.В. Испанская эмиграция в СССР: историография и источники, попытки интерпретации. Тверь. 2002; ИВАНОВА О.В. Социокультурная адаптация политических эмигрантов в СССР в 1920—1930-е годы. — *Известия Самарского научного центра РАН*. 2006, т. 8, № 3, с. 781—788; ЧЕРНОВА Н.В. Немецкие политические эмигранты на Магнитстрое в 1930-е годы. — *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2015, № 4 (50), с. 167—174.
12. HENDERSON G., OLASJI T. *Migrants, Immigrants, and Slaves: Racial and Ethnic Groups in America*. Lanham. Md. 1995, p. 186; CHEN NING YANG. *A Great Physicist of the Twentieth Century*. Liu and Shing-Tung Yau. Cambridge. MA. 1995; MCGRAYNE S. *Nobel Prize Women in Science: Their Lives, Struggles, and Momentous Discoveries*. Washington. D.C. 1998, p. 254—278. Подробнее о месте китайских ученых в американской науке см.: ZUOYUE WANG. *Chinese American Scientists and U.S.* — *China Scientific Relations: From Richard Nixon to Wen Ho Lee. The Expanding Roles of Chinese Americans in U.S.* — *China Relations: Transnational Networks and Trans-Pacific Interactions*. N.Y. 2015, p. 207—234.
13. ЛОМАНОВ А.В. Как увядали сто цветов. — *Россия в глобальной политике*. 2005, № 2, с. 82—83.
14. См., например: АГАМОВА Н.С., АЛЛАХВЕРДЯН А.Г. Утечка умов из России: причины и масштабы. — *Российский химический журнал*. 2007, т. LI, № 3, с. 108—115; САФОНОВА М.А. Академическое наследие империй: куда текут потоки международной студенческой миграции? — *Ab Imperio*. 2011, № 2, с. 261—296; РЯЗАНЦЕВ С.В., ПИСЬМЕННАЯ Е.Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов. — *Социологические исследования*. 2013, № 4, с. 24—35.
15. УЛЬЯНКИНА Т.И. «Дикая историческая полоса...»: судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940—1950). М. 2010.
16. *Российская научная эмиграция: двадцать портретов*. М. 2001.
17. COSER L.A. *Refugee Scholars in America: their Impact and their Experiences*. New Haven-L. 1984. Среди героев книги — психолог Э. Фромм, философ Р. Карнап, лингвист Р.О. Якобсон, политолог Х. Арендт, экономист К. Поланья, востоковед К. Витфогель, социолог А. Шютц, экономист Я. Маршак и др.

18. PACNER K., HOUDEK F., KOUBSKÁ L. *Čeští vědci v exilu*. Praha. 2007.
19. ЖЕЛИЦКИ Б.Й., ЖЕЛИЦКИ Ч.Б. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты (середина XIX — конец 50-х годов XX века). М. 2012.
20. АЛЕКСАНДРОВ Д.А. Историческая антропология науки в России. — Вопросы истории естествознания и техники. 1994, № 4, с. 5; RABINOW P. *Making PCR: A Story of Biotechnology*. Chicago. 1996, p. 2.
21. ВОЛОШИНА В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «социальной истории». Омск. 2010; ЗАХАРОВ О.И. Стратегии интеграции русских историков-эмигрантов «первой волны» в американское научное сообщество. — Российская история. 2014, № 3, с. 112—126; ВОЛОШИНА В.Ю., КОРЗУН В.П. Эмигрантский период жизни А.А. Кизеветтера в оптике «профессорской культуры». — Диалог со временем. 2017, № 58, с. 39—70.
22. См., например: FERMI L. *Illustrious immigrants: the intellectual migration from Europe, 1930—1941*. Chicago-L. 1968; *The intellectual migration: Europe and America, 1930—1960*. Cambridge. 1969.
23. Подробнее о феномене немецкой профессорской культуры в свете ее взаимоотношений с властью см.: РИНГЕР Ф. *Закат немецких мандаринов*. М. 2008.
24. HARTSHORNE E.Y. *The German Universities and National Socialism*. Cambridge. 1937, p. 111—112.
25. WALKER M. *National Socialism and German Physics*. — *Journal of Contemporary History*. 1989, vol. 24, № 1, p. 64; PALLÓ G. *Elektron és éterfizika: Lénárd Fülöp (1862—1947)*. — *Fizikai szemle*. 1997. 47. évf. 4. sz. 116—122. о.; GRUNDMANN S. *The Einstein Dossiers: Science and Politic*. Berlin-Heidelberg. 2005, p. 277.
26. American Institute of Physics. Niels Bohr Library and Archives. Samuel A. Goudsmit Paper. Series IV. Box 25. Fold. 12: Alsos Mission.
27. СОБИ П. «Красный монастырь» на Шпрее: советизация высшего образования в ГДР (на примере Высшей школы экономики в Берлине). В кн.: *Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога*. Саратов. 2015, с. 196—197.
28. BRUS W., ŁASKI K. *From Marx to the Market: Socialism in Search for an Economic System*. Oxford. 1989.
29. РАЕВ М.И. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919—1939. М. 1994, с. 240—241.
30. KERN M. *The Emigration of German Sinologists 1933—1945: Notes on the History and Historiography of Chinese Studies*. — *Journal of the American Oriental Society*. 1998, vol. 118, № 4, p. 509.
31. CHINYAEVA E. *Ruská emigrace v Československu: vývoj ruské pomocné akce*. — *Slovansky přehled*. 1993, № 1, S. 14—24; SLÁDEK Z. *O ruské pomocné akci tentokrát polemicky. Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918—1945 (Sborník studií — 3)*. Praha. 1995, S. 20—25; ANDREYEV C., SAVICKÝ I. *Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918—1938*. New Haven-L. 2004.
32. HEUMOS P. *Die Emigration aus der Tschechoslowakei nach Westeuropa und dem Nahen Osten. 1938—1945*. München. 1989; *Exil v Praze a Československu 1918—1938*. Praha. 2005.
33. ODLOŽILIK O. *Clio in Chains. Czech Historiography in 1939—1940*. — *The Slavonic Year-Book. American Series*. 1941, vol. 1, p. 330—337.
34. MUGUREVIČS E. *Francā Baloža dzīves gājums un zinātniskā darbība. Arheoloģija un etnogrāfija*. T. XXIV. Rīga. 2010, l. 24.
35. LANOUILLE W., SILARD B. *Genius in the Shadows: A Biography of Leo Szilard: The Man Behind The Bomb*. New York. 1992, p. 56—58.
36. БОРИСОВ В.П. Российские и венгерские физики-эмигранты. Институт истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2003. М. 2003, с. 294—296.
37. WIDMANN H. *Exil und Bildungshilfe: Die deutschsprachige akademische Emigration in die Türkei nach 1933*. Bern-Frankfurt am Main. 1973, S. 131—132, 167.
38. HOFFMAN R.J. *Die Anfänge der Emigration aus der Tschechoslowakei 1948*. Praha, 1996; *Wissenschaft im Exil: Die Tschechoslowakei als Kreuzweg 1918—1989*. Praha. 2004.

39. Dějiny ekonomického myšlení. Praha. 2005, S. 506.
40. ЖЕЛИЦКИ Б.Й., ЖЕЛИЦКИ Ч.Б. Ук. соч., с. 497.
41. См.: ДАВЫДОВ С.С. Пражские весны... или очки для Хрущёва. Из записок потомственного эмигранта. — Новый журнал. 2008, кн. 251, с. 324—340.
42. См.: АЛЕКСАНДРОВ Д.А. Ук. соч., с. 9—10.
43. KATZ B. The Accumulation of Thought: Transformations of the Refugee Scholar in America. — The Journal of Modern History. 1991, vol. 63, № 4, p. 742.
44. Ibid., p. 741.
45. KERN M. Op. cit., p. 522.
46. См.: Emigration: Deutsche Wissenschaftler nach 1933: Entlassung und Vertreibung. Berlin. 1987.
47. АНДРЕЕВА Е.Н. Общество защиты науки и знаний в Великобритании и помощь русским ученым-эмигрантам. — Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М. 2014, с. 67.
48. CULLEN A. Bringing Asia to Oxford: Dr. William Cohn and the Museum of Eastern Art. In: Ark of Civilization: Refugee Scholars and Oxford University, 1930—1945. Oxford. 2017.
49. См.: ДАВИДСОН А.Б. Шийк Андрей Александрович (1891—1978). Портреты историков: время и судьбы. Т. 5: Средние века. — Новая и новейшая история. М. 2010, с. 584—596; ЕГО ЖЕ. Репрессированная африканистика. — Африканский сборник. 2011. СПб. 2012, с. 14—20.
50. Národní archiv České republiky. Fond «Policejní ředitelství Praha II — všeobecná spisovna — 1941—1950». Kart. 8190. Sign. O498/3 Otockij Pavel.
51. COSER L.A. Op. cit., p. 6.
52. Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев. Письма 1919—1925 годов. КЫЗЛАСОВА И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920—1930-е годы. По материалам архивов. М. 2000, с. 126.

«Дело» о разложении партийного руководства Вятского горрайкома ВКП(б) в 1933 г.

Ю.Н. Тимкин

Аннотация. В работе, основанной на ранее неопубликованном архивном материале Государственного архива социально-политической истории Кировской области, исследуется создание и деятельность партийного руководства Вятского района Нижегородской области в 1930—1933 годах. Рассматривается роль таких партийных функционеров, как А.А. Жданов, Н.А. Павлычев, К.А. Налоев. Показано, что процесс развития партийной организации Вятского горрайкома был болезненным, проходил в условиях административно-политического и психологического давления, напряженной борьбы с «правым уклоном». На основании этих данных делается вывод о том, что «разложение» руководства Вятского горрайкома стало следствием проводимого ЦК ВКП(б) и обкома партии курса форсированной индустриализации и радикальной ломки общественных отношений.

Ключевые слова: Вятский горрайком ВКП(б), индустриализация, крайком партии, Н.А. Павлычев, А.А. Жданов, «разложение».

Abstract. Political case about the «decay» of the party leadership in Vyatka district committee of the VKP (b) in 1933. The article, based on previously unpublished archival material of the State Archive of Social and Political History of the Kirov region, explores the creation and activities of the party leadership of Vyatka district in Nizhny Novgorod region in 1930—1933. The role of party functionaries in the development of organization such as A.A. Zhdanov, N.A. Pavlychev, K.A. Naloev. The article shows that the development of the party organization of Vyatka city district was painful, passed under the administrative-political and psychological pressure, hard fight with «right-leaning». On the basis of these data it is concluded that «the decay» of leadership Vyatka district committee happened due to the radical break — up of public relations and forced industrialisation, led by the Central Committee of the VKP(b) and regional party committee.

Key words: Vyatka district committee of VKP(b), industrialization, the Regional party committee, A.A. Zhdanov, N. Pavlychev, «decay».

В 1930 г. в рамках проводимой административной реформы был образован район с центром в Вятке, партийная организация которого была призвана обеспечить утвержденные ЦК ВКП(б) темпы индустриализации и коллективизации. Руководство городского райкома при-

Тимкин Юрий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного университета. Киров. E-mail: timkin43@mail.ru.

Timkin Yuriy N. — candidate of historical sciences, associate professor at the Vyatka State University. Kirov. E-mail: timkin43@mail.ru.

лагало немалые усилия для выполнения поставленных задач, но в парторганизации произошло «разложение» на фоне провала выполнения пятилетнего плана. Целью исследования является анализ причин этого явления в 1930—1933 годах.

Работа написана на материалах Государственного архива социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО).

Публикаций по данной теме в советское время практически не было. После 1991 г. появились работы, рассматривающие различные аспекты политической деятельности партии в начале 1930-х гг.¹, механизмы политической власти², внутрипартийной борьбы³. Но исследований по внутрипартийной жизни пока, к сожалению, мало⁴. Внутрипартийная жизнь организации Вятского городского района остается практически неизученной.

Летом-осенью 1929 г. перед руководством вновь созданной Нижегородской области были поставлены следующие задачи: хозяйственная реконструкция и развертывание культурного строительства, создание эффективного государственного аппарата, обеспечение партийного руководства реконструкцией народного хозяйства, приближение партийного аппарата к массам⁵.

В основу построения областного партийного комитета был положен опыт создания нижегородских губернских организаций и учреждений. Его основная задача — комплектование «крепкого ядра политически выдержанных работников высокой деловой квалификации»⁶. В 1929—1930 гг. велся поиск оптимальной административной и организационно-партийной структуры области. После непродолжительного существования Вятского округа (15 июля 1929 — 30 июля 1930 гг.) на территории, прилегавшей к бывшему губернскому центру, был образован район. «Вятская правда» так охарактеризовала положение новой административной единицы: «Район в современном виде представляет собой прежний волисполком, с той лишь разницей, что у него расширена территория и несколько увеличен штат. Такой район не в состоянии справиться ни с руководством сельскими Советами, ни с оперативной работой. Нынешнее состояние районного и сельского аппарата не обеспечивает достаточно успешного выполнения директив по реконструкции сельского хозяйства по причинам недостаточной квалификации его кадров и недостаточной помощи низовому аппарату со стороны высших звеньев»⁷.

По словам представителя Нижегородского крайкома Окунева, «... Вятка — мощный пролетарский центр с большой и хорошей парторганизацией, она будет иметь решающее влияние на сельскую местность...»⁸ На 1 августа 1930 г. парторганизация Вятки насчитывала 4 тыс. чел., из которых 78,2% — составляли рабочие⁹. Перед партийцами ставилась первоочередная задача: «... быстро изучить всю промышленность, каждый завод; сельское хозяйство...»¹⁰

Участники конференции констатировали наличие «оппортунистической тактики» в работе руководства партийных и советских органов Вятки: «В ряде партийных ячеек наблюдается полное отсутствие руководства, они не сумели возглавить инициативу масс. С транспортной ячейкой дело обстоит неблагоприятно. Ячейка депо Вятка-1 не мобилизована...» В кустарной промышленности кооперирование

«идет слишком медленно. Что за народ кооперирован, неизвестно. Нужно создать крепкое ядро в кооперации...»¹¹

Ответственный секретарь партийной ячейки машиностроительного завода В. В. Шмидт сообщал: «Элементы оппортунизма имеются и на нашем заводе: партийные директивы только прочитываются (администрацией. — Ю. Т.), а не выполняются. Решения партсъезда (XVI съезд ВКП(б), состоявшийся в июле 1930 г. — Ю. Т.) до сих пор не проработаны...» По словам Окунева, ответственные руководители «поглаживали брюшко, ко всему относились так, что, мол, поругают, запишут на вид выговор, а завтра все забудется»¹². В результате многие предприятия не выполнили промышленно-финансовый план. Представитель первого райкома Вятки Патрушев призвал собравшихся «разорить оппортунистическое гнездо»¹³.

В резолюции по докладу об итогах выполнения промышленно-финансового плана содержалось требование «добиться в самый кратчайший срок таких темпов в работе, которые обеспечили бы ликвидацию прорывов (невыполнения. — Ю. Т.) и перевыполнения промфинпланов текущего года»¹⁴. Необходимое условие успеха — «решительная борьба за генеральную линию партии».

По поводу работы в деревне собравшимся было предложено «форсировать работу по коллективизации сельского хозяйства, не допуская методов администрирования». Непосильная задача выпала 18 сельским партийным ячейкам района, в которых состояло 163 члена и 110 кандидатов. По району в августе 1930 г. кооперация охватила 898 крестьянских хозяйств, что составило лишь 5,5% от их общего числа. Примечательно, что более половины из них — коммуны, наименее привлекательные для основной массы крестьянства.

Пролетарскому поэту Д. Бедному, командированному в Вятку ЦК партии по просьбе ее партийного руководства в начале 1930 г., картина виделась иначе: «... я не вижу здесь фанатиков нового строительства, которые желали бы похвалиться своими достижениями, я вижу пьяную, богомольную Вятку, справляющую звериным пьянством старый рождественский сочельник». Секретарь окружкома и председатель окрисполкома произвели на Бедного «отвратное впечатление всей своей изворотливой, не прямой, несвойственной хорошему большевику манерой говорить. Очень симпатичен председатель контрольной комиссии»¹⁵.

После завершения партконференции партийная работа закипела: во все инстанции были направлены директивы о необходимости 100-процентного выполнения промфинпланов и плана хлебозаготовок, о перестройке работы на ударные рельсы, о борьбе с правым и левым уклонами, о развертывании социалистического соревнования и т. д. Местному отделу ОГПУ были даны соответствующие указания.

Особую роль стали играть инструкторы городского райкома, направляемые для проверки работы конкретной партийной ячейки. На заседании городского райкома заслушивались отчеты ячеек, парткомов предприятий, доклады инструкторов и принимались решительные меры по выполнению партийных директив. Партийные собрания предприятий принимали жесткие резолюции по результатам проверки партийной и хозяйственной работы¹⁶.

Для выполнения партийных директив были созданы чрезвычайные органы: «тройки» и специальные комиссии. «Чрезвычайная тройка

по проведению штурма и ликвидации прорывов в промышленности», образованная по решению ГРК осенью 1930 г., направляла специальные бригады на предприятия и в цеха, где проверяла состояние выполнения планов. Специальная тройка под председательством члена бюро ГРК Николая Павлычева занималась выселением кулаков.

20 сентября 1930 г. секретариат нижегородского крайкома констатировал «крайне неудовлетворительную работу Вятской организации в деле роста и регулирования состава парторганизации...» Предлагалось «развернуть широкую массовую работу по вовлечению в партию лучших рабочих-ударников, обеспечить перевод рабочих из кандидатов в члены партии с таким расчетом, чтобы к 1 декабря в организации было не менее 70% действительных членов партии...» Выполняя решение крайкома, ГРК направил в промышленные ячейки города соответствующие директивы. Так, парторганизации машиностроительного завода было предписано к 1 декабря текущего года «добиться повышения партийной прослойки в целом по заводу, а рабочих от станка — до 80%»¹⁷.

Выполняя директиву крайкома партии по проведению массовой коллективизации, Пленум ГРК (октябрь 1930 г.) обязал «всю районную организацию немедленно обеспечить и добиться решительного перелома в деле организации нового мощного подъема колхозного движения...» К концу 1931 г. коллективизация должна была охватить 25% крестьянских хозяйств. По постановлению нижегородского крайкома партии от 24 апреля 1931 г., было осуществлено перераспределение партийных сил: «...в райцентрах обеспечить партийное руководство в целом, основную же массу партийцев передвинуть на работу в село, деревню»¹⁸. Позднее ответственный секретарь нижегородского крайкома партии Жданов, выступая с отчетом на IV краевой партконференции (1934 г.), докладывал: «Наша парторганизация исходила в своей деятельности из того, что если ты коммунист — вмешивайся во все, входи во все мелочи, овладевай техникой сельскохозяйственного производства»¹⁹.

В апреле 1931 г. во временном положении о парткомах при совхозах, МТС и колхозах содержалась директива: «... следить за тем, чтобы коммунисты и комсомольцы действительно являлись организаторами и руководителями внедрения социалистических форм труда, требовать от каждого коммуниста и комсомольца обязательного участия в социалистическом соревновании и ударном труде...»²⁰

ГРК требовал и сам неукоснительно выполнял партийные директивы. Так, на заседании особой тройки при ГРК 23 июля 1931 г. директива нижегородского крайкома партии о выселении семейств кулаков была «принята к сведению и руководству». На том же заседании был утвержден список из 47 фамилий, определен срок выселения — ко 2—3 августа. Спустя два дня очередное заседание тройки утвердило выселение уже 114 семей²¹.

Осенью 1931 г. ГРК разослал всем парторганизациям циркуляр, в котором речь шла о подготовке к празднованию XIV годовщины Октября. В нем предписывалось организовать «сплошной штурм прорывов как на производстве, так и в сельском хозяйстве, 100% участие коммунистов в социалистическом соревновании и ударном труде». В

день празднования революции должна быть обеспечена «наибольшая явка на торжественные заседания и 100% явка на демонстрацию»²².

Одновременно принимались решительные меры по борьбе с уклонами в партии. Так, 16 ноября 1930 г. на закрытом партийном собрании шубно-овчинного завода № 3 отмечалась необходимость «жестоким расправы с язвой правого и левого оппортунизма, проявляющегося во всех формах у отдельных личностей в нашей парторганизации: Пашкин говорил о невозможности выполнения промфинплана, Пантелеев во время месячника штурма промфинплана прогулял, Нелюбин, Плотников и другие... выступали против непосильных налогов, Рублёв отказался от работы... в дни Октября, не принимал организованного участия в демонстрации, посвященной 13 годовщине Октября». 28 ноября на закрытом собрании совпартшколы «правый уклонист» Новиков распределял товары не среди батраков, а среди других категорий крестьян. Он же говорил, что Пётр I лучше, чем Ленин, а Питер не надо было переименовывать в Ленинград»²³. По мнению П.Н. Шарабарова, «большинство коммунистов, уличенных в партийной документации в “правом уклоне”, формально не причисляли себя к какой-либо оппозиции»²⁴. Среди партийцев складывалось представление о том, что любое высказывание или поступок может быть истолкован партийным руководством как проявление правого уклона. Характерно в этой связи высказывание студента местного пединститута, коммуниста Багаева: «Партия состоит из двух этажей: партактив и масса; партийная масса — стадо баранов. Одни члены партии голосуют единодушно из-за боязни, чтобы им не приписали правый уклон. Другие просто трусят и выжидают благоприятного момента. Те же, кто борется за генеральную линию партии — просто карьеристы»²⁵.

В 1932 — первой половине 1933 г. ценой огромных усилий основную массу крестьянства удалось объединить в колхозы. Однако аппарат колхозов страдал от «засоренности враждебными элементами». Постановлением ГРК от 26 мая 1933 г. создавалась специальная комиссия под председательством К.А. Налоева, призванная провести тотальную чистку колхозной администрации. В постановлении определялись жесткие временные рамки: с 3 июня по 10 июля²⁶.

Широко применялись судебные меры. Так, для выполнения плана весеннего сева бюро ГРК 24 апреля 1931 г. предписало «дать твердые задания кулацко-зажиточной части населения. При невыполнении с их стороны — привлечь к судебной ответственности»²⁷.

Для претворения в жизнь столь масштабных решений крайкома требовались «стальные» партработники. Посланец Нижнего Николай Павлычев в течение 1921—1931 гг. выполнял многочисленные партийные поручения: руководил оперативно-разведывательным штабом ЧОН Приволжского военного округа, партийными и профсоюзными органами в Нижнем Новгороде. О нем известно немного: 1901 г. рождения, член партии с 1920 г., рабочий по происхождению, по профессии — кондитер, в 1919—1924 гг. служил в РККА²⁸.

Вокруг Павлычева, ставшего ответственным секретарем ГРК партии 6 апреля 1931 г., сплотилась группа активных единомышленников: секретарь контрольной комиссии ГРК партии Налоев, член бюро ГРК В.В. Шмидт, заведующий организационным отделом ГРК

А.В. Перминов, редактор «Вятской правды» Кропачёв, ответственный секретарь ГРК ВЛКСМ Пахомов, ответственный работник ГРК комсомола Пронкуль. На советских и хозяйственных должностях также были расставлены единомышленники: директор спиртоводочного завода Прокашев и другие. До мая 1931 г. местное отделение ОГПУ возглавлял Иосиф Тарашкевич, по словам Павлычева, «стойкий большевик-чекист, чрезвычайно отзывчивый и чуткий товарищ». В идеологическом отношении — «вполне выдержанный, дисциплинированный коммунист, твердо проводящий генеральную линию партии». Благодаря таким качествам он стал членом бюро ГРК партии. Заметим, что Иосиф Тарашкевич к этому времени имел уже богатую чекистскую биографию, к сожалению, пока еще не написанную²⁹.

Их (и не только) героическими усилиями Вятский район добился в начале 1933 г. впечатляющих результатов: за 10 месяцев рост валовой промышленной продукции составил 12%, план выпуска военной продукции был выполнен вовремя. Выполнены задания по севу, хлебозаготовкам, экспорту продукции, финансам, товарообороту, лесосплаву, по подготовке школы к новому учебному году и т.д.³⁰ Заведующий орготделом ГРК партии Ф.Д. Мелкишев в январе 1933 г. рапортовал: «Практика работы за эти 4 года показала, что большевики Вятки в борьбе против оппортунизма... оказались одними из первых отрядов ленинской партии, одержав победы на всех фронтах хозяйственного и культурного строительства, на деле доказав реальность пятилетки»³¹.

Однако реальная картина была несколько иной. Так, в мае 1933 г. ГРК получил информацию об ухудшении политической ситуации на заводе им. Коминтерна. Сразу же была проведена проверка, и 19 мая созвано объединенное заседание ГРК и контрольной комиссии. Выяснилась неприглядная картина: технический директор завода Зандер отстаивал точку зрения о «нереальности промфинплана». Ряд коммунистов «впали в панику», а отдельные партийные звенья допустили «оппортунистический самотек». ГРК «предложил парткому комбината принять меры к 100% охвату ударным трудом коммунистов и комсомольцев». Секретаря парткома Егорова сняли с работы, а Зандера не только исключили из партии, но и отдали под суд³².

Ситуация по городскому району к октябрю 1933 г. ухудшилась: промфинплан девяти месяцев удалось выполнить только на 91,55%. По этому поводу «Вятская правда» писала: «От пьяного, разложившегося руководства в лице Налоева ничего хорошего нельзя было и ожидать»³³.

Выполнение чрезвычайных заданий не могло не привести к возникновению в рамках городской районной организации ненормальной обстановки: ее руководство не просто почувствовало власть, оно упивалось ею. А Павлычев, имевший могущественного покровителя в лице ответственного секретаря нижегородского комитета партии Жданова, чувствовал себя комфортно. Тех, кто критиковал политику руководства, ждали жесткие меры. Так, М.Г. Петровская на ноябрьском (1933 г.) Пленуме ГРК сообщала: «На предыдущем Пленуме мне не дали выступить, нашелся Павлычев и стал меня запугивать... Рядовых коммунистов заставляли быть лакеями». Говоря о роли партийного актива, она сокрушалась: «У нас есть не актив, а тусы. Некото-

рые боятся, а кто любит только пошущукать...» По словам члена партактива ГРК Головина, «в горьком партии и горсовете люди делятся на надежных и ненадежных. Ненадежных ничего не информируют»³⁴. Вероятно, речь идет о тех, кто входит в круг руководства ГРК и тех, кто в него не допущен.

И.В. Сталин еще в апреле 1923 г. сформулировал основные требования к номенклатуре: это должны были быть «... люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь»³⁵. Это, прежде всего, интересовало партийные верхи, а не интеллектуальные, художественные или морально-этические качества людей. Вспомним так же сообщение Н. Валентинова (Вольского) о высказывании В.И. Ленина о поведении члена партии Виктора Таратуты³⁶.

Чрезвычайщина приводила также к переутомлению, раздражительности, нервным срывам, постоянному стрессу, бытовому и моральному разложению и, как результат, снижению деловой активности. В ГРК партии, в руководстве комсомола, в ряде партийных и комсомольских комитетов получило распространение «систематическое пьянство». Позднее сам Павлычев был вынужден признаться: «...я сам и небольшая группа руководящих работников систематически выпивали у меня на квартире... Я сам несколько раз бывал у Шмидта, Налоева, Перминова...» В доме отдыха партийных работников ГРК в день выпивалось по 8—10 ведер пива³⁷.

Местный спиртоводочный завод превратился в «источник снабжения спиртом некоторых активистов». Позднее там были вскрыты факты «полного разложения партийного, хозяйственного и профсоюзного руководства, систематическое пьянство руководителей и части коммунистов, массовое расхищение социалистической собственности, организованный зажим критики, семейственность, круговая порука...»³⁸

Сходная ситуация была зафиксирована в партийных организациях Вятского объединения Горьковского треста хлебопечения и машиностроительного завода³⁹.

Чрезвычайные условия способствовали разложению и карательных органов. 9—10 марта 1933 г. выездное заседание партколлегии краевой контрольной комиссии партии рассмотрело «дело» бывших руководящих работников вятского оперативного сектора ОГПУ: бывшего начальника Г.В. Астрова-Ширпанова, его помощника В.Т. Мурдасова, начальников отделов Ф.С. Данилова, П.И. Петухова, В.Т. Зубкова, секретаря оперсектора Н.М. Двоглазова и некоторых других. Они «скатились на путь спекуляции, разбазаривания ценностей спортивного общества “Динамо” и кооператива сотрудников оперсектора, широкого самоснабжения...» Все эти сотрудники состояли в ВКП(б), а Данилов, кроме того, являлся секретарем парторганизации оперативного сектора. Участники партсобраний оперативного сектора, состоявшегося 3 марта, признали, что «многие члены партии видели безобразия и преступления ответственных работников, но выступать боялись... Говорить было нельзя, свирепствовал зажим критики... В организации (ячейке ВКП(б). — Ю.Т.) было подхалимство... Члены бюро ячейки знали обо всех безобразиях, но молчали». Давая оценку этому «делу», президиум краевой КК подчеркивал: бюро и

президиум вятской городской КК «не принял необходимых мер по решительной борьбе со злоупотреблениями, творившимися в оперсекторе»⁴⁰.

9 мая 1933 г. ЦКК партии рассмотрела персональные дела Василия Мурдасова и Георгия Астрова-Ширпанова⁴¹, предписав краевой КК провести «строжайшее расследование роли в этом деле вятской партийной организации...» и отчитаться об этом. К сожалению, детали проведенного расследования остались неизвестны. Позднее, Александр Перминов рассказал, что Павлычев вызывал Астрова-Ширпанова на заседание бюро, но тот не являлся, ссылаясь на свою болезнь⁴². Фактически прекратила работу ячейка транспортного отдела ОГПУ ст. Вятка-1⁴³.

Причиной «болезненных явлений» послужила не только обстановка чрезвычайщины, но и формирование системы привилегий для номенклатуры. Еще в 1931 г. для руководства местной политической элиты была создана система «закрытых распределителей для получения продовольствия, питания и промтоваров». Работники одного из спецмагазинов рассказывали: «... все члены и сотрудники ГРК партии брали не по нормам, а по потребностям (как при коммунизме. — Ю.Т.), то есть столько, сколько надо: масла, сахара, белой муки и т.д. Брали в долг, деньги платили не сразу, а когда им вздумается. Привезли однажды из горфо (городского финотдела. — Ю.Т.) всякие вещи и раздавали их между членами горрайпо и горсовета...»⁴⁴ Между тем, в стране существовала карточная система, в городе выстраивались очереди за товарами, катастрофически не хватало питьевой воды.

Большое влияние в городе приобрел начальник вятского городского торгового отдела (ГОРТ) исполкома Вятского горсовета Н.И. Новиков, член партии с 1918 г., получивший лишь начальное образование. Имея покровителей в руководстве ГРК, прежде всего в лице Мелкишева и Налоева, он вел себя очень вызывающе, злоупотреблял служебным положением, пьянствовал. 15 февраля 1933 г. временно исполнявший обязанности начальника оперсектора ОГПУ П.С. Сиротин информировал: «Директор ГОРТа Новиков и его помощник Журавлёв мало интересуются работой и руководством, большое внимание уделяют самоснабжению и выпивке. Есть случаи получения товаров из магазинов в кредит...»⁴⁵ Обсудив поведение Новикова, контрольная комиссия ГРК на закрытом заседании постановила: Новикова из партии исключить на 1 год⁴⁶. В конце 1933 г. его должны были отдать под суд, но предупрежденный об опасности инструктором орготдела ГРК Красных, он скрылся⁴⁷. О том, что у Новикова были покровители в ГРК, свидетельствует и участник совещания партактива ГРК Половников⁴⁸.

Имели партийные и советские руководители Вятки и привилегии особого рода. Заведующий городским здравотделом создал золотой фонд, откуда металл, по заключению местного ОГПУ, незаконно расходовался на «изготовление золотых зубов и коронок различным лицам: ответственным работникам, различным служащим и женам ответственных работников. Всего за 1933 г. изготовлено 126 литков и 144 коронки...»⁴⁹.

Осенью 1933 г. информация о разложении Вятского ГРК партии поступила в крайком партии. На сей раз это были «сигналы членов

партии», которые следили за ответственными работниками. 22 октября 1933 г. бюро крайкома партии и президиума КК, заслушав поступившую информацию, констатировало: руководство вятской парторганизации «не приняло всех необходимых мер по преодолению болезненных явлений, не извлекло необходимых уроков из дела оперсектора ОГПУ»⁵⁰. Было предложено: Павлычева снять с работы и отозвать из Вятки, Налоеву и Шмидту объявить выговор. Для выяснения всех обстоятельств дела было решено направить специальную комиссию во главе с заведующим орготделом крайкома партии Захаром Хаймсом.

На созванном им 28 ноября пленуме ГРК обсуждался вопрос о разложении ГРК, и было высказано много критических замечаний. По мнению редактора «Вятской правды» Кропачева, в ГРК «слишком много бездушия, мало самокритики. Система руководства основана на администрировании, компанействе». «Дедушка» вятских большевиков Иван Деришев видел главную беду в том, что в организации «плохой подбор секретарей». Представитель ЦК ВКП(б) Полонский предостерег местных большевиков: «Сама Вятка, как торговый город, предрасположена к разложению. Сейчас самое опасное — загнивание руководства парторганизации... Классовому врагу вовсе не следует выступать с правым и левым уклоном, он уцепится за разложение в быту и поведет за собой все дело...»⁵¹

29 ноября 1933 г. состоялось совещание аппарата горрайкома ВКП(б), на котором стали известны новые подробности. Многие выступившие подчеркивали, что в работе ГРК «критика отсутствует, господствует голое администрирование и запугивание». На партийном активе в клубе Д. Бедного Перминов «грозил отдельным коммунистам-руководителям: “я вас посажу в автомобиль и отвезу в контрольную комиссию”». Тогда же Перминов признался в ряде ошибок и проступков, в частности в том, что «будучи прикрепленным к комсомолу, не контролировал его работу»⁵².

10 декабря 1933 г. на объединенном заседании бюро крайкома и президиума краевой контрольной комиссии обсуждалась информация комиссии Хаймса, объяснения руководящих работников Вятки. В постановлении констатировался факт разложения Вятского ГРК и необходимость принятия срочных мер. Ждановым события в ВРК были квалифицированы как «семейственность, круговая порука на почве систематической пьянки, что привело к зажиму самокритики, потере партийного лица, притуплению классовой бдительности и чутья... и, как следствие этого, — провал отдельных отраслей работы и отрыв партийного руководства от партийных организаций и масс...»⁵³

На заседании были также приняты оргвыводы в отношении ГРК: руководство парткома и контрольной комиссии распустить и рассмотреть персональные дела Павлычева и Налоева. По словам Жданова, «нельзя Павлычева считать мелкобуржуазным перерожденцем. Этого нет... Он не перестал быть пролетарием и коммунистом-революционером». Павлычева из партии исключить, но «использовать на работе под контролем одной из партийных организаций на производстве. Если он исправится, то дать ему право... ходатайствовать о вступлении в партию». Налоеву не повезло. По словам Жданова, «он мне больше не нравится. Чем дальше, тем нахальнее врет»⁵⁴.

Политическую оценку выявленным фактам дал состоявшийся 16 декабря 1933 г. внеочередной пленум Вятского ГРК с участием секретаря крайкома Абрама Столяра и представителя краевой КК Хромова. С докладом «О положении в Вятской партийной организации» выступил Столяр. На фоне «огромных побед и завоеваний Горьковского края» положение в Вятке он назвал «прорывом», обусловленным «провалом партийного руководства» со стороны Вятского ГРК ⁵⁵.

На следующий день Хромов сообщил участникам пленума о том, что «... все виновные никак не хотели сознаться в совершенных преступлениях, и только при сильном нажиме и очных ставках удалось выяснить правду... Партийные суммы расходовались бесконтрольно и незаконно...» ⁵⁶ Кроме того, контролирующие органы вскрыли целый букет «болезней»: «круговая порука, семейственность, разложение руководства, зажим критики, потеря партийного лица, притупление партийного чутья и классовой бдительности у руководителей. Вследствие этого — отрыв партии от рабочих масс...» Пленум признал, что «разложение не было вскрыто самой организацией...» и тем самым указал на ее «нездоровое» состояние. Пленум утвердил партийную «тройку» в составе председателя Бригмана и членов Калнина и Земцовой для «разбора материалов на работников вятской организации». После продолжительных прений было вынесено постановление: вывести из состава пленума Павлычева и Пахомова и поставить вопрос о членстве в бюро Перминова, Н.И. Соломина, А.Н. Леушиной, В.В. Шмидта, Салтыкова, Ситникова и Забазнева ⁵⁷.

24 декабря на пленуме Вятского горсовета также были сделаны оргвыводы: из состава президиума были исключены Шмидт, Бронштейн, Новосёлов, Салтыков ⁵⁸.

По решению крайкома, бюро вятского ГРК и президиум контрольной комиссии были распущены, Павлычев и Налоев из партии исключены. Председателя Вятского горсовета Шмидта, получившего строгий выговор, направили в Кай, где он в течение года руководил фосфоритным рудником ⁵⁹.

Процесс разложения коснулся и руководства вятского комсомола. В решении бюро ГРК партии от 29 ноября 1933 г. констатировалось: «... Установлено, что группа работников ГРК комсомола, возглавляемая Пахомовым (ответственным секретарем ГРК комсомола. — Ю.Т.), систематически пьянствовала, вовлекала в пьянки комсомольский и пионерский актив, занимаясь незаконным получением средств от различных организаций, расходовала их на попойки...» Летом комсомольские начальники выезжали в пионерский лагерь и «перепивались до того, что поднимали стрельбу друг в друга...» ⁶⁰. ГРК комсомола «скрывал и замазывал массовую утечку комсомольцев из организации, сообщал крайкому комсомола заведомо ложные сведения о количественном составе комсомольской организации». Пахомов имел надежных покровителей в крайкоме комсомола. Секретарь крайкома комсомола Ковалёв и член бюро крайкома Самсонов «узкому кругу актива комсомола» Вятки «неоднократно заявляли, что если кто попытается посягнуть на авторитет Пахомова, то тому крайком “свернет голову”» ⁶¹.

Член бюро ГРК партии Перминов, получив материал о положении в комсомольской организации, «не поставил немедленно вопрос

на бюро, а передал в комиссию оргбюро, которая не справилась со своей задачей»⁶². Бюро Вятского ГРК 29 ноября 1933 г. постановило: распустить бюро ГРК комсомола, исключить из партии Пахомова, Пронкуль, поручить прокуратуре провести дополнительное расследование в отношении других партийцев, работавших в комсомоле.

«Вятская правда» во второй половине декабря 1933 г. писала о разложении партийных ячеек в Кстинино, Медянах, лесопристанях Вятки⁶³. Громким было расследование деятельности партийной ячейки спиртоводочного завода: директора Прокашева и его заместителя Булдакова, секретаря ячейки Бусоргина и помощника директора Ардашева исключили из партии и отдали под суд, а бюро ячейки — распустили⁶⁴. Партийная организация машиностроительного завода Вятки «в целом не справилась с поставленными задачами», а завод систематически не выполнял промфинплан. В руководстве завода утвердилась «семейственность и пьянка»⁶⁵.

Новое руководство ГРК во главе с А.А. Бобковым «проявило большую энергию и настойчивость в решении хозяйственных и политических задач»⁶⁶. В частности, в 1934 г. на основании Постановления ЦК партии от 7 мая 1934 г., была проведена чистка партийных рядов «от случайных и чуждых делу социализма элементов».

Бюро горьковского крайкома партии на заседании 29 января 1933 г. констатировало «разбухание» состава Кулебакской районной парторганизации, «засорение ее чуждыми и неустойчивыми элементами». Подобные кризисные события отмечались в Чагинской, Ардатовской и Спасской районных и некоторых других партийных организациях. В Удмуртской областной организации «группа членов бюро обкома во главе с секретарем обкома Темкиным... втянула организацию в склоку»⁶⁷.

Разложение руководства Вятского горрайкома явилось следствием проводимого ЦК ВКП (б) и обкома партии курса на радикальную ломку общественных отношений и форсированную индустриализацию, когда не выдерживали не только машины, но и люди. Огромная власть в руках партийных комитетов при отсутствии демократии, низкий политический и культурный уровень обусловили бесконтрольность и вседозволенность, породившие все те факты, которые и составили существо партийного разложения Вятского ГРК. Развертывание «большевистской самокритики», о которой постоянно говорили большевистские руководители, ничего не могло изменить. Партийные функционеры, практически не имевшие отпусков, вынужденные совмещать несколько должностей, отвечавшие головой за масштабные проекты, оказывались в состоянии перманентного психологического стресса, снимать который русский человек привык с помощью алкоголя.

Примечания

1. ИВАНЦОВ И.Г. Деятельность партийно-государственного контроля ВКП(б) по пресечению коррупции и злоупотреблений в сфере экономики (20-е — начало 30-х гг. XX в.). — Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010, № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-partiyno->

- gosudarstvennogo-Kontrolya-vkp-b-po-presecheniyu-korrupsii-i-zloupotrebleniy-v-sfere-ekonomiki-20-t-nach-30-y-gg-xx-v.
2. ХЛЕВНЮК О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М. 1996; КОЛДУШКО А.А. Процессы инкорпорации и экскорпорации партийной номенклатуры в 1920-х — 1930-х гг. (на примере Свердловской обл.). — Власть. 2012, № 3. URL://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-inkorporatsii-i-ekskorporatsii-partiynoy-nomenklatury-v-1920-h-1930-h-gg-na-primere-verdlovskoy-obl; ТЮРИН А.О. Социально-политический контроль в партийных организациях ВКП(б) советской провинции в конце 1920-х — 1930-е гг. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. — Вопросы теории и практики. 2014, № 11-1 (49). URL:http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskij-kontrol-v-partiynyh-organizatsiyah-vkp-b-sovetskoy-provintsii-v-kontse-1920-h-1930-e-gg.
 3. ШАРАБАРОВ П.Н. «Правый уклон» в вятской окружной организации ВКП(б) в контексте внутривластной борьбы по проблемам коллективизации. — Вестник ЧелГУ. 2009, № 37. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/pravyu-uklon-v-vyatskoy-okruzhnoy-organizatsii-vkp-b-v-kontekste-vnutripartiynoy-borby-po-probleмам-kollektivizatsii
 4. ДИАНОВ С.А. Повседневная жизнь партийной организации Свердловского обли-та в 1930-е гг. — Вестник Томского гос. университета. История. 2011, № 3 (15). URL://cyberleninka. ru/article/n/povsednevnyaya/zhizn-partiynoy-organizatsii-verdlovskogo-oblita-v-1930-e-gg.
 5. Нижегородская область: краткая характеристика. Нижний Новгород. 1929, с. 3, 4.
 6. Там же, с. 5.
 7. ЗАГАЙНОВА Е.Н. Так создавался район. http://www.gmvc.ru/istoriya-kirovo-chereszko-gajona.
 8. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), ф.100, оп. 1, д. 3, л. 4об.
 9. По роду занятий рабочие составляли лишь 53,5%, или 2140 человек. Во главе Вятского горсовета в 1932—1933 гг. как раз стоял «рабочий», член бюро ГРК партии В.В. Шмидт, который был таковым по роду занятий лишь в годы своей юности.
 10. ГАСПИ КО, ф.100, оп. 1, д. 3, л. 2.
 11. Там же, л. 1об., 5.
 12. Там же, л. 10.
 13. Там же, л. 9.
 14. Там же, л. 23, 28.
 15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 558, оп. 11, д. 701, л. 50, 51.
 16. ГАСПИ КО, ф.100, оп. 2, д. 19, л.72, 152.
 17. Там же, оп. 1, д. 26а, л. 16, 18.
 18. Там же, оп. 2, д. 1а, л. 72.
 19. ЖДАНОВ А.А. Отчет крайкома ВКП (б) IV Горьковской краевой конференции. Горький. 1934, с. 27.
 20. ГАСПИ КО, ф. 100, оп. 2, д. 19, л. 53об.
 21. Там же, д. 14а, л. 33—37.
 22. Там же, д. 4, л. 25об.
 23. Там же, оп. 1, д. 19, л. 72; д. 24, л. 50.
 24. ШАРАБАРОВ П. Н. «Правый уклон» в вятской окружной организации ВКП(б) в контексте внутривластной борьбы по проблемам коллективизации. — Вестник ЧелГУ. 2009, № 37.
 25. ГАСПИ КО, ф. 100, оп. 2, д. 28, л. 27.
 26. Там же, оп. 4, д. 45, л. 39.
 27. Там же, оп. 2, д. 10, л. 36.
 28. Там же, оп. 3, д. 8, л. 1.
 29. Иосиф Тарашкевич с 1915 по 1918 г. служил в царской армии, с 1918 г. — в ЧК-ОГПУ-НКВД. Умер в 1950 году.
 30. ГАСПИ КО, ф. 100, оп. 4, д. 48, л. 86.
 31. Там же, д. 19, л. 1.

32. Там же, д. 45, л. 36, 37.
33. Вятская правда. 18.XII.1933.
34. ГАСПИ КО, ф. 100, оп. 4, д. 5, л. 106; д. 19, л. 112.
35. СТАЛИН И.В. Сочинения. Т. 5. М. 1947, с. 210.
36. ВАЛЕНТИНОВ Н. Недорисованный портрет. М. 1993, с. 304.
37. ГАСПИ КО, ф.100, оп. 4, д. 48, л. 84об.
38. Там же, д. 45, л. 137.
39. Там же, д. 30, л. 88.
40. Там же, д. 46, л. 34.
41. В дальнейшей судьбе Г.В. Астрова-Ширпанова есть один любопытный эпизод. Военным трибуналом Московского округа внутренних войск НКВД 7—9 апреля 1939 г. он был осужден по ст. ст. 58-7-10-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы, с заменой на нахождение в лагере. Он обвинялся в том, что «находясь на оперативной работе в ГУЛАГе, тормозил выявление антисоветских элементов и путем ослабления дисциплины разлагал чекистский аппарат». Реабилитирован в 1955 г., с освобождением из ссылки. // [http:// vizs.nlr.ru/img/pages/solovki/solovki.pdf](http://vizs.nlr.ru/img/pages/solovki/solovki.pdf).
42. ГАСПИ КО, ф. 100, оп. 4, д. 19, л. 110об.
43. Там же, ф. 99, оп. 5, д. 5, л. 70.
44. Там же, ф.100, оп. 4, д. 45, л. 102об., 103.
45. Там же, ф. 99, оп. 5, д. 13, л. 20.
46. Там же, д. 3, л. 129.
47. Там же, д. 1, л. 99.
48. Там же, ф.100, оп. 4, д.19, л. 112об.
49. Там же, д. 48, л. 12.
50. Там же, ф. 99, оп. 5, д. 11, л. 33.
51. Там же, ф.100, оп. 4, д. 48, л. 12.
52. Там же, д.19, л. 109, 111.
53. Там же, д. 48, л. 5.
54. Там же, л. 6, 12.
55. Там же, л. 104об.
56. Там же, д. 45, л. 110.
57. Вятская правда. 17.XII.1933.
58. Там же. 26.XII.1933.
59. ГАСПИ КО, ф.100, оп. 4, д. 48, л. 5.
60. Там же, д. 45, л.132.
61. Там же, д. 7, л. 197; д. 48, л. 11.
62. Там же, д. 7, л. 197об.
63. Вятская правда. 14, 24, 28.XII.1933.
64. Там же. 21.XII.1933.
65. ГАСПИ КО, ф.100, оп. 4, д. 45, л. 118.
66. Очерки истории Кировской областной организации КПСС. Ч. 2. Горький. 1969, с. 219—220.
67. ГАСПИ КО, ф.100, оп. 4, д. 1, л. 47; д. 11, л. 4.

Влияние Октябрьской революции 1917 г. на хозяйство, быт и культуру народов Дагестана

Р.И. Сефербеков, О.Б. Халидова

Аннотация. С Октябрьской революцией 1917 г. и установлением советской власти связаны процессы трансформации и модернизации быта и культуры народов Дагестана. Авторы пришли к выводу, что происходившие в России за последние 100 лет революционные и эволюционные процессы прямо или косвенно отразились на элементах быта и культуры дагестанцев, полностью или частично видоизменив их. Несмотря на интенсивное внедрение инноваций в советское и, особенно в постсоветское время, современное городское и сельское население Дагестана продолжает сохранять многие компоненты своей традиционной бытовой культуры.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г., модернизация, быт и культура, народы Дагестана, советский период.

Abstract. According to the authors of the report, the processes of transformation and modernization of the way of life and culture of the peoples of Dagestan are connected with the Russian October Revolution of 1917 and with the establishment of Soviet power. The authors came to the conclusion that the revolutionary and evolutionary processes that took place in Russia over the past 100 years directly or indirectly affected the elements of everyday life and culture of Dagestanis, completely or partially altering them. Despite the intensive introduction of innovations in the Soviet and, especially in post-Soviet times, the modern urban and especially rural population of Dagestan continues to preserve many components of its traditional domestic culture.

Key words: October Revolution of 1917, modernization, way of life and culture, peoples of Dagestan, the soviet period.

Октябрьская революция 1917 г. в России и последовавшие за ней гражданская война и военная интервенция привели к установлению в 1920 г. советской власти в Дагестане.

Сефербеков Руслан Ибрагимович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра (ДНЦ) РАН. Махачкала. E-mail: 79034779866@yandex.ru; *Халидова Ольга Борисовна* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала. E-mail: o.khalidova2011@mail.ru.

Seferbekov Ruslan I. — doctor of historical sciences, leading researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography. Dagestan Scientific Center RAS. Makhachkala. E-mail: 79034779866@yandex.ru; *Khalidova Olga B.* — candidate of historical sciences, researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center RAS. Makhachkala. E-mail: o.khalidova2011@mail.ru.

Как указывает Ю.А. Анчабадзе, «в истории Кавказа имели место, по крайней мере, два периода модернизационных трансформаций. Присоединение края к России дало мощный толчок к всесторонним инфраструктурным изменениям материальной и духовной культуры его народов, вовлечению их в европейский вектор цивилизационного развития. Второй период модернизационных трансформаций связан с периодом советских реформ 1920—1930-х и последующих годов, изменивших социально-экономическую и духовно-идеологическую природу кавказских социумов. Многие считают, что сегодня Кавказ переживает третий этап модернизации, связанный с развивающимися в планетарном масштабе процессами глобализации, информационной открытости и транскультурных взаимодействий»¹.

Анализ трансформаций, произошедших в быту и культуре народов Дагестана за 74 года советской власти, позволяет сделать определенные выводы и обобщения. Что касается развития бытовой культуры дагестанцев, то здесь можно выделить три этапа ее трансформации.

Первый этап — до конца 1930-х гг. — время, когда весь уклад общественной жизни в основном сохранял традиционные черты. Однако уже с 1920-х гг. начались преобразования в формах общественного производства, хозяйственных занятиях и жизни дагестанцев. Исторически это было связано с индустриальным развитием Дагестана, решением аграрного вопроса (земельно-водной реформой, коллективизацией крестьянских хозяйств, созданием совхозов), изменениями в сфере образования, науки и культуры.

Второй этап выпадает на предвоенные и послевоенные годы — период интенсивной ломки традиционного быта. Особенно сильное влияние на эти процессы оказали прибывшие в Дагестан русские специалисты². Изменялось социальное положение женщин, они вовлекались в общественное производство, рос образовательный уровень сельского населения, формировалась местная интеллигенция, выстраивались новые государственно-религиозные отношения.

Третий этап охватывает вторую половину 1960-х — начало 1990-х годов. В это время складывались основные черты современной бытовой культуры народов Дагестана при значительном сохранении традиций. Именно со второй половины 1960-х гг. начали происходить важные события, повлиявшие на все стороны жизни дагестанцев и изменившие социальный облик села³. Одной из причин этого явления стало планомерное переселение жителей селений Дагестана с гор на равнину. Только в 1964 г. большое число хозяйств переместилось в Табасаранский, Кайтагский, Касумкентский, Сулейман-Стальский, Агульский, Докузпаринский, Ахтынский районы⁴.

С начала 1970-х гг. изменения приобрели лавинообразный характер. Так, например, большинство колхозов преобразовывалось в совхозы. Этот процесс проходил достаточно сложно. Среди трудностей можно назвать и отсутствие благоустроенного жилья для специалистов, и нехватку помещений для содержания крупного рогатого скота, отвечавших зоотехническим требованиям, и многие другие факторы⁵. Усиление коммуникативных связей, рост числа сельской молодежи, обучавшейся в вузах, внедрение в сельский быт городских стандартов жизни также являлись показателем перемен.

Подобные процессы в своей совокупности привели к количественным и качественным изменениям в структуре сельского и городского населения Дагестана.

Основной целью данного исследования является выявление влияния связанных с революцией 1917 г. модернизационных и трансформационных процессов на хозяйственные занятия, быт и культуру народов Дагестана в советское время, а также анализ и фиксация их результатов.

Традиционными отраслями хозяйства дагестанцев были земледелие и скотоводство, промыслы и ремесла. Изменения, произошедшие в формах хозяйствования в советское время, были связаны с коллективизацией крестьянских хозяйств и обобществлением сельскохозяйственного производства. Отметим, что в Дагестане колхозное строительство продвигалось очень тяжело. Колхозы быстро организовывались, но также быстро и незаметно ликвидировались. Большая часть из них представляла собой артели по совместной обработке земли. До 1928 г. по Дагестану в Наркомземе было зарегистрировано 189 колхозов. Однако отсутствие надлежащего руководства и поддержки не давало им возможности справиться со всеми трудностями борьбы за свое существование, что вело к их распаду. «Живых» колхозов насчитывалось всего 87 ⁶.

В постсоветский период, в условиях перехода к рыночной экономике в качестве первоочередных задач были названы реорганизация колхозов и совхозов, ускоренная приватизация государственной собственности, развитие предпринимательства, создание условий для привлечения в сельское хозяйство иностранных инвестиций. Аграрная реформа в России предусматривала комплексное переустройство агропромышленного производства, многоукладность сельского хозяйства, многообразие форм собственности на землю и средства производства, государственный протекционизм в регулировании развития агропромышленного комплекса, его технико-технологическое переоснащение, развитие кооперации и интеграции. Однако количественные изменения, рост числа фермерских хозяйств и создание на базе колхозов и совхозов новых форм хозяйствования не смогли нейтрализовать разрушающего воздействия диспаритета цен, рыночной стихии, самоустранения государства от выполнения объективно присутствующих ему функций управления. В результате аграрная реформа в Дагестане была провалена.

Промыслы и ремесла — вид домашнего кустарного производства, дававшего дополнительный заработок. Их развитие было обусловлено рядом причин общего для Дагестана характера. Расцвет и упадок отдельных видов ремесла и промыслов в советское и постсоветское время был вызван причинами социально-экономического и политического характера: массовым распространением фабричной продукции, изменением рыночной конъюнктуры, складыванием новых потребностей населения, оскудением сырья.

Своеобразный вид промысла — институт отходничества, довольно рано зародившийся в Дагестане, получил «второе дыхание» с изменением форм общественного производства (вторая половина 1960-х гг.) и в постсоветский период в связи с ухудшением ситуации во всех сферах экономики депрессивного трудоизбыточного региона ⁷.

Большую роль в развитии хозяйства и торговли играли дороги и транспорт. Особенно большой прогресс в этой области наблюдался в советское время и после распада СССР. Полунатуральный тип хозяйства, незначительное развитие товарно-денежных отношений и отсутствие купечества обусловили слабое развитие торговли у дагестанцев в прошлом.

Одним из важнейших элементов материальной культуры народов Дагестана были поселения, прошедшие большой путь в своем развитии. Каждая эпоха налагала отпечаток на облик села, меняя его социальную структуру. В силу ряда причин многие села в советское время были заброшены или обезлюдели. Однако в последние годы создаются реальные предпосылки (газификация, прокладка дорог с твердым покрытием, интернета, водопровода в каждое жилище) для их возрождения. В городах Дагестана в постсоветское время получили развитие новые, более рациональные формы территориальной организации хозяйства в виде агломераций и территорий опережающего социально-экономического развития.

В годы советской власти в традиционном жилище дагестанцев произошли большие изменения. Жилищно-хозяйственный комплекс обычно состоял из дома с приусадебным участком и служебных помещений: кладовой (в доме), навеса и кухни, хлева и птичника, сарая для сена и дров (во дворе). В перечне типологических компонентов жилища главными оставались традиционные строительные материалы, этажность, формы планировки. Наиболее восприимчивыми к новшествам оказались строения в переселенческих селах и районных центрах. Индивидуальные дома в городах также заимствовали отдельные элементы национальной архитектуры ⁸.

Дальнейшие изменения происходили в постсоветский период. Со второй половины 80-х гг. XX в. сформировался новый тип городского жилища, изменения коснулись конструкции дома, приусадебного участка и придомовой территории. Даже в самых высокогорных селениях горцы старались строить комфортное жилье по городскому образцу, что приводило к унификации и утере большинства элементов традиционного дагестанского жилища.

Наименее устойчивый и наиболее изменчивый элемент материальной культуры дагестанцев — одежда, отражающая природные и хозяйственные условия жизни народа, его культурные традиции, этические нормы и эстетические вкусы. Традиционная одежда народов Дагестана была в своей основе однотипной с одеждой других народов Кавказа, что отражает их этническое родство, исторические и культурные связи и взаимовлияния. В советское время в одежде произошли значительные изменения, связанные с распространением фабричной продукции, складыванием новых потребностей и стандартов жизни, которые привели к исчезновению большинства видов национальной одежды. Традиционный облик в одежде оставался в основном у представителей старших поколений и преимущественно у женщин и лиц, занятых в животноводстве. Сохранялись особенности в одежде, подчеркивающие семейное положение женщины. Существовали ограничения в одежде девушек. Были широко распространены традиционные вязаные изделия и изделия из овчины. Определенное влияние национальных видов одежды испытывал и город. Например, и сейчас

популярно старинное парадное платье кабалай с очень широкой юбкой без разрезв, с глубокими складками спереди и сзади. Его редко одевают и хранят как реликвию. Такой же популярностью у городских девушек и женщин пользуются старинные тонкие шелковые цветные платки гульменди (гормендо).

Как считает З.У. Махмудова, «главным источником привнесения новых элементов в одежду народов СССР был аморфный универсализм урбанистического типа (сведение к минимуму индивидуальных, в том числе и этнокультурных особенностей человека)»⁹.

С распадом СССР, упрощением выезда за границу появились новые виды и типы одежды, особенно в молодежной среде. За исключением некоторых нюансов (ношение отдельных элементов дагестанского национального костюма дома или на свадьбе) она практически не отличается от одежды сверстников из других регионов России — дагестанская молодежь в основном ориентируются на тенденции западной моды. В связи с развернувшейся деидеологизацией общественных отношений и своеобразным постсоветским религиозным ренессансом нельзя не отметить влияние на одежду норм ислама.

Менее изменчива и более консервативна пища дагестанцев. Ряд блюд в результате этнокультурных взаимодействий был заимствован у других народов. В то же время, имелись самобытные рецепты. В годы советской власти улучшилась и значительно возросла общая культура питания. В результате интенсивного проникновения новых продуктов, блюд, напитков, способов приготовления и консервирования пищи появилось много заимствований. Однако, несмотря на многочисленные инновации, основа и общая структура питания дагестанцев осталась традиционной и преобладала не только у сельского населения, но и у переселенцев. К негативным инновациям, превратившимся в советское время в устойчивые традиции, следует отнести потребление алкогольных напитков и курение.

В наибольшей степени внедрение различных новшеств наблюдалось у горожан. В Дагестане «города были центрами межэтнического общения, здесь происходило взаимовлияние культур, в том числе в такой сфере жизнеобеспечения, как питание. Сохраняя свою традиционную культуру питания, разные этнические группы горожан заимствовали некоторые элементы питания у других этнических групп»¹⁰. Городская культура представляет собой сложную систему, синтезирующую «этнические традиции и урбанизированные формы»¹¹. Распространение унифицированной урбанизированной культуры стирает этническое своеобразие в материальной культуре. Однако в пище этническая специфика сохраняется несравненно более стойко и долго, нежели в других сферах.

Национальные блюда готовятся в основном в дни праздников, свадеб, при приеме гостей и (эпизодически) в повседневном быту. «Стержневые блюда и ритуальные понятия праздничной трапезы стали концептами, несущими широкий этнокультурный смысл и ориентированными не только в прошлое, как акт памяти, но и в будущее, как акт консолидации и причастности к традиции»¹².

Таким образом, происходившие в России за последние 100 лет революционные и эволюционные процессы прямо или косвенно отразились на элементах хозяйства, быта и культуры дагестанцев, пол-

ностью или частично видоизменив их. Несмотря на интенсивное внедрение инноваций в советское и особенно в постсоветское время, современное городское и особенно сельское население Дагестана продолжает сохранять многие компоненты своих традиционных хозяйственных занятий и бытовой культуры.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках поддержанного отделением гуманитарных и общественных наук Российского фонда фундаментальных исследований научного проекта № 16-01-00038.

1. Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации: Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой. М. 2016, с. 6.
2. ШАХБАНОВА М.М., ЛЫСЕНКО Ю.В., МАМАРАЕВ Р.М. Дагестанские русские: историко-социологическое исследование. Махачкала. 2015.
3. АМИРХАНОВА М.М. Социальная политика органов государственной власти Республики Дагестан на селе в 70—80-е годы XX в. по документам Центрального государственного архива РД (тематический обзор). Махачкала. 2005.
4. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), ф. 411-р, оп. 10, д. 49, л. 16.
5. Там же, ф. 1-п, оп. 2, д. 2890, л. 2—4.
6. Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР 1927—1940 гг. — Плановое хозяйство Дагестана. Махачкала. 1976, с. 56—58.
7. КУТАЕВ Ш.К. Фактор занятости в развитии экономики депрессивного региона. Махачкала. 2005.
8. БУДИНА О.Р., ШМЕЛЁВА М.Н. Значение города в интеграции бытовой культуры (по материалам русского города 1970—1980 гг.). — СЭ. 1991, № 4, с. 17—27.
9. МАХМУДОВА З.У. Урбанистический универсализм и этнические традиции в женском костюме народов Дагестана (вторая половина XX — начало XXI в.). В кн.: Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации, с. 54.
10. ДАЛГАТ Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX — начале XX в. Махачкала. 2015, с. 230.
11. КАНУКОВА З.В. Город и традиционная культура жизнеобеспечения горожан Владикавказа (вторая половина XIX — нач. XX в.). В кн.: Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб. 2013, с. 6.
12. ЦАЛЛАГОВА З.Б. Традиционная и ритуальная пища осетин. В кн.: Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации, с. 199.

Судебные преследования православного населения в Австро-Венгрии накануне первой мировой войны

Д.А. Ахременко, И.Н. Новикова

Аннотация. В начале прошлого столетия на территории Австро-Венгерской империи произошел мощный взрыв национального самосознания русинского населения. В результате жители Галиции, Буковины и Закарпатья разделились на два политических лагеря — украинофилов и русофилов. Эти процессы затронули не только политическую сферу, но и религиозную. Сторонники галицко-русского движения массово переходили из униатства в православие. И, хотя формально законодательством империи регламентировалась свобода вероисповедания, русины, перешедшие в православие, подвергались различным санкциям, вплоть до уголовного преследования, подтверждением чему являются инициированные австро-венгерскими властями Мармарош-Сиготские процессы, процесс Ольги Грабарь, Максима Сандовича и Семёна Бендасюка, а также Адольфа Добрянского. Наибольшему преследованию представители галицко-русского движения подверглись в годы первой мировой войны, когда в сентябре 1914 г. был создан первый в Европе концентрационный лагерь Талергоф.

Ключевые слова: православие, Александр (Алексий) Кабальюк, мессианство, Иза, Ольга Грабарь, Семён Бендасюк, Адольф Добрянский, Мармарош-Сиготский процесс, Карпаторусская православная церковь, Карпаторусская восточная православная церковь, Талергоф.

Abstract. In the beginning of the last century on the territory of the Austro-Hungarian Empire was a powerful explosion of national identity of the Ruthenian population. In this process, the population of Galicia is divided into two political camps — the Ukrainophiles and Russophiles. These processes affect not only the political sphere but also religious. Supporters of the Galician-Russian movement EN masse from Uniatism to Orthodoxy. And, although formally the law of the Empire regulated the freedom of religion, Ruthenians who converted to Christianity, subject to various sanctions, including criminal prosecution, which are initiated by Austro-Hungarian authorities Marmaros-Sightsee processes, process

Ахременко Денис Анатольевич — председатель Брянской региональной общественной организации «Центр изучения общественных и гуманитарных наук “Историческое сознание”». E-mail: denis_akhremenko@histsoznanie.ru; *Новикова Ирина Николаевна* — доктор исторических наук, профессор, декан факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: irina-nowikowa@mail.ru.

Akhremenko Denis A. — chairman of the Bryansk regional public organization «The center for the study of social Sciences and Humanities “Historical consciousness”». E-mail: denis_akhremenko@histsoznanie.ru; *Novikova Irina N.* — doctor of historical sciences, professor, dean of the faculty of the St. Petersburg State University. E-mail: irina-nowikowa@mail.ru.

Olga Grabar, Maxim Sandovich and Seeds of Bhandasura, Adolf Dobriansky. The greatest persecution of the representatives of the Galician-Russian movement has undergone in the years of the First world war, when in September 1914, was established the first European concentration camp, Talerhof.

Key words: Orthodoxy, Alexander (Alex), Kabaluk, messianism, Iza, Olga Grabar, Simon Bendasyuc, Adolf Dobriansky, Marmaros-Sigotsky process, Carpatho Orthodox Church, Carpatho Eastern Orthodox Church, Talerhof.

Галиция вошла в состав Австрии в результате Первого раздела Речи Посполитой в 1772 году. На тот момент около 70% населения Галиции составляли русины (униатское и православное население) и около 30% — поляки. Такое соотношение сохранилось и позднее. Однако, несмотря на численное большинство, русины не занимали лидирующих позиций в социальной структуре края, дворянство было в основном польским, а русины принадлежали к крестьянскому населению¹. Такая ситуация, безусловно, часто приводила к национальным разногласиям между польским и русинским населением Галиции. Такой ситуацией неоднократно пользовались имперские власти, поддерживая русинское население для борьбы с польской оппозицией. Особенно это проявилось в 1848—1849 гг. — период революции в Австрийской империи. Весной 1848 г. во Львове польские сепаратисты заявили о намерении превратить Галицию в автономную польскую провинцию австрийской монархии, для управления которой была создана «Центральная Рада Народова». Подобные заявления польской шляхты вызвали недовольство не только в верхах Австрии, но и среди русинского населения Галиции. В противовес «Центральной Раде Народовой» они образовали «Головну Руську Раду». В печатном органе своего движения русины заявили, что являются частью великого русского народа. Русофилы в 1848 г. получили правительственную поддержку, но вынуждены были пойти на компромисс с властями. Губернатор края Франц Стадион заявил, что поддержит «Головну Руську Раду» лишь в том случае, если русины захотят быть самостоятельным народом и откажутся от единства с Россией². С этого момента правительство Австрии взяло курс на внедрение украинофильства, что привело к формированию определенных различий между жителями Малороссии Российской империи и русинами Галиции.

Несмотря на то, что поддержка русинского населения властями Австрии и, впоследствии, Австро-Венгрии не была последовательной, а позиция Габсбургов менялась в зависимости от политической конъюнктуры, во второй половине XIX в. русины начали играть заметную роль в общественной жизни края, особенно в восточной его части. К концу 40-х гг. позапрошлого столетия русинская интеллигенция добилась возрождения ряда национально-культурных центров, изданий и литературы. Но и среди этого национального движения не было единства. Часть русинской интеллигенции выступала за формирование собственной самобытности, называемой украинской, а часть ратовала за единый русский язык и единство с великорусским населением. Все это привело к оформлению в начале XX столетия двух течений — украинофильского и москвофильского.

В конце XIX в. Михаил Грушевский, львовский профессор, основал народно-демократическую партию. Партия Грушевского выс-

тупала как против польского засилья, так и против москвофилов. Москвофильское движение, к слову, также не было однородным и единым. Особенно это проявилось в конце XIX века. Именно в этот период москвофилы разделились на радикалов и умеренных. Радикалы создали Русскую народную партию и призвали «развивать национальные силы» русин путем просвещения народа³. Радикализм сторонников РНП выразился в попытке ввести русский язык во все сферы жизни русин, сделать его литературным, деловым и обиходным языком народа. После 1905 г. происходило сближение умеренных москвофилов с украинофилами, о чем свидетельствует, например, издание газеты умеренных москвофилов «Галичанин» на украинском языке. В начале XX в. влияние радикалов-москвофилов падало и среди населения, что подтверждается результатами выборов 1907 г. — из 22 депутатов парламента от Галиции 17 были украинофилами

Ставку на украинофилов в связи с напряженными отношениями с Россией сделало и Австро-Венгерское правительство. Так, в начале 1907 г. Габсбурги ввели всеобщее избирательное право, при этом русины получили возможность назначать 1 депутата от 102 тыс. человек. Весной того же года закон позволил использовать в делопроизводстве иной язык, кроме польского. Безусловно, эта мера носила декларативный характер, так как для перехода на национальный язык требовалось решение большинства членов окружных или общинных учреждений (а поляки в этих учреждениях составляли абсолютное большинство). Также правительство Австро-Венгерской империи поручило наместнику Галиции Михаилу Бобжинскому разработать новый избирательный закон, который бы устроил и польскую элиту, и украинское население. Таким образом, в действиях правительства Габсбургов наблюдался отход от желания достижения межнационального согласия в Галиции. Такая перемена, как уже отмечалось выше, была вызвана в основном охлаждением отношений с Российской империей.

В результате стойкого неприятия избирательного закона со стороны польской общественности его пришлось изменить и послать в сейм более осторожный законопроект. Куриальная система выборов была сохранена, но к четырем существовавшим куриям была добавлена курия среднего землевладения. Также предусматривалась всеобщая подача голосов в городах и ремесленных палатах. Проект нового избирательного закона предполагал также введение прямого и тайного голосования, пропорциональные выборы в смешанных в национальном плане округах и увеличение представителей украинцев более чем вдвое — до 27,2%⁴. Однако сейм не поддержал законопроект. Наместник подал в отставку, а сейм был распущен. В результате 8 июля 1913 г. был созван новый сейм, который принял компромиссное решение. В итоге количество украинцев в сейме увеличилось с 16 до 31. Таким образом, политика правительства Австро-Венгрии в отношении славянских народов привела к тому, что Галиция стала занимать огромное место в жизни двух народов империи — поляков и русин. На время правительству империи Габсбургов удалось сгладить острые национальные противоречия, но начавшаяся война, репрессии против москвофилов со стороны властей дуалистической монархии и успехи русской армии привели к воз-

рождению москофильского движения в Галиции, расцвету галицко-русского движения.

Свое влияние москофилы распространили не только в Галиции, но и за ее пределами, в частности, в Буковине и Закарпатье. Безусловно, и издательская, и политическая деятельность русофилов поддерживалась Российской империей, в частности, организацией лидера неославянского движения, крупного землевладельца Владимира Алексеевича Бобринского «Галицко-русское благотворительное общество». Накануне первой мировой войны благотворительная организация стала влиятельнейшим органом поддержки русофилов. Об этом говорит косвенное участие императора Николая II в делах общества. Данную мысль подтверждает тот факт, что среди членов организации Бобринского были представители Синода, два митрополита, члены Государственного Совета, депутаты Государственной думы, представители Совета Министров Императорского двора⁵. И в Австро-Венгрии прекрасно понимали, что за деятельностью благотворительного общества стояли российские власти, всячески пытавшиеся пресечь распространение москофильских идей на территории своей империи — в Галиции, Буковине и в Закарпатье. С 1909 г. власти под прикрытием борьбы со шпионами стали закрывать русофильские организации в Буковине, такие как «Русско-православный народный дом», «Русско-православный детский приют», «Русско-православная читальня» и т.д. Наиболее активные члены этих организаций подверглись аресту, а за идеологами русского движения в Буковине Алексеем и Георгием Геровскими была установлена слежка.

Первым громким политическим процессом против лидеров русского движения стало дело Ольги Грабарь 1882 года. Одной из главных обвиняемых была дочь Адольфа Добрянского, известного своими русофильскими взглядами, Ольга Грабарь. Поводом для судебного процесса стали события в галицком селе Гнилички (ныне — Подволочисский район Тернопольской области Украины). Дело в том, что жители села изъявили желание иметь свой приход, но этому воспротивился настоятель прихода. Тогда прихожане из села Гнилички пожаловались помещику, графу Делла Скала. Граф был православным, поэтому он посоветовал крестьянам перейти в православие. Прошение властям составил галицкий общественный деятель Иван Наумович. Православие в империи Габсбургов не подвергалось гонениям, оно было господствующей религией, например, в сербской Воеводине и Буковине, однако в условиях обострения отношений с Российской империей прошению Наумовича был придан политический окрас. Аресту подверглись наиболее видные деятели русского движения — И. Наумович, О. Грабарь, А. Добрянский и т.д. Им было предъявлено обвинение в сепаратизме и российском панславизме⁶. Однако и процесс Ольги Грабарь, и большинство последующих дел против деятелей русского движения, не заканчивались суровым наказанием, так как все обвинения были беспочвенными, а процессы служили средством устрашения. Обвинение по делу Грабарь также провалилось. Тем не менее, Наумович, редактор «Слова» В. Площанский и двое крестьян из русофилов были признаны виновными. Все они были приговорены к нескольким месяцам тюрьмы. Процесс Грабарь воспринимался населением не столько как преследование русо-

филов, сколько как борьба против православной веры. По этой причине многие крестьяне Галиции, Буковины и Закарпатья пересмотрели свои взгляды на религию. В Австро-Венгрии наблюдался постепенный переход униатского населения в православие.

Первым подобным случаем стал отказ от унии в селе Иза Хустского округа. Как писал русский историк-славист Фёдор Фёдорович Аристов, «в 1903 году крестьяне села Изы в одно из воскресений пропели в церкви символ веры, исключив из восьмого члена слова “и Сына”. Этим приход фактически заявил о своем переходе в Православие. Тотчас село было наводнено венгерскими жандармами. Начался поголовный обыск, конфисковали все богослужебные книги и даже иконы. Жандармы простояли в Изе несколько месяцев, забирая у крестьян провизию и ничего за это не платя; всячески притесняли и оскорбляли народ и глумились над женщинами. Долго терпело беззащитное население всевозможные обиды; наконец, доведенное до отчаяния, не выдержало, причем несколько человек воскликнуло: “Пора придти русским и выгнать мадьяр”. Этого было достаточно, чтобы возбудить дело о государственной измене» ⁷.

Общественность по-разному отреагировала на события в Изе. К примеру, ужгородская газета «Наука» осудила крестьян за выход из унии. В статье, вышедшей в июне 1903 г., авторы утверждали, что в Изе «новую веру делают, из книжек вычитанную» ⁸. «Русское слово», напротив, считало, что крестьяне сделали верный выбор, на который натолкнул их священник, пытавшийся «всех своих прихожан сделать мадьярами» ⁹.

Против крестьян села Иза также инициировали процесс, длившийся с февраля по март 1904 года. На скамье подсудимых оказались 20 человек. Но процесс против жителей Изы, как и процесс Ольги Грабарь, закончился ничем. Подсудимые были заключены под стражу на несколько месяцев и оштрафованы на разные суммы — до 500 крон. Однако 10 мая 1906 г. высший апелляционный суд в Будапеште признал подсудимых виновными в государственной измене и назначил более суровые наказания ¹⁰.

Борьба с православием стала для правительства Австро-Венгрии одной из форм борьбы против русофилов и влияния Петербурга на умы подданных Австро-Венгрии в Галиции, Буковине и Закарпатье. А борьба за возврат в православную веру в этих краях начала набирать обороты. Одним из лидеров этой борьбы стал православных священник иеромонах Алексей (Кабалюк).

Александр Иванович Кабалюк родился в семье русофилов-униатов Ивана Кабалюка и Анны Кульчицкой 12 сентября 1877 г. в деревне Ясенье (ныне Раховский район Закарпатской области Украины). В отрочестве Александр поступил послушником в униатский монастырь Кишь-Баранья. Послушник разочаровался в греко-католической вере и перешел в православие, в 1908 г. сбежал на Афон, в православный Свято-Пантелеймонов монастырь. В монастыре Александр Кабалюк познакомился с игуменом монастыря архимандритом Мисаилом (Сопегиным) ¹¹, что еще больше укрепило уверенность Кабалюка в правильности выбора в пользу православия. Позже Александр Кабалюк отправился в Россию, где стал послушником монастыря на Холмщине. В Яблочинском монастыре он был рукоположен

в священники, после этого возвратился в Закрапатье и стал проповедовать православие среди униатов. Проповеди священника дали свои плоды, крестьяне стали переходить в православие.

Это не могло не взволновать власти Австро-Венгерской империи. Отношения между Империей и Россией накалялись, а допустить распространение русофильски-православных идей на территории собственного государства Габсбурги не могли. Так, по свидетельству черновицкой газеты «Русская Правда» от 14 июня 1912 г., в Угорской Руси девять сел заявило о своем желании перейти в православие. Полицией были произведены обыски и массовые аресты в селах Новобарово, Терребля, Иза и Липча. Конфискации подверглись книги религиозного содержания. Крестьяне, у которых находили эту литературу, были оштрафованы на сумму от 50 до 100 крон¹². Обыск был произведен и в доме Алексея Кабалука в с. Ясиня. Полиция изъяла религиозную утварь, книги, опечатала дом. Опасаясь ареста, Алексей Кабалука вынужден был эмигрировать в США. В Америке пастырь продолжил свою миссионерскую деятельность среди русинской диаспоры¹³.

Не могли смириться с выходом из греко-католической веры и униатские священники. По инициативе одного из них, священника с. Иза Андрея Азария, полиция завела уголовные дела против крестьян, перешедших в православие за то, что они якобы подделали документы о выходе из унии¹⁴. Прокурор не нашел в действиях обвиняемых состава преступления, и они были оправданы. Униатский священник подал апелляцию в суд, заявив, что организаторы православного движения в Изе хотят отторгнуть северо-восточную часть Венгрии в пользу русского царя. В результате Хустский окружной суд признал 1688 свидетельств о выходе из унии недействительными¹⁵.

Летом 1912 г. из имперского Министерства культов и народного образования униатскому епископу поступило письмо, в котором анонимный автор, анализируя ситуацию на северо-востоке Венгрии, пришел к выводу о том, что массовый переход крестьян этих земель в православие является следствием российской пропаганды, для борьбы с которой чиновник предлагал епископу проводить более глубокую и масштабную миссионерскую работу и включить в борьбу с православием административные органы бюрократического аппарата Австро-Венгрии¹⁶.

Все эти рекомендации были применены на практике. В те села, в которых наиболее активно происходил процесс перехода из унии в православие, были направлены дополнительные отряды жандармов и солдат. В селе Иза следователи ввели фактически военное положение: людям запрещалось собираться в группы более двух человек и ходить в гости друг к другу. Одним из требований жандармов было наличие у крестьян свидетельства о том, что они посещают униатскую церковь. Если у крестьян не было такого свидетельства, их избивали и преследовали¹⁷. Так, по свидетельству очевидцев, несколько жителей с. Иза были избиты за то, что отказались дать клятву вернуться в унию. А зимой 1912 г. жандармы, застав девушек молящимися по православному обычаю, избивали их, заставили раздеться догола и держали их в реке до самого утра¹⁸.

Как видим, с каждым новым процессом правительство Австро-Венгрии, поняв неэффективность устрашения, стало ужесточать на-

казания против деятелей русского движения. Наиболее показательным в этом плане является Второй Мармарош-Сиготский процесс.

Современники также называли его «Дело 94-х» — по количеству подсудимых. Интересно, что изначально к ответственности привлекли 189 чел., но большую часть отпустили за недоказанностью обвинения. В качестве подсудимых были привлечены и мужчины, и женщины в возрасте от 17 до 64 лет. Было выдвинуто обвинение в подстрекательстве «против мадьярского народа, греко-католического вероисповедания, греко-католического духовенства, мадьярских государственных установлений и мадьярского королевского правового порядка»¹⁹. Изначально дело планировали рассматривать 5 ноября 1913 г. в Дебрецене (на востоке Венгрии), но заседание перенесли и по времени, и по месту рассмотрения.

Процесс вызвал широчайший общественный резонанс не только в Австро-Венгрии, но и за ее пределами. Он стал центральной темой многих мировых изданий того времени. В Российской империи процесс освещали газеты «Свет», «Новое время», «Русское слово», «Голос Москвы»; в Австро-Венгерской империи — «Czernowitzer Allg. Ztg.», «Русская Правда», «Прикарпатская Русь», в Италии — «La Tribuna» и т.д. Одним из ключевых свидетелей по обвинению русинов выступил граф В.А. Бобринский, глава «Галицко-русского благотворительного общества», в связях с которым обвиняли подсудимых. После своего приезда в Петербург граф сделал доклад о процессе на заседаниях Клуба общественных деятелей и «Галицко-русского благотворительного общества». А император России Николай II подарил иеромонаху за верность православной вере золотой напестольный крест. Во многих российских храмах служили молебны за подсудимых, в Киеве, Минске, Петербурге прошли собрания в знак солидарности с ними. Митинги и протесты были организованы и за пределами Российской империи — во Львове, в Праге и даже в Вене. Так, корреспондент венской газеты «Arbeiter Zeit» в статье от 21 февраля 1914 г. высказывал следующую точку зрения о процессе: «Мармарош-сиготская юстиц-комедия, называемая русским процессом о государственной измене, уже на пути к окончанию, и теперь обнаруживается все более и более, что судьи работают по указаниям из Будапешта. Они могли до пресыщения убедиться, что бедные темные угророссы своим чисто религиозным движением не преследовали никаких политических целей»²⁰.

Однако 3 марта 1914 г. подсудимым вынесли обвинительный приговор. Так как еще во время процесса прокурор в отношении большинства подсудимых отказался от обвинения, то осуждены были 32 чел., среди которых и иеромонах Алексей, который был приговорен к наиболее суровому наказанию — 4,5 годам тюрьмы и штрафу в 100 крон.

Таким образом, говоря о политике властей Австро-Венгрии в отношении униатского населения Галиции, Буковины и Закарпатья, следует отметить, что в период с конца XIX до первого десятилетия XX в. она претерпела изменения. Если до конца XIX в. правительство Габсбургов нейтрально относилось к православию, то накануне и в годы первой мировой войны оно начало восприниматься Австро-Венгрией как форма единения русин с Российской империей и велико-

россами. Данную мысль подтверждает тот факт, что процессы, инициированные Австро-Венгерской империей в конце XIX и в начале XX в., отличались и по количеству подсудимых, и по видам наказания, и по срокам тюремного заключения. Апогеем репрессивной политики Австро-Венгрии стало создание первого концентрационного лагеря в Европе в сентябре 1914 г., узниками которого стало несколько десятков тысяч русин, а порядка 5 тыс. чел. погибли.

Следует отметить, что изменилось и русское движение. По мере приближения мировой войны оно стало масштабнее и авторитетнее. Главной идейной платформой русофилов стало православие.

Примечания

1. БАХТУРИНА А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М. 2000, с. 23.
2. Там же, с. 24.
3. Там же, с. 26.
4. Там же, с. 28.
5. АКСЕНОВ-МЕЕРСОН М. Империй призрачных орлы. Franc-Tireur. 2014, с. 106.
6. ПАШАЕВА Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX—XX вв. М. 2001, с. 91.
7. АРИСТОВ Ф. Карпато-русские писатели. Т. 1. М. 1916, с. 133.
8. Нова віра. — Наука. 1903. 18 июня, с. 8.
9. Тюрьма за Православие. — Русское слово. 1904. 13 мая, с. 5.
10. ПАП С. Історія Закарпаття. Т. 3. Івано-Франківськ. 2003, с. 542.
11. РАЧУК Г.В. Преподобный Алексей Карпаторусский. Путь к святости. Иваново. 2009, с. 62.
12. Гонения на православную веру в Угорщине. — Русская Правда. 1912. 28 июня, с. 3.
13. Письмо из Угорской Руси. — Русская Правда. 1913. 28 февраля, с. 5—6.
14. ДАНИЛЕЦ Ю.В. Второй Мармарош-Сиготский процесс против православных в Закарпатье в 1913—1914 годах. — Исторический ежегодник. 2009, с. 130.
15. Там же, с. 131.
16. СУЛЯК С.Г. Русины: из истории православной традиции. — Вестник Удмуртского университета. Выпуск 3. 2011, с. 132—133.
17. ДАНИЛЕЦ Ю.В. Второй Мармарош-Сиготский процесс против православных в Закарпатье в 1913—1914 годах. — Исторический ежегодник. 2009, с. 132.
18. Там же.
19. ГРАБЕЦ М. К истории Мармарошского процесса. Ужгород. 1964, с. 3.
20. Цит. по: Там же, с. 25.

Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в.

Д.В. Васильев, С.В. Любичанковский

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы аккультурации казахской повседневности, проходившей под цивилизационным влиянием России. Акцент сделан на изменении в организации и устройстве поселений и жилища, использовании предметов утвари. Авторы приходят к выводу, что трансформация образа жизни казахов была обусловлена экономическим развитием Казахской степи, усилением торговых контактов, социальным и административным взаимодействием номадов с русскими. При этом кардинальных и необратимых изменений в повседневности казахов в XIX в. не происходило. Они носили фрагментарный и эпизодический характер, адаптируясь к условиям кочевой жизни. Исключением в этом отношении явилась Внутренняя орда, чья вовлеченность во внутреннюю жизнь Российской империи во много раз превосходила другие казахские территории.

Ключевые слова: Казахская степь, Российская империя, повседневность, аккультурация, Внутренняя орда, аул, юрта, вестернизация, номадизм.

Abstract. Issues of acculturation of the Kazakh way of living, held under the civilizational influence of Russia are analyzed in the article. The emphasis is placed on changes which have occurred in organization, in spots of settlements and dwellings, utilization of household items. It was concluded that the transformation of the Kazakh lifestyle was due to the economic development of the Kazakh steppe, strengthening of trade contacts, social and administrative cooperation of nomads with Russians. At the same time, cardinal and irreversible changes in the everyday life of Kazakhs did not happen in the 19th century. Adapting to the conditions of nomadic life they were fragmentary and episodic. Inner Horde is an exception in that regard whose involvement in the internal life of the Russian Empire several times exceeded other Kazakh territories.

Key words: Kazakh Steppe, Russian Empire, everyday life, acculturation, Inner Horde, aul, yurt, westernization, nomadism.

Рассуждая об аккультурации, тем более о культурном воздействии европейской оседлой цивилизации на азиатскую кочевую, чрезвы-

Васильев Дмитрий Валентинович — доктор исторических наук, доцент, проректор Российской академии предпринимательства. E-mail: dvvasiliev@mail.ru; *Любичанковский Сергей Валентинович* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: svlubich@yandex.ru.

Vasilyev Dmitry V. — doctor of historical sciences, associate professor, pro-rector of the Russian Academy of Business. E-mail: dvvasiliev@mail.ru; *Lyubichankovskiy Sergey V.* — doctor of historical sciences, professor, head of the department at the Orenburg State Pedagogical University. E-mail: svlubich@yandex.ru.

чайно сложно уйти от оценочных характеристик прошлого, когда спектр мнений об этом процессе простирался от однозначно позитивного до крайне негативного восприятия. И чаще всего отношение исследователей к аккультурации было детерминировано собственными политическими воззрениями или диктовалось общественными настроениями, господствовавшей идеологией. И сегодня обращение к этой проблеме представляется актуальным лишь в попытке насколько возможно объективно рассмотреть позиции каждого из участников процесса и тот результат, который давало межкультурное взаимодействие с политически обусловленным доминированием одной стороны.

Начиная разговор о российской (в данном случае — русской) аккультурации казахов, трудно не удержаться от соблазна увидеть этот процесс развивающимся в одном направлении — русские распространяли в казахской среде (насильственно или мягко — в данном случае не так важно) достижения европейской цивилизации в том виде, в каком сами их понимали, и в той мере, какую считали необходимой для достижения своих политических целей. Однако это явление было более глубоким и имело второй уровень и второй вектор — влияние кочевой культуры на россиян, вступавших в тесное взаимодействие с казахами. И пусть это влияние не было таким глубинным, но оно имело место и не в последнюю очередь благодаря очарованию простоты и искренности кочевого менталитета.

Один из первых исследователей Казахской степи А.И. Левшин оставил почти поэтическую характеристику-оду неоднозначного в глазах европейца образа жизни номадов¹: «Образ жизни киргизов (здесь и далее — казахов. — *Д.В.*) есть живая картина времен патриархальных. Вид целого народа, путешествующего и, можно сказать, живущего почти исключительно для своих стад; селения или аулы, мгновенно исчезающие и на других местах опять вновь являющиеся; простота и близость сего состояния к природе имеют много занимательного и пленительного для глаз романиста и поэта. Люди с воображением пылким могут, глядя на киргизов, представлять себе беспечных пастухов счастливой Аркадии (утопического идеала гармонии человека и природы. — *Д.В.*) или спокойных современников Авраамовых; могут мечтать о мнимом блаженстве людей, незнакомых с пороками, царствующими в больших городах; могут искать у них предметов для эклог и идиллий; но хладнокровный путешественник видит в них только полудиких и сравнивает их с геродотовыми скифами, чингисовыми монголо-татарами, нынешними бедуинами, курдами, жителями берегов Енисея, готтентотами и другими, подобно им, дикими племенами Азии и Африки»².

Глубинный характер аккультурации проявляется в нескольких сферах, наиболее существенной из которых является быт. Для того, чтобы представить себе масштаб русского влияния на казахский быт, надо сначала взглянуть на колыбель казахского общества — аул — до начала активных контактов Казахской степи с Россией.

До наших дней дошло несколько описаний казахских аулов, сделанных российскими путешественниками и торговцами.

Побывавший в степи оренбургского ведомства задолго до распространения на нее российских административных порядков Левшин застал казахский аул в его нетронутым вестернизацией виде. «Киргизы редко кочуют большим числом в одном месте, ибо стадам их тогда бывает тесно; но составляют общества из нескольких семейств,

связанных родством или взаимными выгодами, и, переходя вместе с одного кочевья на другое, не разлучаются без особенных причин. Такое подвижное селение называют они аул; количество кибиток в оном зависит от случая»³.

Казахский аул не отличался стабильными составом и размерами. В XIX столетии его параметры все в большей степени определялись имущественным положением и экономическими условиями. Российские исследователи того времени отмечали значительное сокращение размера аула в сравнении с предшествующим периодом. Уже исчезла необходимость организации массового отпора противнику, а значительный размер стада угрожал кормовой базе. И хотя в середине XIX в. еще можно было встретить аулы по 50—80 юрт, к его концу наиболее распространены были кочевки по 5—10 юрт⁴. Небольшие размеры аулов определялись, как представляется, сокращением свободного земельного фонда, вызванным ускорявшимся вовлечением Казахской степи в экономику Российской империи, развитием русской земледельческой колонизации, поощрением казахов к оседлости и более комфортными условиями для увеличения продолжительности кочевания в одном ограниченном районе. Кроме того, размеры аулов зависели и от характеристик пастбищ. Естественно, на тучных пастбищах аулы были более значительными, чем в условиях гористой местности. При ограниченности ресурсов на зимовках количество хозяйств тоже было минимальным, в то время как на летних выпасах несколько аулов могли кочевать совместно.

Как правило, в аулы объединялись несколько родственных семей. Аулы богатых казахов включали в себя и бедных родственников, а также членов других родов, которые были заняты в хозяйстве главы поселения. Встречались и бедные аулы, состоявшие из не родственных, но близких по своему социально-экономическому положению семей.

Испокон веков в казахском ауле юрты располагались по кругу, внутрь которого были обращены двери и который являлся загонем для скота на ночь. Эта традиция дожила до конца XIX в., хотя постепенно начала нарушаться. Сокращение числа домохозяйств вынуждало располагать юрты друг рядом с другом или полукругом, обращая вход на подветренную сторону. Особого порядка при этом не соблюдалось, все определялось рельефом местности⁵.

К концу XIX столетия очевидцы отмечали появление у казахов вполне основательных деревень. Вот свидетельство Б.М. Юзефовича: «Лишь только Нурфаис Байгарин начал свои постройки, к нему стали присоединяться другие киргизы. Из них четверо построили себе кирпичные дома, а шестеро — деревянные усадьбы; кроме того, двадцать два семейства поселились около него в землянках. Число таких семейств увеличилось бы еще значительно, если бы местность, на которой расположена эта деревня, не была стеснена сенокосными участками»⁶. Безусловно, следует иметь в виду, что речь идет о близком к Оренбургу и давно освоенном русскими Илецком уезде. Но сам факт столь решительного оседания на землю свидетельствует о серьезном культурном влиянии северных соседей.

Здесь следует упомянуть хана Внутренней орды Жангира, который в колоссальной, по местным меркам, степени способствовал развитию казахской оседлости. Мало того, что сам он жил в весьма внушительном деревянном доме (аналог зимовки), для теплого времени

года он построил летний дом, разбил подле него сад и огород, которые снабжались водой для полива с помощью сооруженной по его приказу плотины ⁷.

Административный центр Внутренней орды Ханская Ставка стал уникальным примером образования поселения городского типа у бокеевских казахов. Вестернизация, активно продвигавшаяся Жангиром, привела к смене аула довольно крупным торговым и отчасти ремесленным населенным пунктом, который к 1846 г. насчитывал 98 фундаментальных строений — жилых, торговых, административных, общественных и культовых.

Говоря о преобразовательной деятельности Жангира, не стоит, однако, забывать, что она не была направлена против казахского аула и не осуществлялась с применением каких-либо насильственных действий. Скотоводство на территории Внутренней орды продолжало существовать и развиваться в той мере, в какой это было возможно в условиях территориального сокращения кочевий. Представляется, что оседлость и занятие торговлей и ремеслом виделось хану одним из способов повышения производительности казахского хозяйства. В непростой экономической ситуации создание крупного по местным меркам стационарного населенного пункта способствовало превращению административного центра Внутренней орды в первую очередь в торговый центр регионального значения.

Кроме статистических данных об этом свидетельствуют и яркие описания казахского оседлого поселения нового типа: «Здания в ней (в Ханской Ставке. — *Д.В.*), не исключая дворца, все деревянные и красуются правильностью; есть жилья в два этажа. Лавки, базар и площадь наполнены ежедневно перекупщиками. Кроме природных обитателей живут здесь по несколько десятков лет русские купцы, обзаведшие своими домами и производящие торг весьма выгодно. Один из таковых торговцев приобрел капитал более нежели в полмиллиона рублей. Торговля производится не только простыми, необходимыми для общежития товарами, но красными и даже предметами прихоти... — конфетами и вареньями. У каждого купца непременно под домом лавка, у иного до пяти, которые заменяют гостинный двор. Жителей полагают до 280 душ мужского пола, в том числе 180 киргиз-кайсаков, 50 русских и 30 армян. Русские имеют молитвенный дом в здании казачьего кордона. Хан очень желал, чтобы они выстроили церковь, поэтому собраны уже деньги. Из зданий примечательные суть: училище, дома султанов, ханский дворец и мечеть... Проходя по улицам, приятно всматриваться в пестроту азиатской одежды, наблюдать повсюду движение, видеть верблюдов, послушно несущих на своих хребтах по несколько десятков пудов сена, дров, вьюки товаров, хозяйственную посуду, дев и детей, покрикивающих от удовольствия» ⁸.

Однако сколько бы ни возводилось капитальных строений, ни одно из хозяйств номадов не отказывалось полностью от юрты, которая, по мнению исследователей, появилась, начиная с XV в., и была основной формой жилища ⁹. Не останавливаясь подробно на внешнем виде и конструктивных особенностях юрты, обратимся к ее внутреннему устройству.

В центре юрты всегда находится очаг, что создает тягу и обеспечивает лучшую вытяжку через шанырак (деревянный обод, фиксирующий круглый проем в крыше), а также способствует более рацио-

нальному обогреву помещения. Над разведенным на земле костром установлена железная тренога для котла.

Пол юрты покрыт кошмами или коврами. В лучшем месте — напротив двери за очагом — помещается самое ценное имущество: сундуки, кошомные футляры, тюки с одеждой и другими вещами. Эта горка (жук) покрывается войлочным ковром, тканым покрывалом или венчается одеялами, подушками, свернутыми кошмами.

Перед горкой находится самое почетное место в юрте — тор — предназначенное для главы семейства или наиболее почетного гостя. Оно устлано специальными подстилками (стегаными на шерсти, меховыми) или ковром.

Передняя часть юрты у входа (босага) имеет хозяйственное назначение. Справа — женская половина (место пребывания хозяйки с малыми детьми) с посудой и съестными припасами. Часто здесь развешено вяленое мясо, лежит бурдюк с кумысом и стоит шкафчик для наиболее ценных продуктов. Часто эта часть юрты отделяется ширмой или занавеской. Слева от входа можно увидеть предметы мужского обихода — седла, сбрую, оружие. Эту сторону у бедных казахов занимали женатые неотделенные сыновья. В сильные холода зимой сюда могли поместить ослабевшее животное или преждевременно родившегося ягненка. В юрте богатого владельца иногда здесь устраивался проситель.

Постели членов семьи (справа старших, слева младших) располагаются между босага и тором. Они расстилаются только на ночь, а днем в свернутом состоянии уложены вдоль стенки или находятся на жуке. Иногда постель завешивается тканым пологом, а за ней на остоле юрты крепится настенный ковер из орнаментированной кошмы или войлока с аппликацией из вышитой ткани. Как правило, большинство внутренних предметов располагаются на деревянных подставках, а дверной проем богатой юрты украшен резными дверями.

Это довольно схематичное описание юрты в настоящем времени, так как она до сих пор остается не только неотъемлемой частью комплекса самоидентификации казахов, но активно живущим элементом материальной культуры современной казахской повседневности, активно используемым в ритуально-символических действиях и по утилитарному назначению.

Что касается прошлого, то в кочевых условиях вся жизнь строилась вокруг юрты, имевшей практически сакральное значение для казахов. А потому она была в наименьшей степени подвержена какому-то внешнему влиянию. Немец Иоганн-Готлиб Георги, медик по образованию, в 1770—1774 г. объехал Поволжье, Южное и Среднее Приуралье, Западную Сибирь, Алтай и Забайкалье в составе экспедиций профессора И.-П. Фалька и академика П.-С. Палласа. Не забывая о своих прямых геолого-географических обязанностях, он оставил чрезвычайно объемный энциклопедический труд о народах, населявших Российскую империю. Нашлось в нем место и для описания казахов и их образа жизни. Следует заметить, что более ранние труды о Казахской степи (например, П.И. Рычкова) не уделяют внимания казахскому жилищу, так как, судя по всему, перед лицом острых политических вопросов и имевших важное значение психологических, социальных и религиозных характеристик казахские юрты совершенно напрасно представлялись чем-то несущественным для государственных деятелей. Обратимся к работе Георги.

«Жилища их суть подвижные войлочные юрты, совсем подобные башкирским, только огромное и чище. Знатные и зажиточные люди покрывают их белыми войлоками и притом имеют особые юрты для жен, детей, стряпни и для съестных припасов, а иногда и для хворого скота. Место для разводу огня сделано посредине юрты под полой вершиной крышки. Около оно лежат войлоки или персидские ковры, а иногда и тюфяки. Внутренность юрты... украшена бывает у богатых пестрыми, нередко шелковыми, материями. Кругом стоят молочные мешки и сундучки, на стене висит оружие, верховая конская сбруя, наилучшее одеяние и тому подобное.

Домашний скарб сходен также с башкирским. Крушцовых (металлических. — *Д.В.*) сосудов не ставят они ни во что; напротив того, превеликие из березового суку выделанные миски так им милы, что за нарочито великую чашку дают иногда и лошадь.

Станы (аулы. — *Д.В.*) их, поелику аймаки (роды. — *Д.В.*) охотно пребывают в союзе, довольно заключают в себе юрт, но очень обширны (удалены друг от друга. — *Д.В.*). Около ханского собственного стана наберется юрт около тысячи; напротив того, иногда на 50, да и на 100 верстах не попадется ни одна юрта. Ради паствы (выпаса скота. — *Д.В.*) переменяют они как зимой, так и летом станы; о чем аймаки в отвращение всякого притеснения вступают между собой в условия (соглашения. — *Д.В.*)»¹⁰.

В упомянутой экспедиции Фалька принимал участие и другой медик греческого происхождения Христофор Барданес, оставивший свои записки о Казахской степи, в которые включил довольно яркую зарисовку быта одного из султанов.

«26 июля [1771 г.]. Сего числа пополудни поехал я в стан султана или князя Мамета, старшины малого улуса Средней киргизской орды, и удостоен был благосклонным приемом. Его стан или деревня (аул) состоял из 8 войлочных юрт, или кибиток, из коих 3 для его фамилии белые войлочные и чище, прочие же были простые для его служителей и пастухов. До приема султаном сыновья его разговаривали со мною. Кибитка его была большая, разделенная завесою; посреди висел большой железный котел с говядиной и крупами на огне, кругом стояли малые и худые ящики, на которых лежали кожаные мешки с платьями и проч. Против входа позади котла разостлан был персидский ковер с подушкою, на котором сидел султан с супругою, сложив ноги накрест. Я должен был сесть в стороне поодаль»¹¹.

В XIX столетии катализируемое ростом товарности скотоводства имущественное и социальное расслоение отразилось на бытовых условиях казахов — юрты богатых кочевников стали сильно контрастировать с жилищем бедных. При этом юрты бедняков отличались лишь скудностью утвари и убранства, но никак не уровнем чистоты и порядка.

На протяжении XIX в. в казахской юрте ничего не менялось. Чиновник особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе Н.А. Крыжановском Юзефович, совершивший летом 1877 г. поездку в Тургайскую степь, дал описание жилища состоятельного казаха.

«У киргизов зажиточных и богатых вы, войдя в кибитку, увидите прежде всего вдоль противоположной входу стены целый ряд сундуков и тюков, расположенных в несколько рядов один на другом. Число их бывает велико. Они заключают в себе весь домашний скарб, как то: богатые кафтаны, халаты, женские уборы и наряды, серебряные и

золотые вещи и вообще все, что имеется драгоценного в доме и все, что предназначается в приданое для дочерей, заготавливаемое в течение многих лет. Перед этой стеною из сундуков разостланы кошмы, покрытые коврами, на которых расположены, в свою очередь, еще небольшие мягкие коврики из бухарской материи на пуху...

Вообще, убранство кибиток весьма изящно. Огромные ковры покрывают все пространство юрты внутри ее. Несколько ковров поменьше расположены полукругом против входа. Большое количество пуховых ковров и богатых бархатных, преимущественно пунцовых, и шелковых подушек, вышитых или обшитых золотом и серебряным галуном. По потолку, на местах, соответствующих нашим карнизам, расположены узкие коврики, иногда в несколько рядов, из которых каждый представляет собой особый узор. Иногда полосы эти составлены из вышитых материй пунцового бархата с золотым галуном»¹².

Начавшееся в 1830-х гг. строительство оседлых жилищ на зимовках (у бокеевских казахов) со второй половины столетия стало приобретать системный характер, сопровождая процесс перехода кочевников к полuosедлости. В 1862 г. в десятиверстной полосе по Иртышу насчитывалось более 300 стационарных казахских домов (из них 185 деревянных). В пяти уездах Акмолинской области число оседлых жилищ возросло с 4797 в 1859 г. до 9656 в 1863 году. В это время во Внутренней орде две трети хозяйств имели постоянные постройки на зимовках¹³.

Хотя сооружение стационарных жилищ было обусловлено расширением среди казахов земледелия и укреплявшимися отношениями с оседлыми соседями, первые дома на зимовках они строили в соответствии с многовековой традицией — в виде юртообразного сооружения (шошала, жер-кепе), землянок, основным материалом при сооружении которых были отдельные бревна, камыш, жерди, сено, дерн, плетень. Поэтому говорить здесь о каком-либо внешнем влиянии или аккультурации не приходится.

Другое дело деревянное строительство, распространявшееся в тех районах, где казахи прежде соприкасались с русским населением. Например, в Кокчетавском, Атбасарском, Акмолинском, Баянаульском и Каркаралинском округах в 1863 г. насчитывалось 1672 деревянных дома, а в 1863 г. — 2016. К 1880 г. в безлесном Тургайском уезде казахи выстроили 230 срубов. В 1900 г. в Усть-Каменогорском уезде был 4091 деревянный дом, в Семипалатинском — 6775, в Зайсанском — 1608¹⁴.

Конечно, срубы принадлежали состоятельным казахам, а для их строительства приглашались русские и татарские мастера, которые возводили и распространенные во внутренней России пятистенки с дощатым полом и двускатной кровлей из теса. Большинство таких жилищ были однокамерными, квадратными, что связано с традицией казахской юрты. В нем так же, как и в юрте, во время сильных морозов держали ослабевший скот, а в центре помещения на земляном полу устраивали каменный открытый очаг. Позднее в стационарных жилищах стали появляться окна и низкие кирпичные очаги с прямыми дымоходами и встроенными казанами. Со временем в северных районах начали выкладывать русские печи, а планировка изменилась за счет присоединения хозяйственной пристройки и деления квадратной жилой зоны на две части.

В своей работе «Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области» В. Шнэ описал стационарные жи-

лые и хозяйственные сооружения казахов лесистых и безлесных районов севера. Остановимся на последних, которые были более близки русским образцам.

«Дом или изба состоит из сруба в 15—17 венцов, сложенных из березовых бревен толщиной 4—5 в[ершков] и длиной от 5 до 7 ар[шин]. Потолок настилается из горбылей тех же размеров и на него наваливается камыш, земля, дерн. Чаще всего прикрытие зимовки этим и ограничивается, в редких случаях ставятся сверху стропила. Дом состоит из одной или двух комнат с одним или двумя окнами в каждой. Дверь входная одна и проделывается... со двора. Комнаты делятся стеной, в которой, кроме прохода, оставляется полое место для печи; внутренние двери редко навешиваются. Настилка пола делается во все жилище и сверх него устраиваются нары, за исключением незначительной площади у входной двери и вокруг печи. Между нарами и полом прячется весь хлам хозяйский. По стенам развешиваются одежда, седла, нагайки, кошмы, ковры и т.п. или на колышки, вбиваемые в стены, а чаще по жердям, укрепленным на особых стойках или подвешенных к потолку. Нары покрываются циновками, кошмами, коврами, смотря по достатку хозяина, а на ночь здесь же стелются постели: кровати имеются у очень богатых киргизов не для всех членов семьи и для зимовок считаются слишком громоздкими. Свет проникает в зимовки через окна, которые состоят из стеклянных рам никогда не более одного квадратного аршина. Рамы не растворяются и на зиму делаются двойными; у бедняков меньшего размера и чаще из пузыря или брюшины, одинарные. Отапливается жилье печью, поставленной посредине, между комнатами, продольной стороной своей — вдоль длины зимовки. Здесь печь... приближается устройством или к русской печи, или к так называемой голландской, какие встречаются в наших деревнях...

Кругом дома располагаются хозяйственные постройки: ... землянка для баранов, крытый хлев для тельных коров, одна-две клетушки для хозяйственных принадлежностей — вот и все хлева, которые действительно очень походят на временные, легкие жилища кочевников, не крепкого на месте своей вынужденной суровым климатом оседлости. Двор распланировывается так, что посредине его образуется небольшой открытый двор, на котором поближе к самому жилью устанавливаются чучела. Чучела есть тоже своего рода жилье, не отличающееся, однако, ни теплотой, ни сравнительным удобством, и по виду похоже на летнюю войлочную юрту киргиза»¹⁵.

Заметим, что традиция каменного жилищного и ритуального строительства из сырцового и саманного кирпича в южных районах Казахской степи имела давнюю дороссийскую традицию, и потому связывать распространение там стационарного жилища исключительно с усилением российского влияния и переходом к оседлости по меньшей мере недостаточно обосновано.

Здесь сам собой напрашивается обобщающий вывод, который раньше современных историков сделали исследователи Казахской степи все того же XIX столетия: «С переходом к полуоседлости и заменой примитивного жилья более развитыми типами старые формы не уничтожаются: они принаравливаются к хозяйственным нуждам и строятся наряду с более сложными жилыми строениями, вследствие чего, находясь на одном дворе, является возможность проследить историю жилища в главных моментах его развития»¹⁶.

Российские современники отмечали, что у казахов, проживавших ближе всего к русским городам и давно включенных в орбиту российской внутренней жизни, в условиях зимнего времени юрта начала тесниться стационарными жилищами. Юзефович в 1880 г. сообщал: «В Илецком уезде нет ни одного киргиза, зимующего в кибитке. Громадное большинство их зимует в землянках. Некоторые же строят себе деревянные дома, заключающие в себе уже кое-какой комфорт. Мне случилось видеть несколько киргизских усадеб в Илецком уезде, напоминающих собою усадьбы мелких помещиков. Подобных крупных деревянных усадеб в Илецком уезде сорок пять. Маленьких деревянных усадеб в Илецком уезде до двухсот. В деревянных постройках преимущественно селятся жители приуральских волостей, по случаю близости леса, следовательно, недостаток леса представляет почти исключительное условие недостатка более долговечных и удобных построек у киргизов Илецкого уезда»¹⁷. Автор не только отмечает значительное распространение русской оседлой культуры на кочевников, но и подчеркивает, что это влияние было бы более мощным, если бы не сдерживалось недостатком природных ресурсов.

Известно, что российская администрация, стремясь косвенно стимулировать казахов к оседлости и намереваясь основать в степи стационарные центры управления, с готовностью шла на строительство более или менее фундаментальных зданий для представителей казахской элиты, которых рассматривала в качестве своих союзников в деле «обуздания» и «цивилизации» кочевников. Остановимся лишь на трех примерах.

Вскоре после основания в 1752 г. крепости Св. Петра (ныне — Петропавловск) на берегу р. Ишим было принято решение о строительстве для султана Средней орды Абылая ставки, находясь в которой он мог бы принимать участие в решении вопросов урегулирования споров и управления казахским населением. Документы свидетельствуют, что «по просьбе его, Абылая, для пребывания его построен прямо у крепости Св. Петра, вверх по р. Ишиму в горах Енгистау, в 1765 году деревянный дом»¹⁸. Датированное 25 октября 1765 г. «Доншение в Коллегию иностранных дел от находившегося в Омской крепости генерал-поручика Шпрингера о построении киргис-кайсацкому владельцу Аблаю салтану деревянного дома» содержал «План вновь построенного киргис-кайсацкой Средней орды Аблай салтанового дома», а точнее усадьбы, которая включала личные покои, канцелярию, баню и дом для приезжавших старшин¹⁹. Иными словами, речь идет о полноценной резиденции для степного правителя, призванной стать опорой российской власти в этой части казахского региона. До наших дней это сооружение не дошло, сгорев в одном из пожаров, предположительно в 1829 году.

Близкие к вышеназванным цели преследовало российское правительство, обустроивая резиденцию вдове хана Малой орды Уали (сына Абылайхана) Айганым, которая правила родом после смерти супруга. В 1823 г. она обратилась к генерал-губернатору Западной Сибири П.М. Капцевичу с просьбой об отводе ей кочевья на родовых землях в урочище Сырымбет. Просьба генерал-губернатора, поддержанная Сибирским комитетом, была удовлетворена императором Александром I, повелевшим построить для Айганым и ее семейства небольшой дом и мечеть. Государь согласился с идеей Капцевича, ко-

торая повторяла один из лейтмотивов тогдашней региональной политики империи и сводилась к тому, «... что при настоящем устройстве внешних (казахских. — *Д.В.*) округов водворение знатнейшего в степи семейства послужит наилучшим примером и поощрением к оседлой жизни для прочих значительных султанов и подчиненного им народа...». Не сбрасывалось со счетов и то обстоятельство, что при планировавшемся учреждении Омской области (согласно Уставу о сибирских киргизах 1882 г.) первый степной округ должен был возглавить старший сын хана Уали Габайдулла, кочевавший неподалеку от Сырымбета ²⁰. Таким образом, новая усадьба предназначалась для выполнения двух функций: пропагандировать оседлость и служить символическим воплощением российской власти.

Сохранилось краткое описание этой усадьбы, оставленное А.К. Гейнсом, посетившим Сырымбет в 1865 г. в составе Степной комиссии. «Две живописные горы, покрытые бором, закрывают его усадьбу; пронесшись по каменистому подъему и спуску, мы увидели несколько домиков во вкусе наших помещичьих средней руки, а посередине мечеть» ²¹.

Неоднократно бывавший в Сырымбете Г.Н. Потанин также оставил зарисовку владения Валихановых после смерти Айганым (1853). «Усадьба Чингиса (отца Ч. Валиханова. — *Д.В.*) состоит из большого барского дома с тремя флигелями, амбарами и мечетью. В главном доме зимой помещается султан Чингис с семьей младшего сына Кокуша, во флигелях — Маке (брат Валиханова. — *Д.В.*), разведенная жена Якуба (брата Валиханова. — *Д.В.*) с его детьми (бывшая сначала женою Чокана) и мулла. Усадьба расположена на открытой площадке, над которой с востока возвышается гора Сырымбет, покрытая на этой стороне сосновым лесом, с запада большая березовая роща отделяет усадьбу от большого озера, воды которого видны между стволами берез» ²².

Несколько позднее в Ханской Ставке был возведен деревянный дом (1827—1828) для правителя Внутренней орды хана Жангира. Первоначально он с семейством и прислугой занимал двухэтажный главный корпус и два отдельных флигеля. Позднее из-за недостатка помещений все строения были соединены в одно. В итоге ханский дом насчитывал 23 комнаты ²³. Кроме домочадцев в новых постройках разместилась и канцелярия хана. Примеру хана последовали и некоторые султаны.

Примечательно, что правительство весьма серьезно отнеслось к сооружению резиденции для хана Внутренней орды. И речь не только о довольно значительной сумме ассигнований — более 36 000 руб., но и о том, что ее проект был разработан Строительным комитетом Министерства внутренних дел и выполнен «в приличном вкусе». Необходимость затрат вице-канцлер К.В. Нессельроде оправдывал годами, «...кои могут произойти от устройства для хана Джангира Букеева постоянного жилища, и кои главнейшее заключаются в том, что оное находится будет почти в середине кочевок управляемой им орды, и, следовательно, всякие сношения с ним киргизов и россиян получают значительное облегчение и удобство...» ²⁴

До наших дней дошли довольно подробные описания ханского дома. «Жилище хана составляет весьма большой деревянный дом, который, говорят, обложен кирпичом; но вероятно только то, что он снаружи выштукатурен, выбелен, покрыт зеленой железной кры-

шей, украшен красивыми дождеотводными трубами и вследствие всего этого совершенно похож на строение “каменное”. Его фасад весьма красив и состоит из пяти удобо различаемых частей, между которыми середину занимает главный корпус. Этот последний имеет двенадцать окон и вместо тринадцатого в середине — дверь, ведущую на небольшую террасу, помещенную перед четырьмя средними окнами. Над террасой висит такой же, как и она величины, балкон мезонина, поддерживаемый шестью красивыми белыми колоннами и украшенный, кроме узорной деревянной решетки, еще шестью довольно тонкими столбами, на которые опирается выдающаяся над балконом крыша.

К бокам этого главного корпуса с каждой его стороны примыкают два небольших совершенно одноформенных строения, на вид тоже каменные, но не столь уж высокие и прикрытые своей особой крышей, с лицевой стороны имеющей вид почти полушара. Правое (западное) из этих боковых строений снабжено четырьмя окнами гораздо меньших размеров против окон среднего корпуса; левое же (восточное) имеет их только три, а вместо четвертого (второго по положению от главного дома) сделана дверь с крытым крыльцом, освещаемым в темные вечера двумя пестрыми фонарными столбами. Наконец, к каждому из описанных боковых строений примыкает еще по одному флигелю, снабженному тремя окнами, из которых средние — венецианские, и покрытому своею особою обыкновенной формы крышею. Размеры окон, а равно и высота флигелей совершенно такие же, как и в соседних с ними частях дома...

Все лицевые окна ханского дома снабжены зелеными ставнями, сделанными из узких поперечных дощечек. С террасы спускается широкая пятиступенная лестница, от которой идет устланная песком дорога, ведущая к мечети. Перед окнами разведен довольно большой палисад, огороженный красивой деревянной решеткой; его только не достает перед восточным промежуточным отделением дома, где, как мы уже видели, устроено крыльцо, от которого идут по зеленой мураве две протоптанные дорожки: одна вправо — к мечети, другая влево — к воротам. В палисаднике восточного флигеля устроены парники, в которых в 1846 году разводились огурцы, дыни и тыквы.

Противоположный, то есть обращенный на двор, фасад ханского дома уже не столь красив: его в особенности портят три не слишком чистые крыльца, из которых среднее ведет в главный корпус, а боковые — во флигеля. Эти последние здесь не выштукатурены и далеко выходят во двор из-за общей черты дома.

Что касается внутренности ханского дома, то в нем считается двадцать три комнаты, а именно: семь — в главном корпусе и две — в его мезонине; затем одна комната — в левой пристройке и пять — в правой; в восточном флигеле — пять комнат, да в западном — три; сверх того в этом последнем устроена еще баня»²⁵.

От резиденции Жангира до наших дней сохранился лишь восточный флигель. Сегодня ханский дворец полностью восстановлен.

Стремясь облегчить свои бытовые условия зимой, казахи вовсе не желали отказываться от юрты, сопровождавшей их в другое время года. Землянки и даже более или менее комфортабельные дома не могли полностью вытеснить из народного обихода юрту, бывшую своего рода этническим идентификатором казахского общества. То же применимо и к казахской домашней утвари.

Расширенное проникновение русской бытовой культуры, обусловленное, в том числе, развитием товарности казахского хозяйства, привело к распространению в кочевой среде русской посуды (фаянса и фарфора, самоваров, сковород), зеркал, сундуков, предметов мебели. Кровати, комоды, шкафы, столы, стулья, тарелки, ложки и вилки можно было встретить в богатых семьях, тесно связанных с городской жизнью. Керосиновые лампы постепенно заменяли жировые светильники. Об употреблении вилок для потчевания европейских гостей говорит Юзефович. Он же сообщает о том, что казахи Илецкого и Николаевского уездов вполне переняли у русских обычай чаепития со сладостями (сахаром), без чего уже и не представляли своей повседневной жизни ²⁶.

А вот как описал внутреннее убранство дома Валихановых А.К. Гейнс: «В середине дома, занимаемого Чингисом с женою, убранство подходит к помещицкому. В зале орган, играющий до двенадцати пьес; зеркала в простенках, бронзовые канделябры с хрустальными подвесками, такие же бра; маленькие шелковые портьеры, обшитые тонким, но широким аграмантом (узорчатое плетение из шелкового или металлизированного шнура. — Д.В.). В гостиной вместо гарднеровских или корниловских ваз стоят китайские; лампа на столе, диван и прочее. Все полы выложены ташкентскими и персидскими коврами; на мебель накинута тигровая, барсовая и медвежья шкуры» ²⁷.

Гораздо большей роскошью отличались интерьеры дома хана Жангира. Значительный размер здания со множеством комнат и его особое значение объясняют пространность описания. «Среднее крыльцо заднего фасада ведет, после довольно большой передней комнаты, в приемную залу, освещаемую четырьмя окнами и пятою стеклянною дверью, ведущею на террасу. Эта зала меблирована по-европейски, и одним из замечательнейших предметов между мебелью были астрономические часы, стоявшие вправо от входа: они украшались искусной бронзовой работой и были помещены на небольшом красного дерева комодке, на углах которого возвышались глобусы: земной, небесный и два лунных; механизм комоды сопровождал бой часов приятной органной музыкой и приводил в движение лунные глобусы так, что они показывали своею временною фазы этого светила.

В правой от входа стене залы находится дверь, ведущая в гостиную — небольшую комнату, убранную тоже по-европейски; в ней висел богатый портрет государя императора и портреты Жангира и сына его Сагиб-Гирея (последний — дагерротипный) ²⁸. В левой стене залы также находится дверь, которая ведет в небольшую, освещенную двумя окнами, комнату, резко отличающуюся от двух предыдущих возвышенным на поларшина полом вдоль лицевой стены. Это возвышение имело для восхода две ступени и, при жизни хана Жангера, покрывалось богатыми персидскими коврами, на которых всегда можно было найти богатую бархатную подушку, окаймленную золотой бахромой и с такими же по углам кистями, лежавшую близ стены в середине возвышения; над подушкой висел на стене дорогой ковер, и на нем симметрически располагались богатые шашки, сабли и ружья, а по бокам окон развешены были дорогие седла и другие принадлежности конской сбруи. У боковых стен возвышения и теперь стоят два узкие, но высокие, красного дерева шкафа, в которых за стеклом помещались различные азиатские кольчуги, налокотники, шлемы и другие воинские доспехи...

В остальной части этой комнаты, которую называют здесь “оружейной”, вдоль стен идут широкие шкафы. красного же дерева, в которых за стеклом красиво расположено множество различных сортов ружей, винтовок, шашек, сабель, кинжалов и пр.»²⁹

Приведенный фрагмент демонстрирует визуально-бытовой культурный дуализм высокопоставленных представителей казахской элиты, которые, с одной стороны, окружали себя предметами и создавали образ, подтверждающий их близость к Российской империи как действующего источника легитимности их власти, а с другой — сохраняли утварь и элементы традиционной культуры для демонстрации приверженности казахской идентичности, дабы оставаться понятными и быть понятыми представителями разных слоев подведомственного им населения. В представленном отрывке этот дуализм проявляется в наличии у Жангира двух приемных залов — для европейцев и казахов — соответствующим образом декорированных. Причем последний не только символически воспроизводит мужскую (ханскую) юрту, но и сам включает в интерьер незначительные европейские детали как постоянный намек на принципиальный источник ханской власти.

Являясь своего рода воплощением мирного фронта цивилизаций, хан Жангир стремился максимально приблизить друг к другу две обреченные на сосуществование кардинально различающиеся социокультурные общности, в буквальном смысле собрать под одной крышей кочевников и европейцев, сделать так, чтобы первые с наименьшими потерями адаптировались к условиям жизни, предложенным вторыми. В выпуске от 8 января 1844 г. газета «Русский инвалид» поместила репортаж о праздновании тезоимениства (именин. — *Д.В.*) императора Николая I в доме хана Жангира. «В 3 часа в честь высокого именинника хан давал обед, на который приглашены были почти все находившиеся в Ставке. В одной зале (традиционно убранной «оружейной». — *Д.В.*) расположились по-азиатски старшины с простыми киргизами, другую залу (приемную. — *Д.В.*) занимало русское и татарское купечество, проживающее в Орде для торговли, и, наконец, особо, за прекрасно убраным столом, блиставшим богатыми серебряными приборами, сам хан с почетнейшими лицами из киргизов и русских; тосты за здоровье государя императора и потом за благоденствие августейшего дома его приняты были всеми с восторгом, и полное удовольствие одушевляло всех»³⁰.

Даже современники отмечали дуализм цивилизационного образа хана и его свободное отношение к канонам ислама, что оправдывалось европейскими (российскими) цивилизационными нормами, правилами этикета и канонами государственной службы. Знакомые с образом жизни Жангира говорили, что он «...был человек образованный, и род жизни его был столичный: достаточно взглянуть на его комнаты, убранные со вкусом. Стулья, кресла, диваны и зеркала выписаны им из Петербурга; картины, портреты семейный и его самого, развешаны по стенам, что по закону магометанскому запрещается... В особом отделении устроена зала — приемная для киргизов, коих он угощал, сидя на разостланных коврах: с ними он пил и ел. Желая нравиться своей орде, он придерживался их обычаев, так что между нами был он тот же кочующий киргиз-кайсак, между учеными — ученый, мнения и разговоры его слушали с удовольствием»³¹.

Путешествовавшие по степи несколько позднее К.В. Струве и Г.Н. Потанин побывали в гостях у знаменитого на всю равнину Зайсана бия Тана Тлемисова: «В юрте у Таны мы нашли много европейских вещей; Тана, кажется, выбрал между европейскими товарами все, что только подходило к кочевому быту; так, например, он перекочевывал со своих зимних пастбищ на летние и обратно в хорошем тарантасе, запряженном тройкой; погребцы его заключали все разнообразие русской чайной посуды и серебра; кумыс у него подавался в европейской фарфоровой вазе необыкновенно тонкой работы и разливался не самодельным деревянным “саптаяком” (деревянная чаша с ручкой. — *Д.В.*), а серебряной суповой ложкой. Русские железные щипцы для вынимания углей из печи также оказались очень приличными в юрте киргизского богача»³².

Однако в казахской повседневности европейские манеры и предметы обихода широкого распространения не получили. Тот же Юзефович отмечал, что только «...богатые киргизы нередко делают вам любезность, предлагая стул, которые они держат, очевидно, для посетителей европейцев»³³. Какие бы предметы ни входили в казахский обиход, как бы ни трансформировалось жилище кочевников, основные предметы убранства в стационарные дома переходили из юрты. «Порядок их расположения несколько изменился, причем, очевидно, еще не сложился в прочную традицию, но в отличие от юрты строгого расположения вещей не соблюдалось»³⁴.

Рассмотренные свидетельства современников доказывают, что определенные изменения в казахской повседневности, происходившие под влиянием российского (русского) воздействия, имели эпизодический, далеко не массовый характер. При этом они происходили лишь в зоне активного (физического) взаимодействия представителей двух социокультурных общностей — в приграничной полосе и во Внутренней орде, помещенной в свое время на внутренней территории России и окруженной со всех сторон ординарными или близкими к ординарным административно-территориальными единицами империи. Проведенное исследование позволяет поддержать гипотезу о трех административных моделях, созданных российским правительством в Казахской степи. Комплекс мероприятий, проведенных в этой части казахских земель ханом Жангиром, был обусловлен специфическим географическим положением (ограниченность удобного для кочевий земельного фонда, российское окружение) и императивом имперского правительства на ускоренную адаптацию субрегиона к социально-экономическим условиям внутренней России. Поэтому нет оснований говорить о значимой аккультурации казахов русскими в масштабах всего кочевого социума.

Примечания

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008).

1. В настоящем исследовании источники цитируются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации (с сохранением лингвистической специфики), независимо от времени и места их опубликования.
2. ЛЕВШИН А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 3. СПб. 1832, с. 18—19.

3. Там же, с. 24.
4. ВОСТРОВ В.В., ЗАХАРОВА И.В. Казахское народное жилище. Алма-Ата. 1989, с. 24.
5. Там же, с. 25.
6. ЮЗЕФОВИЧ Б. О быте киргизов Тургайской области. — Русский вестник. 1880, № 4, с. 811.
7. Букеевской орде 200 лет. Кн. 4. Алматы. 2001, с. 109.
8. Там же, с. 167—168.
9. ВОСТРОВ В.В., ЗАХАРОВА И.В. Ук. соч., с. 22.
10. ГЕОРГИ И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Перепечатано с изд. 1799 г. с испр. и доп.; изд. 2-е. СПб. 2007, с. 239.
11. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук по предложению ее президента. Т. 7. СПб. 1825, с. 16.
12. ЮЗЕФОВИЧ Б. Ук. соч., с. 819—820.
13. ВОСТРОВ В.В., ЗАХАРОВА И.В. Ук. соч., с. 39—40.
14. Там же, с. 51.
15. Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Кн. 17. Вып. 1. Омск. 1894, с. 9, 10.
16. ХАРУЗИН Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. — Этнографическое обозрение. 1896, № 2—3, с. 71.
17. ЮЗЕФОВИЧ Б. Ук. соч., с. 810.
18. Северо-Казахстанская область. Энциклопедия. Алматы. 2006, с. 119.
19. Проект «Культурная карта Казахстана». — culturemap.kz/ru/object/istoriko-memorial-nuiy-kompleks-rezidenciya-abylaiy-ha.
20. ВАЛИХАНОВ Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 5. Алма-Ата. 1985, с. 15—16.
21. ГЕЙНС А.К. Собрание литературных трудов. Т. 1. СПб. 1897, с. 265.
22. ВАЛИХАНОВ Ч.Ч. Ук. соч., с. 325.
23. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Западно-Казахстанская область. Алматы. 2010, с. 151—152.
24. МУКАТАЕВ Г.К. Хан Жангир — великий преобразователь степи: Док. и материалы. СПб. 2001, с. 45.
25. КИТТАРЫ М.Я. Ставка хана Внутренней киргизской орды. СПб. 1849, с. 9—12.
26. ЮЗЕФОВИЧ Б. Ук. соч., с. 821, 823.
27. ГЕЙНС А.К. Ук. соч., с. 265.
28. Есть свидетельство, что когда-то в этой комнате находилось фортепиано (ИВАНОВ И.С. Джангер, хан Внутренней киргизской орды. Астрахань. Букеевской орде 200 лет. Кн. 2. Алматы. 2001, с. 36).
29. КИТТАРЫ М.Я. Ук. соч., с. 12—14.
30. История Букеевского ханства. 1801—1852 гг.: сб. док. и мат-лов. Алматы. 2002, с. 830.
31. ТЕРЕЩЕНКО А. Ук. соч., с. 170.
32. История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков. Т. 7. Алматы. 2006, с. 19.
33. ЮЗЕФОВИЧ Б. Ук. соч., с. 820.
34. ВОСТРОВ В.В., ЗАХАРОВА И.В. Ук. соч., с. 64.

Распространение ислама в Анкратле и Цунте в XV—XVIII вв.

Ш.М. Хапизов, М.Г. Шехмагомедов

Аннотация. В работе приводится анализ арабоязычного источника, повествующего об истории распространения ислама в Нагорном Дагестане (горной Аварии), условно названного «История Анкратля». Объектом исследования стала территория Анкратля — исторической области Дагестана на границе с Грузией. Вплоть до конца XV в. здесь были распространены традиционные религиозные культы, а также христианство. В 70—80-х гг. XV в. на этой территории прошел сложный процесс исламизации, включавший в себя как мирные способы распространения новой религии, так и насильственные. Основными источниками в ходе исследования данных процессов стали грузинские и восточные письменные источники, а также эпиграфические памятники с использованием в случае необходимости фольклорного материала.

Ключевые слова: Дагестан, Грузия, Анкратль, Цунта, исламизация, христианство.

Abstract. The work provides analysis of Arabic-written source about the history of the spread of Islam in Highland Dagestan (Mountain Avaria), called “History of Ankratli” from its contents. The object of the study was the area Ankratli — historical region of Dagestan on the border with Georgia. Until the end of the XV century here the traditional religious rites were common, as well as Christianity. In the 70—80-ies XV c. here was a complex process of Islamization, includes both peaceful ways to spread the new religion and the violent methods of its implementation in the life of the local population. The main sources of the study of these processes were local, Georgian and Eastern written sources and epigraphic monuments, using, if necessary, folklore material.

Key words: Dagestan, Georgia, Ankratli, Tsunta, Islamization, Christianity.

Средневековая история Нагорного Дагестана (особенно южной части горной Аварии) и наиболее узловые ее моменты, к которым можно отнести распространение христианства и смену его исламом, является одной из малоисследованных тем, которая вызывает интерес про-

Хапизов Шахбан Магомедович — научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра (ДНЦ) РАН. Махачкала. E-mail: markozul@mail.ru; *Шехмагомедов Магомед Гаджиевич* — научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала. E-mail: shehmagomedov.magomed@yandex.ru.

Khapizov Shakhban M. — researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center RAS. Makhachkala. E-mail: markozul@mail.ru; *Shekhmagomedov Magomed G.* — researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center RAS. Makhachkala. E-mail: markozul@mail.ru.

фессиональных историков и краеведов. Однако отсутствие местных источников и слабое освещение прошлого этого края в иностранных документах долгое время не давали возможности ответить на большинство вопросов, возникающих перед любым исследователем этого периода истории Нагорного Дагестана (горной Аварии). Особенно это касалось наиболее отдаленных, приграничных с Грузией аварских союзов обществ (бо) — Анкратля ¹, Цунты и Караха (ныне Гляратинский, Цунтинский, Чародинский районы и Бежтинский участок Республики Дагестан). Единственным источником, несмотря на его противоречивость и отрывочность, а также отсутствие каких-либо дат в тексте, являлась «История Гледока».

Указанные выше обстоятельства придают особую ценность обнаруженному источнику, в котором процесс исламизации данного региона описан, за редким исключением, последовательно и, что особенно важно, в нем наиболее значимые события датированы. Данное историческое сочинение также позволило встроить в исторический контекст информацию ряда эпиграфических памятников, которые были обнаружены на территории исторического Анкратля (Гляратинского района и Бежтинского участка РД) в 2013 году. Однако данное исследование было бы явно неполным без использования средневековых грузинских источников, которые также дают отрывочную, но ценную информацию.

Особый интерес вызывает упоминание Анцухского епископата в синодике XIV в., хранившемся в грузинском монастыре на Синае. Это — приписка от 1318 г., сделанная в Евангелии, принадлежащем Л.А. Магалашвили. Она впервые была опубликована известным грузинским историком М. Джанашвили в 1895 г. на грузинском языке. Позднее в Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа был дан русский вариант статьи ². Согласно этой записи, «блаженный патриарх наш Евфимий», совершая обход подведомственных епархий в 1310 г., «обозрел в Кахети епископию Анцуха» ³. Таким образом, мы имеем указание на прочные позиции христианства в Анцухе — исторически наиболее влиятельном бо южной части горной Аварии. К XIV в. относится и упоминание в одной из грузинских рукописей монастыря на Синае «гундзского», то есть аварского «епископа Окропири», имевшего престол в Хунзахе ⁴. В этой связи, кажется вполне логичным вывод А.Р. Шихсаидова о том, что «хотя к концу XIV в. столицу Аварии селение Хунзах мы видим уже мусульманским, все-таки потребовалось еще не менее двухсот лет, чтобы большое число расположенных к западу от него союзов сельских обществ было вынуждено признать себя мусульманскими» ⁵. Этот тезис вполне применим и к южной части горной Аварии — Анкратлю и Цунте.

О противоречивости этих процессов говорят и другие сведения, введенные в научный оборот историком М. Джанашвили. Согласно этим данным, в южной части горной Аварии даже в начале XV в. было распространено знание грузинского языка и христианство православного толка: «Хотя лезгины приняли магометанство и по сей причине не допускали к себе священников, однако царь Александр (1414—1442) успел изгнать арабских мулл из Лезгистана и привести страну в прежнее ее состояние» ⁶. Здесь под «лезгинами» понимаются

горные аварцы, проживавшие на границе с Кахети (восточная часть Грузии).

Как выясняется в ходе исследования источников, покровителем процесса исламизации Нагорного Дагестана являлся, прежде всего, известный завоеватель Тамерлан и его сыновья. Грузинского царя Александра, противодействовавшего процессу исламизации южной части горной Аварии, сумел подчинить своей власти в 1435 г. сын Тамерлана — Шахрух. Овладев Азербайджаном, он пришел в Муган с большим войском и направил сообщение грузинскому царю с требованием повиноваться «его властительству». Помня о губительных походах его отца в Грузию, Александр и его окружение решили отправить к Шахруху сына Димитрия. Посольство его увенчалось успехом и вернулось с ответными дарами ⁷, а сам Шахрух не стал продолжать поход в Грузию. В то же время, «провинции Шакинская и Ширванская отреклись тогда от повинования иверскому царю» ⁸. Царь Александр «привел оные в послушание законной власти», но вскоре, в 1442 г., умер, разделив перед смертью свое царство между тремя сыновьями. После его смерти в Грузии стремительно начали развиваться центробежные процессы, которые были усилены внешним воздействием.

В 1451—1452 гг. часть Ирана от Кермана до Грузии занял предводитель туркменского племени Кара-Коюнлу (Черные бараны) Джехан-шах, а другую — большую часть — Уруза-Хасан вместе со своим племенем Ак-Коюнлу (Белые бараны). Приблизительно в то же время, 29 мая 1453 г., султан Мехмед II после ожесточенной битвы овладел Константинополем и таким образом уничтожил Византийскую империю. Османы вскоре усилили экспансию на восток и в 1461 г. захватили Трапезундское царство на берегу Чёрного моря, которое являлось оплотом христианства (население — грузинские племена лазов и греки) на востоке Малой Азии. Кавказские христианские владения оказались фактически отрезаны от Западного мира, что повлекло за собой упадок международной торговли и нанесло удар по хозяйству Грузии ⁹. Результатом стал сильнейший внутренний кризис и развал единого грузинского государства в 1466 году. В восточной Грузии образовались самостоятельные государства — Картли и Кахети, которым в 1466—1476 гг. правил Георгий. Царь Баграт, хотя и считался правителем всей Грузии, фактически правил только центральной ее частью с центром в Тбилиси (в 1466—1478 гг.) ¹⁰

В связи с этим, следует согласиться с мнением П.И. Тахнаевой, о том, что смена христианства на ислам в южной части горной Аварии связана с прекращением поддержки его извне, из-за распада единой Грузии в 1466 году ¹¹. В самом деле, уже в 880 г.х. (начался 4.05.1475 г.) был исламизирован один из центров аварского христианства — Гидатль ¹². Одновременно ислам распространился в Келебе и соседних с Гидатлем общинах.

«История Тледока», судя по всему, была написана в 1203 г.х. (1788—1789 г.). Этот вывод основан на следующих фактах.

Первый из них — сборник исторических сочинений, хранящийся в частном собрании в селе Кахиб Шамильского района РД. В нем имеются «История Маза» (с указанием — «переписал данное историческое сочинение в 1203 г. со списка Ибрахима Иса ал-Кусруди») и

«История Тледока» (с указанием — «завершено рукой Исы ал-Кусруди в месяце джумада ал-ула 1203 (1789) года»¹³). Очевидно, что первое сочинение было только переписано¹⁴, а второе — написано. Т.М. Айтберов, исследуя источник, обнаружил два списка. Первый состоял из двух частей — «Истории Маза» и «Истории Тледока», а во втором списке «Истории Тледока» отсутствовала «История Маза», а сама она носила характер законченного сочинения, оканчивавшегося указанием о написании его Исой ал-Кусруди. Согласно данному автору, у одного из главных действующих лиц исторического сочинения, то есть «у Алибека, было два сына — Султанахмад и Исмаилбек, а его сын — Алибек, его сын — Данийал, его сын — Хасанбек, его сын — Исхак, его сын — Шайх, его сын — Ахмад, его сын — Али, его сын — Ахмад, а тот, кто после них, еще во чреве». Если учесть, что Алибек, указанный в самом начале генеалогической цепочки, жил в конце XV в., то 10 поколений должны смениться до конца XVIII в., когда и был написан источник Исой ал-Кусруди. В селе Косрода имеется род Пенкь-АхИматГилал, образованный в результате переселения из села Ириб части тухума, в котором поныне проживают потомки вышеуказанного Алибека, известного здесь как шайх или дервиш по имени Али¹⁵. Соответственно, можно предположить, что Иса ал-Кусруди писал свой труд, основываясь на преданиях потомков вышеуказанного распространителя ислама.

Очевидно, приблизительно в то же время написан анализируемый источник, условно названный «Историей Анкратля», который в значительной части совпадает с «Историей Тледока». Согласно ему, в 880 г.х., то есть одновременно с гидатлинцами, ислам приняли и карахцы. Причем, если «История Тледока» говорит о насильственном характере исламизации Караха («два корейшита — Султанахмад и Алибек — пришли к селению Куруш¹⁶, [в котором] находился его владетель. Они оба простояли вокруг него три месяца. После того, при помощи всевышнего Аллаха, вдвоем завоевали его и овладели вдвоем же вилайатом Карах»¹⁷), то исследуемый источник не содержит такой информации («курайшиты Султан-Ахмад и Али-бек на долгое время остановились в селении Кьорош области Каралал. Они обратили их в ислам и закрепили за ними их имущество»). Вполне возможно, что автор второго источника просто не стал акцентировать внимание читателя на этом вопросе.

В дальнейшем «История Анкратля» повествует о переговорах между курайшитами (Али-бек и Султан-Ахмад) и анкратлинцами, среди которых ведущую роль играли анцухцы. «История Тледока» указывает на то, что отряд газиев под руководством Али-бека и Султан-Ахмада из села Глярош, находившегося в нижней части карахского ущелья, прошел в его верховья и оттуда перешел по перевалу Нукатльский (3377 м) в Анкратль, а именно — в ущелье Богнода. «Вилайат Гинди-Карди» — селения Гиндиб и Кардиб, расположенные в верховьях ущелья Богнода, то есть через 3—4 км после спуска с Нукатльского хребта — неправильно идентифицированы автором перевода как села Тинди и Кеди в Цумадинском районе. В «Тарихи Анкратль» говорится о том, что переговоры между газиями и анцухцами завершились добровольным принятием ими ислама в 881 г.х. (начался 4.05.1476 г.), то есть через год после исламизации карахцев. Более

того, согласно выдвинутому анцухцами условию, они отныне становились основным оплотом газийских отрядов, значительная часть которых формировалась уже из их числа. Одновременно с анцухцами приняли ислам и находившиеся под их влиянием аварские бо: Кособ, Хорода, Томс и Анцросу (ныне — северная часть Тляратинского района РД). Вскоре благодаря активности анцухцев добровольно («не прибегая к силе») приняли ислам и другие бо Анкратля — Глодок, Тланада, Богнода и Унхада. Сопротивление газиям оказал лишь союз обществ Томурал, расположенных в верховьях р. Чурмут («Некоторые из них им приходилось брать силой через бои и кровопролитные сражения. Так были завоеваны Томурал»). Поэтому, согласно «Тарихи Анкратль» джизйа была наложена только на общества Томурал, «потому что они оказали сопротивление». Таким образом, «История Анкратля» уточняет сведения «Истории Гледока» и вносит ясность в вопрос о характере исламизации Анкратля, в котором только в самой верхней его части, то есть там, где находился Томурал, этот процесс носил насильственный характер.

Данные «Истории Анкратля» подтверждаются и при обращении к эпиграфике и полевому материалу. Авторами были собраны предания об исламизации всех обществ Анкратля и только в 8 селениях союза обществ Томурал (и выходцы из сожженного газиями села Нодочи, которое располагалось в ущелье Тланада, недалеко от союза Томурал) старожилы помнят о сражениях с отрядами газиев. Там же, в селе Чорода, которое расположено на окраине союза Томурал, сохранилась надмогильная плита первого, по преданиям, мусульманина в округе. Это Учил Самин (авар. — «Самин, сын Учи¹⁸»), который судя по эпитафии погиб в 887 г.х. (начался 24 февраля 1482 г.). Перевод эпитафии: «887. Покойный Самин, сын Учи, да простит их Аллах. Дата [смерти] — год семь и восемьдесят и восемьсот». Дата смерти, написана цифрами в начале эпитафии (по всей видимости, нанесена на надмогильную плиту позднее) и прописью (абджад) в конце эпитафии. Однако дата, указанная прописью в конце надписи, читается плохо в силу влияния на нее времени и влаги, а также запутанного ее написания.

Согласно преданию, записанному в 1959 г. у 90-летнего Шайха Алидибирова из с. Салда, «аул Чорода позже всех из тумуринцев стал мусульманским... Против аула на неприступной скале до сих пор сохранились развалины высокой башни, куда скрылось все население аула с приходом арабов. Учи не хотел стать мусульманином, а сын его, приняв эту веру и даже имя Салим, воевал против своих же. В одном из боев погибли они оба. Есть предположение, что убили они друг друга»¹⁹. Судя по местным преданиям, Сами стал активным распространителем ислама в этом регионе, несмотря на неприятие его активности родственниками и особенно его отцом — христианином Учи, который якобы и убил его во время сражения близ селения Чорода.

В бо Томурал, в верховьях р. Чурмут, вокруг сел. Камилух и Генеколоб имеется несколько небольших укрепленных поселений, которые были разрушены отрядами газиев (Агьи-гьен, Басанди-гьен, Тпад-Къебель, УрхИиб, Зермелиб, Тюхьурда и т.д.)²⁰. В результате численного перевеса газиев и попыток разрозненного отпора отдель-

ных общин, поселения Томурал постепенно были взяты, разрушены или покинуты жителями. В 2 км восточнее укрепленного поселения Больо-гьен (авар. — «лестничный замок»), которое расположено недалеко от вышеупомянутого села Чорода, на склоне, ныне заросшем лесом, находится заброшенное несколько веков назад кладбище. На нем удалось выявить лишь одну эпитафию, которая, судя по палеографическим данным, относится к началу XVI века. Перевод надписи на лицевой стороне надмогильной плиты: «Аллах. Смерть — истина, а жизнь — обман. Обладательница этой могилы — Ахбазак, дочь Маза ²¹». На оборотной стороне камня имеется продолжение эпитафии: «да простит ей Аллах все грехи». Последняя фраза позволяет утверждать, что отец покойной, то есть Маза, не был мусульманином, так как испрашивать прощения грехов немусульманина по шариату запрещено, а обычно в эпитафиях принято просить прощения грехов, как для покойного, так и его предков, если их имена указаны в надписи.

Согласно преданиям, укрепленное поселение Ботло-ген было взято газиями в результате долгой осады. После принятия ислама его жители расселились по бывшим своим хуторам (ныне села Салда, Улгеб и Гортноб), расположенным на правом, обращенном к солнцу, берегу реки Чурмут. В старом поселении Ботло-ген осталась лишь одна старуха, которая не захотела покидать свой дом и приняла ислам в самом конце жизни под давлением общины. Молодежь, поселившаяся на хуторах, однажды зимней ночью решила проследить за «правоверностью» старухи и забравшись на крышу ее дома, через дымоход стала наблюдать за ней. Старуха, оказывается, ужинала, с ножом в руке настригая ломтики мяса с сушеной головы медведя (по исламу, плоть любого хищника запрещена к употреблению). Услышав шорох на крыше, старуха отбросила медвежью голову и громко произнесла слова, которые до сих пор помнят местные старожилы: «Чтобы пусто было тебе, голова серны, [оказалась] не столь вкусная как медвежья». Вместо указания «медвежья» использовано, видимо, табуированное слово «стариковская» ²². Можно предположить, что вышеприведенная эпитафия принадлежит именно этой старухе, поскольку, это единственная надмогильная плита, на которой нам удалось обнаружить надпись, а женщина, судя по преданиям, была единственной жительницей поселения, заброшенного жителями после принятия ислама.

О процессе насильственной исламизации бо Томурал, помимо преданий, говорится и в одном сборном историческом сочинении XVIII в., обнаруженном в мечети аварского селения Кусур Рутульского района. В нем, в контексте распространения ислама в Анкратле, говорится, что «большое количество» жителей бо Томурал (он же Чурмут) «убежало в сторону гор Кесеруха», что в данном случае следует понимать как заселенные аварцами верховья р. Самур («Малый Тленсерух»). Однако газийский отряд догнал их у подножья горы Сару в верховьях р. Самур, у впадения в нее р. Халахур. Окружив чурмутцев, газии убили 12 наиболее влиятельных и «дерзких» мужчин, а остальных отправили в селение Кусур ²³. Один из тухумов Кусура до сих пор известен как основанный выходцами из окрестностей Камилуха — одного из селений союза Томурал.

Даты исламизации бо Карах (880 г.х.), Анцух (881 г.х.) и Томурал (887 г.х.) подтверждаются отчасти наличием в сел. Талцух (бо Тлебел) могил, приписываемых распространителям ислама — «шейхам» Исмаилу и Хасану и превращенных в зиярат — место паломничества мусульман со всего Анкратля. Согласно устной традиции, это отец и сын, что подтверждается эпитафиями (Хасан б. Исмаил и Исмаил б. Хасан). Дата смерти имеется лишь на надмогильной плите Исмаила б. Хасана, который умер в 900 г.х. (начался 10.10.1494 г.). В ограде зиярата имеются по две надмогильные плиты обоих шейхов — старые, которые, по всей видимости, были поставлены сразу после смерти, и новые, которые установлены при реставрации места паломничества в 1990-х годах. Надписи на старых и новых надмогильных плитах в информативной своей части идентичны, потому мы не даем отдельные переводы оригинальной и восстановленной эпитафий, ограничиваясь последней: 1. «Нет Бога, кроме Аллаха и Мухаммад — его посланник. Шейх Хасан, сын Исмаила». 2. «Нет Бога, кроме Аллаха и Мухаммад — его посланник. Шейх Исмаил, сын Хасана. [Умер] в 900 [году]».

В с. Талцух имеется тухум, образованный потомками Исмаила б. Хасана, который вероятно умер своей смертью уже после мирной исламизации Тлебела. Интересно, что в «Истории Тледока» одним из сыновей курайшита Али-бека указан некий Исмаил-бек²⁴, есть среди его потомков и Хасан-бек. Было бы преждевременным увязывать зиярат Исмаила, сына Хасана в селении Талцух, с вышеуказанным Исмаил-беком, сыном Али-бека, поскольку, несмотря на совпадение собственных имен, отцы у них указаны разные. Однако, учитывая имеющиеся факты, вероятность идентичности Исмаила, умершего в 900 г.х., и Исмаила, сына Али-бека, нельзя исключать.

Также следует отметить наличие в селе Тлярата могилы — зиярата, приписываемого шейху Султану, который якобы являлся курайшитом и распространял ислам в Анкратле. Местный краевед-историк А. Асадулаев в своем биографическом сочинении, посвященном известным историческим личностям из Тляратинского района, пишет, что Султан-шайх распространял ислам в бо Тлебел, Тланада и Томурал. По его словам, он являлся арабом из племени курайшитов и, ссылаясь на сочинение Шуайба ал-Багини (написано в начале XX в.), пишет, что шайх умер в 960 г.х. (начался 27.12.1552 г.)²⁵. Однако, ал-Багини в своем сочинении указывает, что шайх Султан Шайх Амир ал-Мишлиши умер в 970 г. хиджры (начался 9.09.1562 г.)²⁶. Очевидно, что в данном случае речь идет о двух разных исторических личностях, которые не имеют отношения друг к другу. На надмогильной плите шейха в селении Тлярата не указана дата, но очевидно, что она является восстановленной в XX в. копией старой плиты. На ней имеется следующая надпись, расположенная в пяти разграниченных полях: «1. Это могила и усыпальница (букв. — райский сад) 2. ... покойного шейха Султана ал-Хусайни, ал-Араби, да освятит Аллах его душу 3. Неизвестно и не представляется возможным установить дату его смерти 4. Да прольет Аллах на нас из его благодати. 5. Амин!» Возможно, что могила, приписываемая «арабу» и потомку внука пророка Мухаммада (точнее внука пророка — Хусайна) принадлежит вышеуказанному курайшиту Султан-Ахмаду. В одном из списков «Ис-

тории Тледока» указано, что «Султан» (не Султан-Ахмад) был убит жителями Тлодока после исламизации бо Томурал, который располагается недалеко от места его захоронения в селении Тлярата. Вполне возможно, что убитый в Тлодоке (в 1483 г.?) Султан был похоронен в Тлярата, где и сейчас имеется его зиярат.

«История Анкратля» указывает, что с определенного момента Анцух стал основной движущей силой в распространении ислама в южной, приграничной с Грузией, части горной Аварии. О руководящей роли анцухцев в исламизации селений Глебелского бо, говорят и местные предания, записанные автором в 2009 г. в селениях Цумилух и Нитилицух Тляратинского района ²⁷.

После исламизации Анкратля, согласно «Истории Анкратля», курайшиты Али-бек и Султан-Ахмад «обязали анцухцев вести священную войну против жителей области Цунтал до тех пор, пока они не примут ислам и будут исполнять все его столпы и также не станут выплачивать покорно джизью. Жители области Анцух согласились во главе всего общества Анкратль вести дело джихада, а Султан Ахмад и Али-бек вверив анцухцам все дела общества Анкратль вернулись обратно».

Эти сведения подтверждает и другой письменный источник, а именно письмо амира Али-бека к анцухцам («амсал»), датированное Т.М. Айтберовым XV в.: «Надеюсь, что вы великодушно разведаете у непокорных кидеринцев (Кидер) относительно [возможности] принятия [ими] ислама, взятия д.вира (дибира, т.е. муллу) и отдачи документа нам добровольно, до наступления полков и сбора войск. Если они примут [ислам], то [пусть] так [и живут себе], а если нет, то вы объявите им, что я приду с войсками, против которых им не устоять» ²⁸. Кидеринцы — это жители самого крупного ныне цунтинского селения Кидеро, расположенного на границе с историческим Анцухом (между Кидеро и Бежтой — Гинухский перевал).

Вероятно, попытка Али-бека распространить ислам в Кидеро была неудачной. В обоснование этого укажем, что еще в 1640 г. жители тех мест были язычниками, которых кахетинский царь Теймураз пытался «отвратить» от «идолослужения». Однако, как указывает «История Анкратля», анкратлинцы и, прежде всего, анцухцы, «в конце концов, завоевали земли цунтинцев и тем самым наложили на каждый дом их джизйу и харадж. Об этом было известно в народе. Исключение составили [общины] Мокок и Шаитли, так как они поддержали анкратлинцев и оказали им радушное гостеприимство, когда те шли через них в поход и возвращались обратно. Затем они (анкратлинцы) построили там (в области Цунтал) мечети, назначили над ними кадиев и правителей, установили среди них нормы и весы шариата».

Судя по всему, исламизация Цунты анцухцами произошла без участия Али-бека и Султан-Ахмада уже в XVII—XVIII веках. Отметим, что, согласно преданиям, мококцы активно участвовали в исламизации Асахского ущелья, а шаитлинцы — Шаитлинского, что видимо и нашло отражение в данном источнике. Северная часть Цунты, то есть население Шаитлинского ущелья, селения Сагада, Тляцуда и Хамаитли, а также Мокока и окрестных хуторов, приняли ислам, вероятно, в конце XVII века. Остальная часть цунтинцев была исламизирована в XVIII веке ²⁹.

Одним из важных обстоятельств, способствовавших успеху исламизации южных районов горной Аварии в 1470—1480-х гг. являлось разделение Грузии на несколько самостоятельных государств в 1466 г., что явно способствовало ослаблению влияния христианской церкви в этом регионе. Вместо единой Грузии соседом горной Аварии стало Кахетинское царство, первым правителем которого стал Давид Багратиони, отошедший от претендовавшего на правление всей Грузией Гиорги. В результате похода Гиорги на Кахети Давиду пришлось бежать в Цунту. Согласно Вахушти Багратиони — «Давид с семейством своим бежал в Дидоети, и дидойцы приняли его с почетом и благожелательно». После смерти царя Гиорги Давид смог вернуться из Цунты и в 1469 г. короноваться в Бодбийском монастыре. В 1471 г. Давид умер, однако цунтинцы и в правление его сына Гиорги сохранили свои отношения. «Туши и пшавы и хевсуры не подчинялись ему, а Дидоети оставался верным из-за верности к Давиду», который умер в 1492 году³⁰. Можно предположить, что с его смертью прекратилась и некая зависимость цунтинских аварцев от Кахетинского царства. Одновременно произошло усиление влияния газиев, которые выбрали своим центром Анцухское бо.

Таким образом, можно говорить о том, что формальное принятие ислама большей частью жителей Анкратля произошло в 1476—1477 гг., за исключением бо Томурал, основная масса населения которого приняла ислам в 1482 году. Исламизация же Цунты затянулась на несколько веков и была завершена в XVIII веке. Тем самым закончился многовековой процесс исламизации населения Дагестана.

Примечания

1. Исторический регион, состоявший в начале из 7 общин, которые к концу XIX в. разделились на 16 частей: Капуча, Унзиб, Шабах, Тух, Мачар-Калда, Кособ, Томсода, Верхний Таш, Средний Таш, Нижний Таш, Унхада, Анцросу, Бохнода, Глебелал, Канада, Чурмут, состоявших из 103 селений. АБДУЛМАЖИДОВ Р.С. Алаты обществ Анцух-Капуча и Бохнода: общая характеристика и сравнительный анализ. — Вестник Института ИАЭ. 2014, № 2, с. 66—78.
2. СМОМПК. Т. 22. Тифлис. 1897, отд. 1, с. 50.
3. ГЕНКО А.Н. Из культурного прошлого ингушей. — Записки коллегии востоковедения при Азиатском музее АН СССР. Т. 5. Л. 1930, с. 728—729.
4. ДЖАВАХИШВИЛИ И.А. Описание грузинских рукописей Синайской горы. Тбилиси. 1947, с. 244; Очерки истории Грузии. Т. III. Тбилиси. 2002, с. 518.
5. ШИХСАИДОВ А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. В кн.: Ближний Восток и Грузия. Тбилиси. 1991, с. 238.
6. ДЖАНАШВИЛИ М. Известия грузинских летописей о Северном Кавказе и России. Описание Осетии, Дзурдзукии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии. — СМОМПК. Т. 22. Тифлис. 1897, с. 52 (1—196).
7. БАГРАТИОНИ В. История царства Грузинского. Тбилиси. 1976, с. 294.
8. ДАВИД БАГРАТИОНИ. История Грузии. Тбилиси. 1971, с. 132—133.
9. Очерки истории Грузии, т. III, с. 466—467.
10. Там же, с. 469—470.
11. ТАХНАЕВА П.И. К вопросу о распространении христианства в Аварии. — Вестник ДНЦ РАН. 2001, № 11, с. 61.
12. АЙТБЕРОВ Т.М. Из дагестанских памятных записей. — Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала. 1980, с. 120; КЪАЯЕВЛУЛ Аь. Лакку мазрал ва тарихрал материалу. Махачкала. 2010, с. 63 (на лак. яз.).

13. ШИХСАИДОВ А.Р., АЙТБЕРОВ Т.М., ОРАЗАЕВ Г.М. Дагестанские исторические сочинения. М. 1993, с. 135.
14. Косрода — аварское селение в Чародинском районе РД.
15. ШИХСАИДОВ А.Р., АЙТБЕРОВ Т.М., ОРАЗАЕВ Г.М. Ук. соч., с. 145.
16. Тлярэш (авар. диал. Къорэш — «посреди [гор]») — одно из трех крупных селений Караха.
17. ШИХСАИДОВ А.Р., АЙТБЕРОВ Т.М., ОРАЗАЕВ Г.М. Ук. соч., с. 143.
18. Имя Учи, скорее всего, заимствовано у цунтинских аварцев и означает «сын»: у гунизбцев — ожо, у цезов — ужи, у хванов — ожо. Сами — образовано от аварского сум — «солома» и означает цвет волос (среди аварцев распространены следующие формы этого имени — Самилав, Сумалав, Сами и др.).
19. КАЗИЕВ Г. Буйнакский, Гунибский районы (перевод № 2). 1959 г. — НИФЛИ, № 69, л. 18об.—19.
20. ОМАРОВ М.М. Анкьракъ (Семиземелье). Махачкала. 2006, с. 12—20.
21. Женское имя Ахбазак, очевидно, образовано от аварского слова ахбазан — «абрикос»; а имя ее отца — Маза является корнем аварского слова Маза-лияв — «высокорослый, высокого роста»; в аварской антропонимии встречаются несколько форм мужских и женских имен, образованных от корня маза/база (взаимозаменяемость м и б в аварских диалектах общеизвестна; примером служит одновременное функционирование распространенного имени Усман/Усбан): Маза, Мазалав, Мазулав, Мазико, База, Базалав и т.д.
22. Полевой материал 2013 г. Информатор — житель сел. Салда Тлярэтинского района Исмаил Алиев, 1935 г.р.
23. АЙТБЕРОВ Т.М., ХАПИЗОВ Ш.М. Елису и Горный магал в XII—XIX вв. (очерки истории и ономастики). Махачкала, 2011, с. 289—290.
24. ШИХСАИДОВ А.Р., АЙТБЕРОВ Т.М., ОРАЗАЕВ Г.М. Ук. соч., с. 145.
25. АСАДУЛАЕВ ГІ. Тарихалда лъалкІ тарал лъебелал. МахІачхъала. 2011, гъ. 174—175 (на авар. яз.).
26. ШУАЙБ Б. ИДРИС АЛ-БАГИНИ. Табакат ал-хваджаган ан-накшбандийа ва садат ал-машайих ал-халидийа ал-махмудийа. Дамаск. 1996, с. 417 (на араб. яз.).
27. ШИХСАИДОВ А.Р., АЙТБЕРОВ Т.М., ОРАЗАЕВ Г.М. Ук. соч., с. 142—143.
28. АЙТБЕРОВ Т.М. Дагестанские документы XV—XVII вв. — Письменные памятники Востока. 1975. М. 1982, с. 4—11.
29. ГЕНКО А.Г. Ук. соч., с. 730.
30. ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ. История царства Грузинского. Тбилиси. 1976, с. 132—133.

Contents

Articles: **D.V. Andriyanova, E.A. Krestyannikov.** Models of official motivation of officials of the administration and justice of Siberia in the late XIX — early XX century. Historical profiles: **G.A. Grebenshchikova.** Andrey Iakovlevich Italinskiy. **H i s t o r i c a l p u b l i c i s t i c s:** **V.E. Bagdasaryan, S.I. Resnianskiy.** The version about «ritual murder» of imperial family in historical literature and a public discourse. Contributions: **G.B. Izbassarova.** Modeles to managethe kazakh steppe in the XIX century on the example of F.M. Lazarevsky's reflections; **Yu.I. Din, K.-H. Ming.** Covering the land operation of Soviet troops in North Korea in August 1945; **V.V. Gafarov.** Ottoman Empire policy of revolt caucasus muslims against Russia during the first World War. Debatable issues: **S.V. Kholyaev.** The dual revolution; **V.V. Anikin.** On the concept of “mode of production”. History and fates: **V.S. Mirzekhanov, M.V. Kovalev.** Intellectual migration of the XX century: to the question about models of study. People. Events. Facts: **Y.N. Timkin.** Political case about the decay of the party leadership in Vyatka district commitee of the VKP(b) in 1933; **R.I. Seferbekov, O.B. Khalidova.** Influence of the October revolution of 1917 on the economy, life and culture of the peoples of Dagestan; **D.A. Akhremenko, I.N. Novikova.** The judicial persecution of the Orthodox population in Austria-Hungary before the WWI; **D.V. Vasilyev, S.V. Lyubichankovskiy.** Kazakhs and Russians: acculturation in the everyday life in the 19th century. From history of religions: **Sh.M. Khapizov, M.G. Shekhmagomedov.** The spread of Islam in Ankratl and Tsunta in the XV—XVIII centuries.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Присланные материалы после рецензирования не возвращаются
Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 3, 2018

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.02.2018. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 850. Заказ 210-2018. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2018 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**